

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1983

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ—1983.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕЗ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

В

ма
сре
А.
сра
sen
дал

афф
пін
дит
сот
реш
алт
фак
ное
мер
счит
слог
афф
на с
сумр
прис
на п
к ут

это
гора
зую
для
подо
каза
аффи
соотв
прила
сај іс
А. Гу
аффи

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

М. И. ТРОФИМОВ

УДАРЕНИЕ В ГЛАГОЛАХ И ПОСТОЯННО БЕЗУДАРНЫЕ АФФИКСЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Известно, что некоторые аффиксы в тюркских языках не принимают на себя ударения. В этом случае ударение падает на слог, непосредственно предшествующий таким постоянно безударным аффиксам¹. А. Гуломов считает, что к последним относятся те аффиксы, которые сравнительно недавно были самостоятельными словами, например: узб. *seniŋla* 'с тобой' < *seniŋ biŋlan*; *ajtaŋkan* 'скажет' < *ajtar ekan*. Однако далеко не всегда этимология аффикса просматривается столь ясно.

Первым из этих безударных аффиксов можно назвать наречный аффикс *-ča/-čä*, например: уйг. *üjüngčä* 'по-уйгурски', 'уйгурский'; *mè-piŋčä* 'по-моему'; *bäturlärgčä* 'по-богатырски' и т. д.² А. Гуломов приводит примеры для узбекского, например: *miŋča* 'около тысячи', *juzlärgä* 'сотнями', *bulbulča* 'соловьем', *senča* 'по-твоему'³, Л. Базэн — для турецкого, например: *türkčä* 'по-турецки'⁴. Аналогичные примеры для алтайского приводились еще В. Радловым⁵. В. Прёле подтверждает факт безударности этого аффикса для турецкого, но отмечает, что данное положение сохраняет силу только для наречного аффикса, например: *bénze* 'по-моему', *tü'rkče* 'по-турецки', *güzélče* 'красиво'. В. Прёле, считающий, что ударение всегда, как правило, падает на последний слог слова, относит этот элемент к послелогам (энклитикам). Когда аффикс имеет словообразовательное значение, он принимает ударение на себя, например: *güzélcé* 'довольно красивый', *donuqčá* 'довольно сумрачный'. Если данное слово подвергается субстантивации и к нему присоединяются падежные аффиксы, то ударение тем более переходит на последний слог⁶. Наконец, Г. Ракетт вообще скептически относится к утверждениям о безударности этого аффикса⁷.

Другой аффикс, который также не принимает на себя ударение, это аффикс уподобления (сравнительного падежа?) *-däk*: *taŋdäk* 'как гора', *kündäk* 'как солнце'⁸ (Т. Талипов называет его аффиксом, образующим прилагательные). А. Гуломов приводит аналогичные примеры для узбекского языка: *sendek* 'как ты', *olmadaj* 'как яблоко'⁹. Видимо, подобные же примеры можно привести и для других языков, например, казахского, алтайского¹⁰. Далее, к этому списку можно отнести аффикс *-gina* со значением «весьма», «очень», «особенно», а также соответствующий русским уменьшительно-ласкательным суффиксам прилагательных «-оньк-», «-еньк-», например: уйг. *issiqqina bir čini čaj içivaldim* 'я выпил пиалу очень горячего чая', *illiqqina* 'тепленький'¹¹. А. Гуломов приводит аналогичные примеры для узбекского языка с аффиксом *-gina*, обозначающим ограничение, а при некоторых прила-

гательных — увеличение: *sengina* 'только ты', *kattagina* 'довольно много', *karalakina* 'бабочка' (ласкательная форма)¹². Ф. Г. Исхаков приводит аналогичные случаи из татарского, например: *matur yuna* 'довольно красивый', с оговоркой, что в значении «только» эта частица является ударной¹³.

В уйгурском языке существует еще один аффикс *-ida/-idä*, который образует наречия или компоненты фразеологизмов с ярко экспрессивной окраской. Последний согласный производящей основы удваивается. Таким образом, ударность гласного, как это бывает и в других случаях, сочетается с удвоением согласного: *vallida* 'блеск, сверкание', *ziššidä* 'плотно, густо', *lassida* 'вяло, слабо', *közidä žiqqida jaš aldi* 'пролил потоки слез', и *oltarın žajidin likkidä säkräp turup aldi* 'он легко вскочил с места'¹⁴.

К безударным относятся личные предикативные аффиксы. Это отмечал еще В. Радлов¹⁵. В уйгурском они имеют форму *-män*, *-sän*, *-miz*, *-siz*, *-dur*, например: *muällimmän* 'я учитель', *sän kimsän* 'ты кто', *iŋarımiz* 'мы передовики', *iščansiz* 'вы трудолюбивы' и т. д.¹⁶ Соответствующие примеры дает А. Гуломов для узбекского: *iščiman* 'я рабочий', *soŋman* 'я здоров'¹⁷. Для других языков также можно привести подобные примеры, в том числе: для казахского — *ätämyñ* 'я отец'¹⁸, киргизского — *këgä'ksiz* 'вы нужны', алтайского — *adabyñ* 'я отец'¹⁹ и т. д.²⁰ Л. Базэн дает аналогичный пример для турецкого *türkbän* 'я турок'²¹. Однако у В. Прёле находим несколько иное толкование этого примера. Он приводит мнение К. Нильсена, который, в соответствии со своей теорией, считает, что в словах *benim* 'мой' и *benim* 'я есмь' ударение в обоих случаях приходится на первый слог. По мнению В. Прёле, который исходит из другой концепции, в слове *quzüm* 'моя дочь' ударение падает, как обычно, на последний слог, а в сочетании *quzum* 'я девочка' — на первый, и здесь выступают два слова: *quz + um*. Он считает, что то же самое имеет место и в других тюркских языках. В пратюркском, по его предположению, существовали сочетания *menim quz* 'моя дочь' и *quz menim* 'я девочка' с различным логическим ударением. Из последнего сочетания и возникла форма *quzum*²². А. Гуломов относит к постоянно безударным еще несколько морфем, а именно: компонент неопределенных местоимений *-dir*, например, узб. *kimdir* 'кто-нибудь'²³ (ср. уйг. *kimdu* с тем же значением), заимствованный из русского аффикс *-ов, -ев, -ова, -ева*, образующий фамилии (это относится и ко всем другим тюркским языкам Советского Союза), наконец, аффикс *-ia*, имеющий значение совместности, который иногда употребляется в стихах, например: *гулла* 'с цветком', *қоғозла* 'с бумагой' (в разговорной узбекской речи соответствует аффиксу *-man*)²⁴. Аналогичная энклитика *-le*, восходящая к служебному слову *ile*, имеется и в турецком, например: *benimle* 'со мной'²⁵.

Так же как на все слова, на глаголы тоже распространяется правило об ударении на последнем слоге, в первую очередь на многие употребительные формы, в частности, на форму прошедшего «категорического» времени, образуемую с помощью аффикса *-di*, и форму условного наклонения, образуемую с помощью аффикса *-sa*²⁶, например: тур. *geldim* 'я пришел', *oqudim* 'я читал', *geldiniz* 'вы пришли', *oquduñuz* 'вы читали', *geldiler* 'они пришли', *oqudulär* 'они читали', *gelsém* 'если я приду', *oqusám* 'если я буду читать' и т. д., каз. *barsañız* 'если пойдете', *barsañızdär* 'если пойдете', *bardyq* 'мы пошли'²⁷ и т. д. Однако у глаголов также существуют исключения, причем их не меньше чем у неглаголов. Некоторые авторы пытаются дать обобщающую формулу ударения в глаголах. В. Прёле дает такое правило: «В

утвердительных формах все глаголы, поскольку они не оканчиваются на какую-нибудь энклитику или не являются сложными словами с вспомогательным глаголом *i* 'быть', несут главное ударение на последнем слоге». Отклонения же от этого правила он объясняет аналогией со сложными словами, в которых первый компонент якобы всегда несет главное ударение²⁸. К. Ищанов считает, что ударение в казахских глаголах приходится на показатели наклонения или времени, то есть оно не падает на личные аффиксы²⁹. В то же время он сам приводит примеры с ударением на личном аффиксе. Разноместный характер ударения в глаголах узбекского языка отмечает А. Гуломов³⁰. Кроме того, следует учитывать возможную подверженность глаголов действию фразового ударения.

Среди глаголов способностью образовывать экспрессивные формы обладают в первую очередь различные формы повелительного наклонения³¹. Однако, видимо, здесь действует и другой фактор: на первый слог ударение падает в тех словах, которые могут становиться словами-предложениями. Для сохранения единства изложения мы рассмотрим здесь как аффиксные, так и безаффиксные формы повелительного наклонения. Для той формы повелительного наклонения, которая представлена чистой основой, без аффиксов, имеется небольшое количество разноречивых примеров из разных языков. А. Гуломов для узбекского дает лишь односложные примеры *бор* 'иди', *бил* 'знай', и тут же утверждает, что аффикс *-и*, образующий глаголы, ударения на себя не принимает, таким образом: *бóйи* 'богатеи', *кáми* 'уменьшайся'³². К. Ищанов утверждает, что в казахском эта форма фиксирует главное ударение на последнем слоге основы: *al* 'возьми', *söjlé* 'говори', *arqalá* 'таскай на спине'³³. Ф. Г. Исхаков, наоборот, отмечает, что в татарском в этой форме ударение приходится на первый слог, однако он приводит лишь один пример: *úтуг* 'сядь'³⁴. Наконец, В. Прёле также утверждает, что в турецком ударение в этих формах приходится, как обычно, на последний слог, но в качестве примера приводит лишь форму *oqu* 'читай' (не считая односложного глагола *gel* 'приди')³⁵.

Более определенны показания для другой формы повелительного наклонения — с аффиксами *-и*, *-иш*. А. Шеберг, правда, дает для узбекского *qarān* 'смотрите' с ударением на последнем слоге, но А. Гуломов приводит примеры: *бóрингиз* 'идите', *бáлингиз* 'знайте'³⁶, с ударением на первом слоге. К. Ищанов для казахского также приводит подобные формы с ударением на первом слоге: *báгууыз* 'ступайте', *sö'jlenđer* 'говорите'³⁷. Аналогичные примеры находим у Ф. Г. Исхакова для татарского: *úтугууыз* 'сядьте', *jáзууыз* 'пишите', *báгууыз* 'идите'³⁸. Еще более определенная картина наблюдается при ярко выраженной экспрессивной форме повелительного наклонения с аффиксом *-yin/-gin*. Многие авторы дают эти формы с ударением на первом слоге. Т. Талипов и А. Т. Кайдаров приводят подобные примеры для уйгурского: *jáзууп* 'пиши', *áлууп* 'бери', *kö'rgin* 'смотри', *bá:ууп* 'ступай'³⁹, А. Гуломов — для узбекского: *бóргин* 'иди', *бáлгин* 'знай' и др.⁴⁰ Однако для казахского К. Ищанов дает примеры с ударением на аффиксе: *kelgin* 'приди'⁴¹.

Разные мнения высказываются и относительно аффикса повелительного наклонения 3-го лица *-sun/-sin*. Т. Талипов и А. Т. Кайдаров в уйгурских формах отмечают ударение на первом слоге: *bársun* (*bá:sun*) 'пусть идет'⁴². Так же поступает и А. Гуломов, приводя узбекские примеры: *бóрсин* 'пусть идет', *бáлсин* 'пусть знает', *бóрсинлар* 'пусть идут'. Н. К. Дмитриев же считает в кумыкском этот аффикс ударным. Однако, по мнению А. Гуломова, это к узбекскому не относится⁴³.

К. Ишанов, вслед за С. Кенесбаевым, в казахских формах отмечает ударение на аффиксе: *barsúp* 'пусть идет'⁴⁴; то же делают Ф. Г. Исхаков в татарских формах и В. Прёле в турецких: тат. *barsúp* 'пусть идет', тур. *gelsin* 'пусть придет', *oqusúp* 'пусть читает'⁴⁵.

Столь же разноречивы сведения относительно близкой к повелительному наклонению формы намерения 1-го лица. А. Гуломов считает, что и в этих формах ударение приходится на первый слог, например: *бóрай* 'я пойду', *бíлай* 'я узнаю'⁴⁶. К. Ишанов в казахских примерах ставит ударение на аффикс, но не на последний слог: *žazájup* 'я напишу', *keléjin* 'я приду', *syrugájup* 'я подмету'⁴⁷. В татарских примерах Ф. Г. Исхаков опять-таки считает ударным аффикс, являющийся односложным: *utugújm* 'я сяду', *bagújm* 'я пойду'⁴⁸. Т. Талипов для уйгурского языка приводит пример, близкий к данной форме, но в значительной мере устаревший: *kötgäj* 'я хочу увидеть', причем так же как А. Гуломов для узбекского, ставит ударение на первый слог⁴⁹. Этимологическая связь обеих форм не доказана, хотя в тюркских языках, в том числе в истории уйгурского языка, известны случаи выпадения *g* в этой позиции. К. Брокельман дает этот аффикс в виде *-ai* или *-ajin*: *oqujajup* 'я хочу пригласить' > *oqujup*, *qyzlälajin* 'я хочу спрятать' > *qyzlajin*. Он связывает эту форму с монгольским аффиксом *-aja/-eje*⁵⁰.

Разные мнения существуют и о множественном числе этой же формы. Т. Талипов приводит уйгурскую форму *bagajli* с ударением на предпоследнем слоге⁵¹. А. Гуломов дает аналогичные узбекские формы с ударением на первом слоге: *бóрайлиқ* 'пойдем', *бíлайлиқ* 'давай узнаем'⁵². Ф. Г. Исхаков приводит татарские формы с односложным аффиксом и с ударением на аффиксе: *utugujq* 'давай сядем', *bagujq* 'пойдем'⁵³. Для турецкого различные авторы по-разному расставляют ударения: Ж. Дени и Ю. Немет дают формы *sevëjim* 'я буду любить', *sevëlim* 'мы будем любить', с ударением на предпоследнем слоге; И. Кунош и другие авторы приводят эти формы с ударением на последнем слоге, а Б. Коллиндер также главное ударение фиксирует на последнем слоге, ставя на предпоследнем слоге побочное ударение⁵⁴.

В постановлении алма-атинской конференции 1930 года, посвященной вопросам уйгурской орфографии, нормой признается форма *bagajli*, однако приводится и ряд диалектных форм, в том числе формы с редуцированным гласным в аффиксе, а именно: *bagajluq*, *barili*, *bagini*⁵⁵. Это свидетельствует либо о том, что ударение может перемещаться с предпоследнего слога, либо же о том, что отношение между ударением и редуцицией гласного в тюркских языках носит совершенно иной характер, нежели в русском языке, что подтверждают и многие другие факты. Еще более пестрая картина обнаруживается у К. Брокельмана для средневекового литературного языка Средней Азии. Он считает, что в таких формах слились два аффикса, одним из которых является аффикс 1-го лица множественного числа претерита. Наряду с формами *qulaly* 'давайте делать', *oquly* 'давайте читать', *bagalyq* 'пойдем', *köralik* 'посмотрим', встречаются формы *oqujalum* > *oqulym* 'мы будем читать', *kögräjalim* > *kögrälim* 'мы будем реветь'. Такие формы, как *qulmajluq* 'не будем делать', наряду с *qulajluq* 'давайте делать', позволяют предположить, что *l* является в этой форме эпентетическим, развившимся из *j*, другие же формы опять-таки позволяют предположить в этом аффиксе подверженность гласного редукации⁵⁶.

Следующая группа примеров со смещенным ударением — это отрицательные формы с аффиксом *-ma/-mä*. По мнению большинства авторов, ударение падает на слог, предшествующий отрицательной ча-

стице. На последний же слог приходится второстепенное ударение. Такое мнение высказывалось для уйгурского, казахского, татарского, турецкого языков⁵⁷. Приведем формы прошедшего категорического времени: уйг. *álmidi* 'не взял', *jázmidi* 'не писал', *bá:midi* 'не пошел'⁵⁸, каз. *bármadi* 'не пошел', *álmadı* 'не взял', *eskérmedi* 'не напомнил', *teksermedi* 'не проверил', тат. *barıadı* 'не пошел', тур. *gélmedi* 'не пришел', карач. *kélmédi* 'не пришел'⁵⁹. Подобные же примеры могут быть приведены и для других форм: уйг. *jázmıyan* 'не писал', *jázmısam* 'если я не напишу'; тат. *barıayan* 'не ходил', *bármasam* 'если не пойду'; тур. *oquıamadıy* 'мы не можем читать', *gélmejórum* 'я не прихожу', *oquıtajórum* 'я не читаю'; каз. *bilmegenim* 'то (обстоятельство), что я не знал', *söjlemeuge* 'не разговаривать'; тур. *oquıtamaq* 'не читать', *gelémetek* 'не суметь прийти', *oquıatamaq* 'не уметь читать'⁶⁰.

Несколько иную картину рисует В. Радлов. По его мнению, в восточных «диалектах» (языках) у отрицательных глаголов главное ударение приходится как раз на «залоговый аффикс» (то есть, на самую отрицательную частицу²): *ájtráduŋ* 'ты не сказал' (видимо, из алтайского); в западных же диалектах (языках) главное ударение падает на предшествующий слог, но если присоединяется еще аффикс, то оно переходит на конечный слог: *joqlámady* 'не защитил', но *joqlamadylár* 'не защитили' (видимо, из татарского)⁶¹. Однако формы с ударением на аффиксе отрицания приводятся как для татарского, так и для турецкого языков, например: тат. *barıabyz* 'мы не пойдем'⁶², тур. *gelmejíz* 'мы не приходим', *gelmeım* 'я не прихожу', карач. *kélmém* 'я не приду'⁶³.

Для повелительной формы 2-го лица указанные авторы дают формы с ударением на предшествующем отрицанию слоге, например: уйг. *játma* 'не лежи', *kä:mä* 'не приходи', *qójma* 'не ставь'; узб. *ájتما* 'не говори'; тат. *báتما* 'не ходи'; каз. *áتما* 'не бери'; тур. *gélme* 'не приходи', или узб. *garítma* 'не говори', *ajlantirma* 'не верти'; каз. *otúتما* 'не сиди', *söjléme* 'не разговаривай'; тур. *qarláتما* 'не покрывай', *agáتما* 'не ищи', *oquتما* 'не читай'⁶⁴. А. Гуломов, правда, делает оговорку, что это правило действует не всегда⁶⁵. По мнению Л. А. Аганиной, в уйгурском языке ударение в этих формах перемещается на последний слог, если за отрицанием следует личный аффикс -ŋ: *jatmán* 'не лежите', *käsmä'ŋ* 'не режьте', *kä:mä'ŋ* 'не приходите', *jatmanlá* 'не лежите', *käsmänlar* 'не режьте', *kä.mänlá* 'не приходите'⁶⁶. Однако Ф. Г. Исхаков для татарского приводит форму *báتماуыз* 'не ходите'⁶⁷.

В форме повелительного наклонения 3-го лица и в форме намерения 1-го лица ударение также ставится на слог, предшествующий отрицанию; например: каз. *báتماсын* 'пусть не идет', *söjlémesin* 'пусть не говорит', тат. *barıтасын* 'пусть не идет', *báتماсынна* 'пусть не идут', или каз. *kélmejin* 'я не приду', *суратмајун* 'я не стану подметать'⁶⁸. Правда, для формы намерения Ф. Г. Исхаков дает примеры с ударением на аффиксе: *barıтуйт* 'я не пойду', хотя во множественном числе *báتماуј* 'не пойдем', с ударением на корне⁶⁹. Вероятно, в отрицательных формах дело не столько в факторе экспрессии, сколько в противопоставлении. Когда мы подчеркиваем противопоставление, ударение перемещается на один из начальных слогов. Это дополнительный признак отрицательной формы, основным признаком которой остается аффикс.

Сказанное выше можно обобщить в таблице (см. табл. на стр. 8).

Даже на основании приведенных в таблице неполных данных можно предположить, что подобный разнобой в расстановке ударения объясняется не только реально существующими различиями между языками, но и субъективностью восприятия и различием точек зрения авторов.

Так же как у неглаголов, не все случаи смещения ударения можно

Таблица

Формы и показатели	Языки, авторы работ	Уйгурск. гл. обр. Талипов	Узбекск. гл. обр. Гуломов	Казахск. Ишанов	Татарск. Исхаков	Турецк. гл. обр. Прёле
Повелит. накл. \emptyset				последний слог	1-ый слог	последний слог
Повелит. накл. -η и т. п.			1-й слог; последний слог	1-ый слог	1-ый слог	
Повелит. накл. -gin		1-ый слог	1-ый слог	аффикс		
Повелит. накл. 3-е лицо -sun		1-ый слог	1-ый слог	аффикс	аффикс	аффикс
Форма намерения -aj			1-ый слог	слог -aj	аффикс	предпоследний//последний слог
Форма намерения -ajli		слог -aj	1-ый слог		аффикс	предпоследний//последний слог
Отрицательная форма -dy		слог перед отрицанием		слог перед отрицанием	слог перед отрицанием	слог перед отрицанием
Отрицательная форма -yal		слог перед отрицанием			слог перед отрицанием	
Отрицательная форма -sa		слог перед отрицанием			слог перед отрицанием	
Отрицательная форма настоящего-будущего времени		аффикс отрицания		1-ый слог	аффикс// корень	
Отрицательная форма повелит. накл. \emptyset		слог перед отрицанием	слог перед отрицанием	слог перед отрицанием	1-ый слог	слог перед отрицанием
Отрицательная форма -syn				слог перед отрицанием	слог перед отрицанием	
Отрицательная форма -aj				слог перед отрицанием	аффикс// корень	

объяснить экспрессией или эмфазой, хотя в любом случае они синтаксически обусловлены. Наиболее распространенный пример — личные аффиксы местоименного ряда, омонимичные личным предикативным аффиксам, имеющие с ними общее происхождение. Ф. Г. Исхаков подтверждает это для казанско-татарского, В. М. Насилов — для уйгурского, В. Прёле — для турецкого⁷⁰. Наиболее частотная из форм этого рода — форма настоящего-будущего времени, но именно она не очень последовательно подчиняется этому правилу. В казахском языке ударение действительно падает на основообразующий аффикс времени (по происхождению аффикс деепричастия) -a, -ä, или на другой слог, непосредственно предшествующий личному аффиксу: alámyz 'мы возьмем', baǵatup 'я пойду'⁷¹. В. В. Радлов приводит аналогичную форму для казанско-татарского: kilásip 'ты приходишь'⁷². В киргизском гласный лич-

ного аффикса вообще подвергается редукции: *kelet* 'он придет'. Однако в уйгурском, по-видимому, наблюдается несколько иная картина: А. К. Боровков, Н. А. Баскаков и Л. А. Аганина ставят в этих формах главное ударение (*акут*) на первом слоге, а второстепенное (*гравис*) — на личном аффиксе: *báridù* 'он пойдет', *kélimä'n* 'я приду'. Главное ударение на первом слоге ставит также О. Прицак⁷³. Видимо, глагол, как более частотный, больше подвержен стягиванию контура по сравнению с именной конструкцией.

В узбекском языке позиция ударения в этой форме не совпадает с таковой ни в казахском, ни в уйгурском, представляя собой нечто среднее. П. Е. Кузнецов говорит не об ударении, а о долготе, причем указывает эту долготу как раз на слоге, к которому привязывается ударение в казахском: *қыла:ман* 'сделаю', *кела:ман* 'приду', *бера:сан* 'ты дашь', *ура:ды* 'ударит'⁷⁴. А. Гуломов дает формы *боради* 'он пойдет', *ишлайди* 'он будет работать' с ударением на словоизменительном аффиксе, однако называет эти формы «повторными глаголами»⁷⁵ (скорее это можно было бы отнести к формам *борарди*, *ишларди?*). У Шёберг мы встречаем даже форму *утураман* 'сяду', с ударением на корне⁷⁶.

В большей степени правило о безударности личного аффикса может быть отнесено к другим глагольным формам, например, к прошедшему времени на *-ган*: уйг. *bağansız* 'вы ходили', *kälgänmän* 'я приходил', каз. *žazıptıñ* 'я писал', *bağapıtıñ* 'я ходил'⁷⁷.

То же относится к другим временным формам, например: уйг. *bağa(г)män* 'я, наверно, пойду', *bağa(г)miz* 'мы, наверно, пойдем', каз. *ijrenermän* 'я, наверно, научусь', *kesersin* 'ты, наверно, разрежешь', алт. *külärsün* 'ты будешь смеяться'⁷⁸; каз. *bolypty* '(оказывается) стал', *ayuzpty* '(оказывается) заставил потечь', *kesipti* '(оказывается) разрезал', *bağuruz* 'мы ходили' (К. Ищанов называет эту форму «давно прошедшим временем»⁷⁹); узб. *қо:пты* '(оказывается) остался', *ке:псан* 'ты (оказывается) пришел', *бў:пты* 'был' (П. Е. Кузнецов называет эту форму «прошедшим в настоящем»⁸⁰); уйг. *bağajtmän* 'я пойду'⁸¹. К. Ищанов кое-где указывает, наряду с основным ударением, второстепенное, на личном аффиксе или аффиксе числа: *bağmaqıñ* 'я собираюсь пойти', *bağmaqıñdär* 'вы собираетесь идти', *oğumaqşutın* 'я хочу читать', *oğumaqşutındär* 'вы собираетесь учиться'⁸². В. Прёле, являющийся убежденным сторонником тезиса об ударении на последнем слоге, все же дает для турецкого некоторые примеры подобных глагольных форм: *gelirsiniz* 'вы придете' (но *gelirlér* 'они приходят', *oğurlár* 'они читают'), *gelmişiz* 'мы пришли', *geležeğin* 'ты придешь'⁸³. О формах типа *keläjmän* 'приду-ка я' (каз.)⁸⁴ говорилось выше. Добавление еще одного личного аффикса, видимо, ничего не меняет в отношении места ударения.

Особо следует рассмотреть случаи, когда правило об отрицательном аффиксе и правило о личных аффиксах местоименного ряда налагаются друг на друга. В. Прёле применительно к турецкому языку, приводя общее правило, касающееся ударения в отрицательных формах (перед отрицательным аффиксом), упоминает и об отклонениях от него, которые объясняет как раз влиянием энклитик, частично глагольного, частично местоименного происхождения⁸⁵. Э. Наджип применительно к уйгурскому языку также говорит о случаях, когда аффикс отрицания принимает ударение на себя, в частности, в отрицательной форме причастия будущего времени⁸⁶. Примеры с этой формой приводят многие авторы: *almásmän* 'я не могу взять', *bağmásmän* 'я не могу пойти'⁸⁷. В. В. Радлов приводит аналогичный пример для одного из сибирских «диалектов» (языков): *ajtpássım* 'я не могу сказать'⁸⁸ (рад-

ловские обозначения ударения мы заменяем здесь общепринятыми знаками грависа и акута). Аналогичные примеры дает В. Прёле для турецкого, при этом выражая удивление (?): *gelméz* 'не приходящий', *oqu-máz* 'не читающий', *gelmézsın* 'ты не приходишь', *gelmézsıniz* 'вы не приходите'⁸⁹. Ф. Г. Исхаков для татарского также приводит аналогичные примеры: *barmás* 'не могущий пойти', *barmáslar* 'не могущие пойти', комментируя их следующим образом: в форме будущего времени изъявительного наклонения аффикс отрицания в конечной позиции принимает ударение на себя, в случае же когда за ним следуют другие аффиксы, он иногда пропускает их дальше: *barugbyz* 'мы пойдем' — *barma-byz* 'мы не пойдем', *barugsuñ* 'ты пойдешь' — *barmassuñ* 'ты не пойдешь'⁹⁰ (в уйгурском языке аналогичные формы вряд ли можно включить в одну парадигму, ибо *baqa(r)män* означает 'я, возможно, пойду', а *barma-män* — 'я (совершенно определенно) не пойду'. Таким образом, ударение в соответствии с общим правилом не перешло на личный аффикс местоименного ряда, а зафиксировалось на предыдущем слоге, хотя этот слог выражает отрицание. Л. А. Аганина объясняет это закрытость данного слога.

То же объяснение Л. А. Аганина повторяет для другой формы, которую Н. А. Баскаков называет «прошедшим временем данного момента», а О. Прицак — «аористом моментальным»: *almartimän* 'я, оказывается, не взял' *barmartimän* 'я, оказывается, не пошел', *bilmäptimän* 'я, оказывается, не знал' (с оттенком удивления)⁹¹. (Слог *ti*, видимо, входит в состав личного аффикса. В форме 2-го лица единственного числа он отсутствует). Впрочем, Л. А. Аганина ставит здесь на последнем слоге личного окончания второстепенное ударение.

Наконец, сюда же можно отнести отрицательную форму настоящего-будущего времени, в которой уйгуроведы считают ударным аффикс отрицания: *almájtmän* 'я не возьму', *ba:májtmän* 'я не пойду'⁹². Однако, К. Ишанов дает для казахского форму с ударением на 1-ом слоге: *tıj-mejmi-z* 'мы не коснемся'⁹³. Ф. Г. Исхаков для татарского дает формы 1-го и 2-го лица с ударением на аффиксе отрицания: *barmújtm* 'я не иду', *barmújysuñ* 'ты не идешь', а для 3-го лица — с ударением на корне: *barmtuj* 'он не идет'⁹⁴. Форма с аффиксом *-maj* в уйгурском является нефинитной формой деепричастия. По Э. Наджипу, она имеет ударение на предшествующем отрицанию слоге: *jáztaj* 'не написав'⁹⁵.

Имеются примеры (однако только не для уйгурского языка), когда отрицательный аффикс оказывается ударным и в открытом слоге. Выше уже приводились факты для татарского: *barmábyz* 'мы не пойдем' и турецкого: *gelméjiz* 'мы не приходим'.

Возможны случаи, когда выступают личные аффиксы не местоименного, а притяжательного ряда. С. Кенесбаев указывает постоянное ударение на аффиксе причастия *-yan*⁹⁶. По этому поводу можно вспомнить правило, данное В. Радловым: притяжательные аффиксы никогда не несут главного ударения, если они присоединяются к причастиям, чтобы заменить категорию лица финитных глаголов, например: *álıyanım* 'я взял', *ká'lgā'niñ* 'ты пришел' (видимо, из алтайского), кирг. *alıya-гууз* 'вы пришли'. Если же эти причастия употребляются как имена, то аффикс соответственно получает главное ударение: алт. *álıyanım* 'моя жена'⁹⁷.

В. Прёле дает для турецкого контрастные пары *agaжазáуут* 'я буду искать' — *agaжазáуút* 'то что должно быть найдено для меня', *gele-žéjím* 'я приду' — *geležejím* 'мой приход в будущем'⁹⁸. Таким образом, в финитной форме глагола ударение приходится на показатель временной формы, предшествующий личному окончанию притяжательного ряда, а

в имени действия — на последний слог. Поскольку это противоречит основному правилу, которого В. Прёле твердо старается придерживаться, то он находит здесь энклитику — форму глагола *i-* 'быть'.

А. Гуломов считает, что в узбекской форме *курсам*, употребленной в значении намерения — 'я собираюсь войти' — ударение приходится на 1-ый слог⁹⁹.

Что касается второстепенного ударения, то очень редко кто из перечисленных авторов ставит его впереди главного, причем на слог, непосредственно предшествующий ударному [К. Ишанов в казахских формах повелительного наклонения (в длинных словах): *uymdastýr* 'организуи', *kollektivtëndir* 'коллективизируи', *uymdastýrsýn* 'пусть организует', Б. Коллиндер в турецких формах: *sevejim* 'я буду любить', *sevelim* 'мы будем любить']. Большинство авторов говорят о второстепенном ударении, которое падает на последний слог (или на один из последних) в тех случаях, когда главное ударение приходится на неконечный слог: уйг. *álmidim* 'я не взял', тур. *oqujámadyq* 'мы не можем читать', *gelmijögum* 'я не прихожу', каз. *barmaqyyn* 'я намерен пойти', *barmaqsyndar* 'вы собираетесь пойти', *oqumaqşýsyndar* 'вы собираетесь учиться', уйг. *bilmäptimän* 'я, оказывается, не знал' (см. выше). Однако уже В. В. Радлов указывал на возможность перемещения главного ударения на последний слог при аффиксации, например: тат. *joqlámadu* 'не защитил', *joqlamadylár* 'не защищали'.

По мнению А. Гуломова, если в узбекском после постоянно безударного аффикса появляется регулярно-ударный аффикс, то он остается безударным, например: *ý'ntasi* 'его десяток', *бйлмайман* 'не знаю'. Если постоянно безударных аффиксов два, и после них следует один регулярно-ударный аффикс, то он получает второстепенное ударение, например: *ý'ntachasi* 'его десяток', *ý'ttiztachasi* 'его тридцатка'. То же самое происходит, если после одного постоянно безударного аффикса следуют два регулярно-ударных аффиксов, например: *ёзилмагани* 'тот факт, что он не подписался'. Наконец, если соотношение постоянно безударных и регулярно-ударных аффиксов определяется как 2+2 или 1+3, то главное ударение переходит на последний слог, а на месте прежнего главного ударения возникает второстепенное ударение,

например: *ýntachasigá* 'его десятку', *ýttiztachasiní* 'его тридцатку', *кўрмаганидán* 'из-за того, что он не видел', *билдирмаганлигидán* 'из-за того, что он не сообщил'. А. Гуломов объясняет это физиологическими особенностями артикуляции, но, видимо, здесь есть еще и другая причина: просодия всегда указывает на место отрезка в речевом потоке, в данном случае слога в слове. Последнее правило действует и при дальнейшем увеличении числа аффиксов¹⁰⁰.

¹ Э. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 51; Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс., М., 1954, стр. 83, 89; Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологичи и искусствоведения», вып. 3(16), Алма-Ата, 1960, стр. 70; А. Т. Кайдаров, Г. Сэдвакасов, Т. Талипов. Назирки заман уйгур тили. 1-нчи қисим. Лексика ва фонетика. Алмута, 1963, стр. 244 (далее: Кайдаров и др.); А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. 1, Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1970, стр. 66; А. Гуломов. Узбек тилида урғу. Тошкент, 1947, стр. 7, 9, 31.

² Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 89; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 70; Кайдаров и др., стр. 244; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 296.

³ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 7.

⁴ L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. 1, Wiesbaden, 1959, стр. 14.

⁵ W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 99.

- ⁶ W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. — «Keleti Szemle», XII, Budapest, 1911—1912, стр. 208—209.
- ⁷ G. Raquette. The Accent problem in Turkish. — Lunds Universitets Arsskrift. N. F., Avd. II, Bd. 24, 4, Lund, 1927, стр. 23.
- ⁸ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 70.
- ⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 9.
- ¹⁰ W. Radloff. Указ. раб., А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 114, 117.
- ¹¹ А. Т. Кайдаров. К вопросу о частицах в уйгурском языке. — «Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР», т I, Алма-Ата, 1959, стр. 134; *его же*. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.
- ¹² А. Гуломов. Указ. раб., стр. 7.
- ¹³ Ф. Г. Исхаков. Законы словесного ударения в татарском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. «Фонетика». М., 1955, стр. 331.
- ¹⁴ А. Т. Кайдаров. К вопросу о частицах, стр. 134.
- ¹⁵ W. Radloff. Указ. раб., стр. 98.
- ¹⁶ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 15; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 89; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 70; Кайдаров и др., стр. 244.
- ¹⁷ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 8.
- ¹⁸ W. Radloff. Указ. раб., А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 114.
- ¹⁹ W. Radloff. Указ. раб.
- ²⁰ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 330; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 117.
- ²¹ L. Bazin. Указ. раб., стр. 14.
- ²² W. Pröhle. Указ. раб., стр. 204—205.
- ²³ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 8.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ W. Pröhle. Указ. раб., стр. 208.
- ²⁶ Там же, стр. 209—210.
- ²⁷ К. Ищанов. Зависимость ударения в системе глагола от наклонения и времени. — «Известия АН Каз. ССР, серия Общественные науки», 1963, вып. 3, стр. 39, 43, 44.
- ²⁸ W. Pröhle. Указ. раб., стр. 209.
- ²⁹ К. Ищанов. Указ. раб., стр. 40, 47.
- ³⁰ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 8.
- ³¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 117.
- ³² А. Гуломов. Указ. раб., стр. 8.
- ³³ К. Ищанов. Указ. раб., стр. 43.
- ³⁴ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 330.
- ³⁵ W. Pröhle. Указ. раб.
- ³⁶ А. Гуломов. Указ. раб.
- ³⁷ К. Ищанов. Указ. раб.
- ³⁸ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.
- ³⁹ Т. Талипов. Указ. раб.; Кайдаров и др.; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.
- ⁴⁰ А. Гуломов. Указ. раб.
- ⁴¹ К. Ищанов. Указ. раб.
- ⁴² Т. Талипов. Указ. раб.; Кайдаров и др.; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка.
- ⁴³ А. Гуломов. Указ. раб.
- ⁴⁴ К. Ищанов. Указ. раб., стр. 43, 47.
- ⁴⁵ W. Pröhle. Указ. раб.; Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 331.
- ⁴⁶ А. Гуломов. Указ. раб.
- ⁴⁷ К. Ищанов. Указ. раб.
- ⁴⁸ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 330, 331.
- ⁴⁹ Т. Талипов. Указ. раб.
- ⁵⁰ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 65, 227.
- ⁵¹ Т. Талипов. Указ. раб.; Кайдаров и др.
- ⁵² А. Гуломов. Указ. раб.
- ⁵³ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.
- ⁵⁴ См.: Л. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды Военного ин-та иностранных языков», вып. 2, М., 1953, стр. 109.
- ⁵⁵ 2 — Ujgur til-imla kәpirinsijisini toxtamliri. (Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции 1930 года в г. Алма-Ате). Кызыл-Орда, 1932, стр. 16.
- ⁵⁶ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 65, 229.
- ⁵⁷ Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн.: Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 185; *его же*. Узловые вопросы уйгурской орфографии. — В сб.: «Просвещение национальностей», 1935, № 3, стр. 29;

- Э. *Наджип*. Указ. раб., стр. 47; *O. Pritsak*. Das Neuigigurische. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. 1, Wiesbaden, 1959, стр. 545; *Л. А. Аганина*. Указ. раб., стр. 90; *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 47; *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.; *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 211; *А. М. Щербак*. Указ. раб., стр. 117.
- ⁵⁸ *Н. А. Баскаков*. Очерк грамматики..., *его же*. Узловые вопросы..., *O. Pritsak*. Указ. раб.; *Э. Наджип*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб.
- ⁵⁹ См. сноску 57.
- ⁶⁰ *Э. Наджип*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб.; *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.; *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 211—212; *К. Ищанов*. Указ. раб.
- ⁶¹ *W. Radloff*. Указ. раб., стр. 98.
- ⁶² *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб., стр. 331.
- ⁶³ *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 212.
- ⁶⁴ *Л. А. Аганина*. Указ. раб.; *Т. Талипов*. Указ. раб.; *Кайдаров и др.*; *А. Гуломов*. Указ. раб., стр. 7; *К. Ищанов*. Указ. раб.; *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.; *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 203, 212.
- ⁶⁵ *А. Гуломов*. Указ. раб., стр. 9.
- ⁶⁶ *Л. А. Аганина*. Указ. раб., стр. 90—91.
- ⁶⁷ *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.
- ⁶⁸ *К. Ищанов*. Указ. раб.; *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.
- ⁶⁹ *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.,
- ⁷⁰ *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб. стр. 330; *В. М. Насилов*. Указ. раб., стр. 15; *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 212.
- ⁷¹ *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 39, 41.
- ⁷² *W. Radloff*. Указ. раб.
- ⁷³ *Н. А. Баскаков*. Узловые вопросы уйгурской орфографии; *его же*. Очерк грамматики уйгурского языка; *А. К. Боровков*. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 7; *Л. А. Аганина*. Указ. раб., стр. 89; *O. Pritsak*. Указ. раб.
- ⁷⁴ *П. Е. Кузнецов*. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. — В кн.: «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 432.
- ⁷⁵ *А. Гуломов*. Указ. раб., стр. 8.
- ⁷⁶ Цит. по: *А. М. Щербак*. Указ. раб., стр. 116.
- ⁷⁷ *В. М. Насилов*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб.; *Т. Талипов*. Указ. раб.; *Кайдаров и др.*; *А. Т. Кайдаров*. Указ. раб., стр. 296; *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 39, 41.
- ⁷⁸ *Т. Талипов*. Указ. раб.; *Кайдаров и др.*; *А. Т. Кайдаров*. Указ. раб.; *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 41; *W. Radloff*. Указ. раб.
- ⁷⁹ *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 39, 41.
- ⁸⁰ *П. Е. Кузнецов*. Указ. раб.
- ⁸¹ *Т. Талипов*. Указ. раб.; *Кайдаров и др.*
- ⁸² *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 45—46.
- ⁸³ *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 210.
- ⁸⁴ *W. Radloff*. Указ. раб.
- ⁸⁵ *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 209, 212.
- ⁸⁶ *Э. Наджип*. Указ. раб.
- ⁸⁷ *Н. А. Баскаков*. Очерк грамматики уйгурского языка; *O. Pritsak*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб., стр. 90.
- ⁸⁸ *W. Radloff*. Указ. раб.
- ⁸⁹ *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 212.
- ⁹⁰ *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб., стр. 331.
- ⁹¹ *Н. А. Баскаков*. Указ. раб.; *O. Pritsak*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб.; *А. Т. Кайдаров*. Указ. раб., стр. 295.
- ⁹² *Н. А. Баскаков*. Указ. раб.; *его же*. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 29; *O. Pritsak*. Указ. раб.; *Э. Наджип*. Указ. раб.; *Л. А. Аганина*. Указ. раб.
- ⁹³ *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 47.
- ⁹⁴ *Ф. Г. Исхаков*. Указ. раб.
- ⁹⁵ *Э. Наджип*. Указ. раб.
- ⁹⁶ *К. Ищанов*. Указ. раб., стр. 39.
- ⁹⁷ *W. Radloff*. Указ. раб.
- ⁹⁸ *W. Pröhle*. Указ. раб., стр. 205—206.
- ⁹⁹ *А. Гуломов*. Указ. раб., стр. 9—10.
- ¹⁰⁰ *А. Гуломов*. Указ. раб., стр. 10, 19, 32.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. ОДИНЦОВ

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопрос о влиянии тюркских языков на развитие лексики русского языка привлекает внимание многих советских тюркологов.¹

К настоящему времени этимологические исследования тюркских лексических элементов в русском языке настолько прояснили общую картину таких заимствований, что это позволило подвести итоги разысканиям в данной области в сводном лексикографическом труде, справедливо получившем положительную оценку специалистов².

Помимо собственно этимологического, языковедов привлекает также историко-лексикологический аспект изучения тюркизмов, позволяющий либо подтвердить, либо отвергнуть³ тюркское происхождение того или иного слова. Проследивая употребление тюркизмов в памятниках русской письменности, можно выяснить причины ослабления активности или полного исчезновения соответствующих исконных русских слов, вытесненных тюркскими синонимами⁴.

Памятники письменности указывают также на то, что в прошлом воздействие тюркской лексики на русскую было бóльшим, чем может представиться по данным современного русского языка: многие тюркизмы с их графико-фонетическими вариантами, встречающиеся в древне- и старорусских текстах, в наше время в общенародном языке не сохранились.

Среди современных историко-этимологических и историко-лексикологических исследований тематических групп тюркизмов в русском

¹ См. об этом предисловие А. Н. Кононова к книге К. Г. Менгеса «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“» (Л., 1979, стр. 3—10) и приложение к ней — библиографию основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках, составленную И. Г. Добродомовым и Г. Я. Романовой (стр. 211—238).

² Е. Н. Шинова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. См. рецензию Н. А. Баскакова и И. Г. Добродомова на этот словарь в журнале «Вопросы языкознания», 1978, № 1, стр. 137—140.

³ Например, слово *балаган* впервые употребляется в памятниках русской письменности, связанных с Сибирью. Исходя отчасти из этого, И. Г. Добродомов пишет о тунгусо-маньчжурском происхождении данного слова в русском и якутском языках. (См.: И. Г. Добродомов. Еще раз о слове *балаган*. — «Русская речь», 1980, № 1, стр. 141—144).

⁴ Такова судьба русского слова *туль* 'вместилище для стрел', вытесненного равнозначным тюркизмом *колчан*. См. об этом: Г. Ф. Одинцов. Из истории названий *туль, колчан, сайдак* (и его вариантов) в русском языке. — «Этимология. 1973», М., 1975, стр. 98—108.

языке нет описания названий наступательного оружия (рассмотрены лишь немногие отдельные термины)⁵.

Тюркизмы этой группы⁶ обозначают те или иные виды холодного оружия (при едва ли не единственном наименовании огнестрельного оружия *тюфякъ* 'разновидность пушки, заряжавшейся дробью' — термине, заимствованном через тюркское посредство⁷ и исчезнувшем в дальнейшем из русского языка).

Сабля, ятаганъ, бичагъ и т. п.

Древнейшим среди слов данной группы является *сабля* 'кривое холодное оружие с острием на внешней стороне изгиба', домонгольское заимствование из камско-булгарского **sabja*, восходящее к финскому корню **sab* 'резать'⁸. Это слово встречается уже в древнерусской «Повести временных лет» — во введении, в записях, относящихся к 968, 1086 гг. и т. д.⁹ Любопытно, что в тех европейских языках, где этот термин отмечен, за исключением венгерского *szábyla*, — в немецком (*Säbel*), итальянском (*sciabla*), испанском (*sable*), румынском (*sabie*), — он появился позднее, чем у славян¹⁰. Это указывает на более раннее появление однолезвийного искривленного меча у тюркских народов, венгров и славян, нежели у народов Западной Европы.

Название искривленного короткого меча *ятаган* (и стар. *атаган*) (из тур. *yatagan*) в русской письменности засвидетельствовано с XIX века.

Из тюркских названий боевых ножей любопытно никем не отмечавшееся старорусское слово *бичагъ* (судя по фонетическому облику и времени появления в письменности, оно восходит к кумыкскому *бичакъ* 'нож'); ср. русское диалектное (терское) *бичак* 'нож'¹¹. Это слово встретилось нам в русских рукописных «азбуковниках» (словарях) XVII века¹², где оно толкуется как «нож» с пометой «татарское».

Термин *будеи* (и *буди*), определяемый как «кинжал», приводится в русской исторической лексикографии лишь по памятникам XVI века. Старинные рукописи указывают, что он продолжал употребляться и в XVII веке — в «Росписи оружейной казне царя Михаила Федоровича» (1639 г.), документе Московской Оружейной палаты¹³, а в виде вариан-

⁵ См.: И. Г. Добродомов. Из болгарского вклада в славянских языках. II. — «Этимология. 1968», М., 1971, стр. 192—194 (*сабля*); Г. Ф. Одинцов. К истории русских военных терминов *пушка, пицаль, тюфяк, винтовка*. — «Этимология. 1978», М., 1980, стр. 131—133 (*тюфяк*) и др.

⁶ Имеются в виду заимствования русского языка из тюркских языков или через их посредство, за исключением слов типа *янычанка* 'вид оружия турецкого образца', отсутствующих в самих тюркских языках и образовавшихся на русской почве из корней восточного происхождения при помощи славянских суффиксов.

⁷ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 3, М., 1958, стр. 33.

⁸ По версии Ф. Е. Корша, приведенной в «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского (т. II, М., 1910—1914, стр. 243) и поддержанной недавно И. Г. Добродомовым («Этимология. 1968», М., 1971, стр. 192). Впрочем, Н. А. Баскаков в статье «Тюркизмы — воинская терминология и бытовая лексика в „Слове о полку Игореве“» («Rocznik Orientalistyczny», t. XXXVIII, Warszawa, 1976, стр. 72) объяснил происхождение др.-рус. слова *сабля* от тюркск. *sab- ~ šab-* 'рубить с размаху'.

⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III, М., 1958, стлб. 238.

¹⁰ А. Г. Преображенский. Указ. словарь, стр. 243.

¹¹ «Словарь русских народных говоров». Вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 303. Это диалектное *бичак* приводится в уже упомянутом Словаре Е. Н. Шиловой (стр. 82) как тюркизм, однако без указания конкретного источника заимствования. См. специально о заимствовании этого термина: Г. Ф. Одинцов. К истории древнерусских названий боевых ножей. — «Этимология. 1980», М., 1982, стр. 131—132.

¹² Хранятся в Государственной дубличной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; шифры: Q. XVI. 4, л. 47; Q. XVI. 8, л. 25; Q. XVI. 6, л. 29.

¹³ ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 2948, л. 6: *будеи булат синей... на ножнах*.

тов *будѣи* и *бѣдѣи*, которые до сих пор были неизвестны, — в «азбукониках»¹⁴. Таким образом, история бытования термина *будеи* (и его вариантов) в русском языке более долгая, чем полагали прежде. Этот термин близок к др.-тюрк. *bögdä* 'кинжал', азерб. *bügde*, каз. *buida* 'кокандский нож', которые приводятся Г. Дёрфером с праформой **buɣda*, возводимой к перс. *buğdā* 'вид ножа'¹⁵.

Старорусское *джиритъ* (и *дчиритъ*) 'метательное копье', обнаруженное нами в рукописном Русско-голландском словаре начала XVIII века («стрела, также и джирить Schicht. M.», л. 84 об.; «дчирить Javelyn. M. ep. O.», л. 20 об.¹⁶), судя по времени отражения этого термина в письменности¹⁷, восходит к турецкому *cirit*, образованному из арабского *džerid*. Определению этого слова как турцизма не противоречит то, что В. И. Даль приводит существительное *джирѣт* 'бросковое или метное копье, носок, стрелка, спица, кутило, летный дротик' с пометой «татр.»¹⁸, то есть «татарское», что, как известно, в XIX веке в России было равнозначно термину «тюркское». Немаловажны и данные тех славянских языков, где представлен этот термин, характеризуемый лексикографами как турцизм: болг. *джерѣт*, *джилѣт* 'игра: всадник, погоняя своего коня, бросает вперед палку и мчится во весь опор вслед за ней, чтобы поймать ее прежде, чем она упадет на землю' — с пометой «Т.», то есть «тюркское»¹⁹, диал. *джирѣт* 'стрела' (из тур. *cirit*)²⁰, макед. диал. *жирит* 'тонкая палка'²¹, серб. устар. *žilit* 'копье без наконечника (для спортивного метания в цель)'²², хорв. *džilit* 'метательное копье'²³, польск. *dziryt* 'дротик' — «из тур. *džirid* от араб. *džerid*»²⁴.

В современных словарях русского языка это слово отсутствует. Тем ценнее старорусские и имеющиеся у В. И. Даля данные.

Название копья *здида* восходит к турецкому *cida*, возможно, через мишарскую форму (с переходом *дж > дз*) и, в отличие от блр. *дзида* и польск. *dzida* 'легкое копье', с последующей метатезой *дз > зд*, ввиду нехарактерности сочетания звуков *дз* в начале русских слов. Не исключена и описка *здида* вместо *дзида*, особенно если учесть, что известно лишь одно употребление этого термина: «И как вышло ихъ [турок] человекъ съ шестьдесятъ... имея зиды, яныченки, пищали, и на нихъ внезапно съ людьми... напальъ» (ДАИ XI, 11. 1684 г.)²⁵.

Не является тюркизмом фонетически и семантически близкое к существительному *здида* старорусское редко употреблявшееся *джидѣ* 'метательное копье' (<калм. *džidə*, *жид*)²⁶.

¹⁴ Рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифры: Q. XVI. 6. л. 11 об.; Q. XVI. 4. л. 47 об. XVII в.

¹⁵ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, стр. 294—295.

¹⁶ ЦГАДА, фонд 381, № 1018.

¹⁷ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 4, М., 1977) и в «Материалах...» И. И. Срезневского термин *джиритъ* (*дчиритъ*) отсутствует.

¹⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955, стр. 434.

¹⁹ Н. Геров. Речник на българския език. Ч. I. София, 1975, стр. 288.

²⁰ «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век». София, 1974, стр. 104.

²¹ Б. Конески. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувана. I. Скопје, 1961, стр. 180.

²² И. И. Толстой. Сербохорватско-русский словарь. М., 1970, стр. 670.

²³ F. Iveković i I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Svezak I. U Zagrebu, 1901, стр. 286.

²⁴ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedz'wiedzki. Słownik języka polskiego. T. I. Warszawa, 1900, стр. 658.

²⁵ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». В. 5. М., 1978, стр. 363.

²⁶ Г. Ф. Одинцов. Из истории старорусских названий копья. — «Этимология. 1975». М., 1977, стр. 93—96.

Многочисленную группу тюркизмов среди старорусских оружейных терминов образуют название *кинжал* и созвучные с ним слова.

Термин кинжал и его разновидности. Слово *кинжалъ* зафиксировано уже в 1596 году: «И положилъ Сунгуль бекъ шахово жалованья на князя Ондreja... саблю да кинжалъ да платно верхнее» (Посольство Звенигородского)²⁷. Известно и антропонимическое употребление этого слова в конце XVI—начале XVII века: «Помещик Кинжал Иванович Завесин» (Новгород)²⁸. Вероятно, по крайней мере в живой речи термин *кинжалъ* бытовал и до 1596 года.

Этот термин восходит в конечном счете к арабскому слову (*ḫan-ḏīḡar*), «принятому после в персидском» (*ḫānḏāḡ*), а из него перешедшему в тюркские и калмыцкий языки²⁹. Возведение восточнославянского *кинжалъ* непосредственно к персидскому³⁰ фонетически не оправдано. На ближайший источник русского *кинжал* — кумыкское *хынжал* [ввиду того, что другие тюркские огласовки этого термина: тур. *hançer* '(кривой) кинжал', азерб. *хәнчәр*, тат. *хәнжәр*, казах., кирг. *канжар* — фонетически отстоят гораздо дальше от русского слова] — указали Ф. Е. Корш (в Словаре русского языка, составленном II Отделением Академии наук, т. IV, вып. 3. СПб., 1909, стб. 813)³¹, позднее — С. Младенов и Н. К. Дмитриев³², а в последнее время — А. А. Селимов, отметивший, что: а) русско-кумыкские связи возникли во второй половине XVI века; б) воинская казачья форма почти полностью была заимствована у народов Кавказа; в) составной частью этой формы был кинжал, обоюдоострый, заостренный и прямой к концу, чем отличался от искривленно-го турецкого или персидского кинжала; г) кинжалы эти изготовлялись в Дагестане и были предметом торговли с соседними народами³³.

Однако фонетически русское слово *кинжал* ближе к ногайскому *кынжал* (с той же семантикой)³⁴, чем к кумыкскому термину. Исторически подобная ориентация на ногайский источник также оправдана. Уже в XV—XVI веках ногайцы нередко кочевали по северокавказским степям; местом их постоянного кочевья стало правобережье Кубани после образования феодального государственного объединения Ногаи Малые, выделившегося из Ногайской орды во второй половине XVI века

²⁷ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». В. 7. М., 1980, стр. 125.

²⁸ С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974, стр. 140.

²⁹ Ф. Эрмманн. Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский. — «Казанский вестник», ч. 24, кн. IX (сентябрь), 1828, стр. 46—48. См. также: А. Muchliński. Z'ródłosłownik wyrazów, które przeszły, wprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnich. Petersburg, 1858, стр. 4, 17, 62; F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den Südost- und osteuropäischen Sprachen. — «Denkschriften Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse». Bd. 43, Wien, 1884, стр. 307.

³⁰ Е. К. Бахмутова. Иранские элементы в деловом языке Московского государства. — «Ученые записки Казанского пединститута». Вып. 3. Казань, 1940, стр. 51.

³¹ Тем самым Ф. Е. Корш отверг свою прежнюю версию: рус. *кинжал* <«казак. *kałzan*» (Archiv für slavische Philologie. Bd. 9. Berlin, 1889, стр. 502). О кавказском тюркском источнике русского слова *кинжал* говорится также в указанном словаре А. Г. Преображенского (стр. 308).

³² См.: С. Младенов. Етимологически и правописень речникъ на българския книжовень езикъ. София, 1941, стр. 237: рус. *кинжал* «от тюрк.-кумык. *ḫyndžal*, казанско-тат. *pañdžar*»; Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 9, 26 [в качестве источника заимствования приводится кум. *кынчал*; в Кумыкско-русском (М., 1969, стр. 349) и Русско-кумыкском (М., 1960, стр. 330) словарях (оба под ред. З. З. Бамматова) представлена лишь форма *хынжал*]. Непосредственно к «кумыкскому *qincal*» возводит русское *кинжал* М. Моллова в статье «Относно ориенталските заемки в „Български тълковен речникъ“». — «Български език». Год. XIV. София, 1964, кн. 6, стр. 536.

³³ А. А. Селимов. Кинжал. — «Русская речь», 1970, № 4, стр. 89—91.

³⁴ «Ногайско-русский словарь» под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963, стр. 201.

во главе с мурзой Казы, умершим в 1577 году; основная часть ногайцев в настоящее время живет в Ногайской степи — в Караногайском районе Дагестанской АССР и Ачикулакском районе Ставропольского края³⁵. Тем самым культурно-исторические данные, связанные с кавказскими реалиями при заимствовании русским языком термина *кинжал* и приведения А. А. Селимовым для обоснования кумыкского источника заимствования, остаются в силе, если таким источником считать ногайский язык. Ногайско-русские контакты более древние, нежели кумыкско-русские, так что ногайцы могли быть на первых порах посредниками между кумыками и русскими.

Не абсолютизируя значения данных, устанавливаемых по письменным источникам, и факта первой фиксации в этих старорусских памятниках слова *кинжалъ* в 1594 году, следует все же отнести время заимствования этого слова в русский язык к последней трети XVI века, так как не только данный термин, но и другие старорусские названия оружия типа кинжала, исконные и заимствованные, появляются и активизируются в русской письменности именно в последней трети XVI — начале XVII века, что вряд ли могло быть случайным: *буди* — с 1564 г.; *будеи* — с XVI в.; *сторчь* — с 1569 г.; *торчь* — с 1591 г.; *сторчень* — с 1607 г.; *мултанъ* 'длинный воинский нож, короткий меч' — с 1607 г. Ср. учащение употребления слова *тесакаъ* 'короткий меч' в тот же период³⁶.

Время проникновения в русский язык тюркизма *кинжалъ* совпадает с начальным периодом установления особенно тесных русско-ногайских связей: в 1555—1557 годах ногайцы Большой орды приняли русское подданство, вскоре этому последовали и другие орды (в связи с угрозой нашествия турецкого султана и крымских ханов).

Кумыкский язык активизировал процесс заимствования восточными славянами термина *кинжал* и способствовал его закреплению в русском. Материалы документов конца XVI—начала XVII века подтверждают наличие уже в то время тесных русско-кумыкских связей: 1) «...дербенецъ Улага послантъ... съ... воеводою со княземъ Ондреемъ Ивановичемъ Хворостининымъ въ походъ на Шевкала князя для того, что онъ тамошние места, Тарки и иные городки и места горскихъ и кумытцкихъ людей знаетъ. И какъ... Ондрей Ивановичъ Хворостининъ Шевкала повоюетъ... дербенца Улагу, будетъ похочеть ехать, впередъ отпустить» (1588—1593 гг.)³⁷; 2) «...И даль имъ 5 подводъ до Дербени, да 15 человекъ кумытцкихъ торговыхъ людей, чтобы проехать безстрашно»³⁸; 3) «Какъ де оне (русские посланники. — Г. О.) шли въ Юргенчъ и ихъ розгромили кумыцкие люди»³⁹.

Анализ данных о северокавказской разновидности кинжала и о при-

³⁵ «Народы Кавказа». Т. I. М., 1960, стр. 391—392.

³⁶ Наиболее активное употребление названий воинских ножей в 60-е годы XVI — 30—40-е годы XVII века, по-видимому, своеобразно характеризует период активного использования в Московском государстве весьма еще несовершенного индивидуального огнестрельного оружия — громоздкого, недостаточно еще обособившегося от артиллерии (свидетельство тому — двузначность слов *пищаль*, *тюфякъ*, *мушкетъ* и даже *пушка*, обозначавших именно в тот период как ручное оружие, так и артиллерийское орудие). Из-за несовершенства этого оружия пехотинец дополнительно вооружался армейским ножом или небольшим тесаком. См.: Г. Ф. Одинцов. К истории древнерусских названий боевых ножей. — «Этимология. 1980», М., 1982, стр. 134.

³⁷ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Т. I. СПб., 1890, стр. 220.

³⁸ Там же, т. II. СПб., 1892, стр. 333.

³⁹ Там же, стр. 334. Приведенные цитаты и материалы исследования А. А. Селимова противоречат утверждению Н. К. Дмитриева (Указ. раб., стр. 9), будто русские познакомились с кумыками в эпоху Петра I. [См. также: А. Дж. Эфендиева. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.). Автореф. канд. дисс., Л., 1975, стр. 15].

надлежащем к этому же типу кинжале, являвшемся неотъемлемой частью казачьей формы, позволяет уяснить, почему в русском языке возобладал вариант термина *кинжал*, непосредственно восходящий к ногайскому (и к кумыкскому) источнику, а не другие варианты, как-то: *ханжалъ* («Две сабли да два ханжала съ камнемъ», к. XVI в.)⁴⁰. Фонетически близкое к нетюркским кавказским терминам — груз. *хандžали*, арчинск., хиналугск. *хандžал*, особенно ингушск. *хандžал* 'кинжал'⁴¹; *кинжарець* («Кинжарець неметцкого дела, крыжики и яблочко и наконешникъ железной...» Росп. им. Ром., 48. 1659 г.)⁴²; фольклорное *чингалище* («Сшиб он девицу с резвых ног, Он выдернул чингалища булатное, А и хочет взрезать груди белые». Былина⁴³) — производное от **чингал*, которое вместе с украинским *чингал* 'кинжал', может быть, восходит к калмыцкому *чиңгал* [*чиңгел*], устар. 'лезвие'⁴⁴; близкое к *чингалище* существительное *чинжалище* (Былины Севера. Астахова, 1951 г.), также *чинжалищѣ* (былина «Илья Муромец». Арх. губ. Шенкурск. уезд.)⁴⁵, юж.-сиб. (с пометой «1847 г.» в Картотеке СРНГ) *чинжалище* — из **чинжал*, восходящего, думается, к монг. *чинжал хутга* 'кинжал', *чинжал дах* 'колоть кинжалом'⁴⁶; *цинбалище*, где *ц* могло появиться на месте *ч* в условиях цоканья («Схватил [Добрыня. — Г. О.] „цинбалище” — вострый нож». Бой Добрыни с бабой Горынищем. Сибирь)⁴⁷. Уже в XVII веке (особенно с 40-х годов) преобладает вариант *кинжалъ*, употребляющийся в памятниках разных жанров: в словаре русских слов, составленном англичанином Р. Джемсом (*kinjal* 'персидский нож', а *persian knife*⁴⁸), в деловой письменности (показательна московская официальная «Роспись царской оружейной казне» 1647 г., то есть опись оружия: «три чеканы два... турские, а третей московское дело с кинжаломъ...»⁴⁹); есть и другие фиксации: «у всякого кинжала за поесом» Посольство Толочанова, 111, 1651 г.)⁵⁰, в художественно-повествовательной литературе («...в сердцы угознути кинжал спящему». Артаксерсово действо, 23 об. 1672 г.; «Страшно ружье местом: пицаль в лесу... кинжал в тесноте». Забчиц. 34. К. XVII в.)⁵¹.

В XVII веке слово *кинжал* было в такой мере освоено, что дало производное *кинжалець*, обнаруженное нами в рукописной книге 1697 г., хранившейся в Соловецком монастыре, расположенном, как известно, на Севере, вдали от кавказского региона, то есть территории первоначального бытования термина *кинжалъ*: «посох в немъ кинжалець бес черена две шпаги... ножъ потсадашной кинжалець потсадашной в ножнах бархатных» (Книги отводные, л. 5⁵²).

Слово *кинжалъ*, как единственное, возобладавшее над другими

⁴⁰ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Т. I, стр. 451.

⁴¹ R. von Erker. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Wien, 1895, стр. 53.

⁴² «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. 7, стр. 125.

⁴³ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.—Л., 1958, стр. 75.

⁴⁴ «Калмыцко-русский словарь». Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977, стр. 652.

⁴⁵ «Песни, собранные П. В. Киреевским». Ч. I. М., 1860, стр. 51.

⁴⁶ «Монгольско-русский словарь». Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 632.

⁴⁷ «Живая старина», год XVI, вып. 2, 1907, стр. 30.

⁴⁸ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 141.

⁴⁹ ЦГАДА, фонд 396. Архив Оружейной палаты, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 6.

⁵⁰ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. 7, стр. 125.

⁵¹ Там же.

⁵² ЦГАДА, фонд 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 380. До сих пор слово *кинжалець* не было отмечено в старорусских памятниках письменности и поэтому не попало в «Словарь русского языка XI—XVII вв.».

обозначениями данного вида оружия, неоднократно приводится в уже упоминавшемся рукописном «Русско-голландском словаре» начала XVIII в. (л. 32 об., 33 об.) с переводами «Dolk» (т. е. «кинжал») (дважды) и «Rook» («кочерга?») (один раз). Историк и государственный деятель В. Н. Татищев (1686—1750) счел необходимым включить данный термин в свой «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский»: «Кинжал — кратчайшее прибочное оружие, на обе стороны острое имеющее, которое прежде во всех народах было употребляемо, ныне же токмо некоторые азиатские народы имеют... В Европе же ныне за нечестное почитаются и в некоторых государствах под тяжким наказанием запрещено»⁵³. Встречается термин и в других словарях XVIII века: 1) *pugio, -nis*, м. 3. Кинжаль, штилетъ. Лекс. Целлария 1746 г., стр. 268; 2) *stilet, pugio, sica* кинжаль, стилеть. Вейсм. Лекс. 1731 г., стр. 610⁵⁴; 3) *кинжаль*, ум. *кинжалецъ*, с. м. 2 скл., остроконечное, короткое, к черенку широкое, обоюдоострое оружие; *кинжальный*, прил., кинжалу принадлежащий⁵⁵.

Эти *кинжалецъ* и *кинжальный* указывают на значительную активность термина *кинжал* в XVIII веке, освоенного русским языком, как видим, еще до XIX, а не в XIX веке якобы в основном в словаре Пушкина и Лермонтова⁵⁶, хотя оба поэта, разумеется, усилили позиции слова в литературном употреблении⁵⁷. Это, в свою очередь, обусловило введение А. Мицкевичем термина *kinżal* (и *kindzał*) в польский язык из восточнославянского⁵⁸; подобно этому болгарское литературное *кинжал* — из русского⁵⁹, как и чеш. *kindžal, kindžál*, словац. *kindžal*, м. р., определяемые в чехословацких энциклопедиях как экзотизм: «Широкий кинжал (дýка) кавказских горцев; в русской армии его носили кубанские и терские казаки»⁶⁰.

Термин ханжаръ и его разновидности. С существительным *кинжал* этимологически связаны слова *ханжаръ* (и *хонжаръ*), реже *канжаръ*. Последнее близко к казанско-татарскому *канзар* 'кинжал'⁶¹, казахскому и киргизскому *канжар* 'то же'⁶²: «...Привель под Григорья аргомакъ... да тесму шолкову... да канжар булатной оковаънъ золотом» (в другом списке: «...да тесму съ канжаромъ») (Посольство Васильчикова, 1594 г.)⁶³. Старорусское *ханжаръ* (и *хонжаръ*) близко к узб. *ханжар* 'кинжал'⁶⁴, туркм. устар. *ханжар* 'то же'⁶⁵.

⁵³ В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979, стр. 325.

⁵⁴ «Картотека Словаря русского языка XVIII в.» (Ленинград).

⁵⁵ «Словарь Академии Российской». Ч. III. СПб., 1792, стб. 529—530.

⁵⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 9.

⁵⁷ Так, в «Словаре языка Пушкина» (т. II, М., 1957, стр. 314) отмечено, что данный термин встречается в произведениях поэта 35 раз.

⁵⁸ J. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1894—1905, стр. 10; A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1926, стр. 230. Сближение польского *kindzał* непосредственно с турецким *hanđer* (К. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927, стр. 64) не может считаться приемлемым.

⁵⁹ С. Младенов. Речник на чуждите думи в българският език с обяснения за потекло и състав. София, 1947, стр. 204; В. И. Георгиев и др. Български етимологичен речник. Т. II. София, 1979, стр. 371.

⁶⁰ «Masarykův slovník naučný. Lidová encyklopedie všeobecných vědomostí». Díl III. V Praze, 1927, стр. 990.

⁶¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899, стр. 129.

⁶² К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 340; «Орысша-қазақша сөздік». I том. Алматы, 1978, стр. 331.

⁶³ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Т. I, СПб., 1890, стр. 94—95. По материалам Картотеки ДРС Института русского языка АН СССР, других употреблений термина *канжаръ* не установлено.

⁶⁴ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 497.

⁶⁵ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 686.

Этимологи отмечают также русск. *ханджар*(ъ) 'кинжал', с передачей тюркской аффрикаты *dž*⁶⁶ — вариант термина *ханжаръ*, не зафиксированный в древне- и старорусских памятниках письменности. Правда, его приводит П. П. Бушев («платно золотное да кафтан камчат да ханджар») со ссылками на опубликованную и рукописную разновидности текста 1595 года: «Памятники...», СПб., 1890, стр. 270; «Персидские дела», ЦГАДА, фонд 77; «Посольский приказ», оп. 1, кн. 3, 1590—1595 гг., л. 128—128 об.⁶⁷ Обратившись, однако, к самому документу и его публикации, находим слово *ханжар* (не *ханджар*!), причем в этом именно контексте (в рукописи *ханжар* с буквой «н» выносной).

Ханджар отсутствует и в отражающих преимущественно язык нового времени ленинградских картотеках «Словаря русского языка XVIII в.» и «Словаря русских народных говоров» Института русского языка Академии наук СССР и встречается единственный раз как явный экзотизм в картотеке «Словаря современного русского литературного языка» того же Института: «Он (болгарин граф Игнатъев Христо. — Г. О.) понравился великому князю... Толстый, высокий... в живописном черногорском костюме с ханджаром за широчайшим поясом: действительно — картина»⁶⁸. Экзотизм *ханджар* восходит к болгарскому [из турецкого] *ханджар* 'большой обоюдоострый нож, кинжал'⁶⁹.

Семантику русского *ханжар*(ъ) (и *хонжаръ*) определяют как «кинжал»⁷⁰. При обращении, впрочем, к неизученным (рукописным) материалам нетрудно убедиться в неравнозначности старорусских терминов *кинжалъ* и *ханжаръ*. Так, в «Росписи оружейной казне царя Алексея Михайловича» (1647 г.) составной термин *ханжаръ кизылбашской запоясной* (по-видимому, иной величины, чем не запоясный «ханжар», ср. в тексте указание: «невелик») упоминается после ножей и отчасти противопоставляется кинжалу: «Ножи... 20 ножей сталных и красного железа... ханжар кизылбашской булат красной запоясной невелик ножи оправлены золотом... кинжал сталной навожено золотомъ»⁷¹.

Ханжар в указанном словосочетании — «вид боевого персидского ножа, близкого и к тогдашнему „кинжалу“ и к собственно „ножу“, но не тождественный им». В следующем контексте термин отчасти сближен с обозначениями персидского ножа и отчасти противопоставлен им: «Ножикъ... перси^т кое де(ло)... хонжар булат синей... нож булатной кизылбашской» (Госпись оружия. 1639 г.⁷²). Слово нередко сопровождалось определением *кизылбашской* («2 хонжара кизылбашские»; «хонжаръ кизылбашской». Оп. им. Тат., 10, 38, 1608 г. — Картотека ДРС; «ханжар кизылбашской». 1647 г.⁷³) и, вероятно, вообще обозначало вид персидского воинского ножа, не одинакового с кавказским «кинжалом».

Самое позднее употребление варианта *хонжаръ* относится к 1639 году, а варианта *ханжаръ* — к 1647 году. В объемистой Описной книге Московской Оружейной палаты 1687 года⁷⁴, высоко оцениваемой по точности языка⁷⁵, в последующих описях этой палаты и иных текстах

⁶⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973, стр. 221.

⁶⁷ П. П. Бушев. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (По русским архивам). М., 1976, стр. 259.

⁶⁸ М. Газенкамф. Мой дневник 1877—78 гг. СПб., 1908, стр. 7.

⁶⁹ Н. Геров. Речник... Ч. 5. София, 1978, стр. 485.

⁷⁰ Е. К. Бахмутова. Указ. раб., стр. 51; М. Фасмер. Указ. словарь. Т. IV. М., 1974, стр. 221; Е. Н. Шипова. Указ. словарь, стр. 361.

⁷¹ ЦГАДА, фонд 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, лл. 10 и 12.

⁷² ЦГАДА, фонд 396, оп. 1, ч. 3, № 2948, л. 7.

⁷³ ЦГАДА, фонд 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 12.

⁷⁴ ЦГАДА, фонд 396, оп. 2, № 936.

⁷⁵ А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725 гг. Выпуск второй. М., 1883, стр. 391.

термин *ханжаръ* (*хонжаръ*) не обнаружен. Именно в 40—50-е годы XVII века слово *кинжалъ* значительно активизируется. С упрочением русско-кавказских связей возобладала кавказская разновидность этого оружия, утвердился и термин *кинжалъ* (ѣ), а слова *ханжаръ* (*хонжаръ*), *канжаръ* исчезли. С утратой их и упоминавшихся исконных названий обоюдоострого боевого ножа *сторчь*, *сторчень* и других расширилась семантика слова *кинжал*, которое позднее стало обозначать не только прямой, на дагестанский манер, но и кривой, по персидскому и турецкому образцу, кинжал, судя уже по семантике приведенных выше болг. *кинжъл*, польск. *kindzał*, чеш. *kindžál*, заимствованных в новое время через восточнославянское посредство, а также по толкованию В. И. Даля: «*кинжъл* м. 'коротенькая шпага, сабля разных видов; кортик, остро-конечный обоюдоострый нож, для уколу'»⁷⁶. Ср. еще: «*кинжъл*, м. 'любой большой нож'». Ленинград («Словарь русских народных говоров», в. 13, Л., 1977, стр. 213).

Термин кончаръ и его разновидности. Со словами *кинжалъ* и *ханжаръ* нередко сближали существительное *кончаръ* (и *кончеръ*, *кончерь*, *канчеръ*), утверждая, что *хонжаръ* и *кончаръ* равнозначные термины⁷⁷, а слова *канжар*, *кончер* — «фонетические вариации» термина *кинжалъ*⁷⁸. Этими, ничем, кстати, не обоснованными отождествлениями, по-видимому, и обусловлена первая часть семантического определения термина *кончеръ* (и *кончерь*) 'кинжал; род меча' в Сл. РЯ XI—XVII вв.⁷⁹, не подтверждаемая ни одним из контекстов — как в этом Словаре, так и в Картотеке ДРС, на базе которой он составляется. Приемлемо ли толкование *кончаръ* (и *кончеръ*) 'кинжал'? В упомянутой Описной книге Оружейной палаты 1687 года, где перечень реалий составлен не произвольно, а исходя из сходства одного вида оружия с другим (в случае большого сходства они упоминаются рядом), «кончары» (и «кончеры») описаны на л. 90—94 об. после палашей и перед шпагами, кинжалы же упоминаются на л. 167 после ножей. Это указывает на семантическую нетождественность слов *кончеръ* и *кинжалъ*. Кончары, описанные в этой книге, охарактеризованы и в «Описи Московской Оружейной палаты» (ч. IV, кн. 3, М., 1885), с указанием длины клинка («полосы»), не отмечавшейся в Описной книге 1687 года, причем тождество предметов, описанных в обеих книгах, даже подчеркнуто в Описи 1885 года: «Кончар XVII века... Полоса... длиною 39,15 дюймов... Кончар XVII в.: длина полосы 40 дюймов... Эти кончары состояли налицо при поверке казны в 1687 г. и в переписной книге, л. 93, под № 6 записаны...» (стр. 150—151). Ср. еще: «Кончаръ, поднесенный царю... в 1657 г. Полоса... длиною 44,5 дюйма. В описи 1687 года, л. 90, значится под № 1» (стр. 148—149); есть и другие примеры. Все отсылки к Описной книге 1687 года правильны, нами проверены. Так удалось установить длину клинка кончаров, описанных в 1687 году: она колеблется от 38 до 61,25 дюйма, составляя в среднем 105 см (по данным двух описей). Разумеется, назвать такой кончар *кинжалом* (длина которого, по тому же источнику, 36,8 см) невозможно. Кончары XVII и XVIII веков, поступившие в Оружейную палату в 1810 году и по описанию не отличающиеся ни конфигурацией,

⁷⁶ В. И. Даль. Указ. словарь. Т. II. СПб. — М., 1881, стр. 108.

⁷⁷ П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865, стр. 294.

⁷⁸ А. Дж. Эфендиева. Теоретические основы проблемы заимствования применительно к ориентализмам в средневековом русском языке. — «Ученые записки Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова». Серия XII, № 3. Баку, 1974, стр. 18—19.

⁷⁹ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. 7. М., 1980, стр. 286.

ни длиной клинка от тех, которые упомянуты в Описной книге 1687 года, именовались в Описи 1885 года (стр. 152, 155) «панцер-штехерами» (из нем. *Pantzerstecher*), то есть «прокальвателями панцирей». Следовательно, старорусское *кончаръ* (и *кончеръ*) обозначало «колющее оружие (меч) с длинным (до 1,5 м) узким трех- или четырехгранным клинком для поражения противника сквозь кольчатый доспех»⁸⁰. Ср.: «Кончарами называются древние рапиры с клинками длинными в 2 аршина и остроконечными... Это оружие, по длине своей и по тяжелым украшениям... неудобно было для ношения, но выдавалось, вероятно, при поединках»⁸¹. По своей функции кончар был ближе к шпаге, рапире, чем к мечу. К старорусскому *кончаръ* (и *кончеръ*) 'меч, близкий к рапире' семантически близки ст.-польск. *koncerz* 'длинный прямой остроконечный меч', словац. *končiar* 'длинный нож', 'копье', др.-чеш. *končír* 'эспадрон', 'рапира'.

Инославянский материал здесь показателен: рус. *кончар* (*кончер*), польск. *koncerz*, *kończerz*, *koncyrz* заимствованы из др.-чеш. *končír*, *končier* [которое возводится через романские языки (ср. ит. *cangiarro*, диал. *canciarru* 'кинжал') к тур. *kançer* 'кинжал']. При этом произошло сближение по народной этимологии с *конец*, *кончатый* (т. е. 'острый') нож⁸², и недаром М. Ряснен в словарной статье *çandžar* оставляет русск. *кончар* под вопросом: второе фонетически невыводимо непосредственно из первого⁸³.

Для таких этимологических построений характерна общая мысль о невозможности объяснения *кончар* и проч., исходя только из тюркских данных.

Как видим, слово *кончаръ* (и иллюстрируемые ниже его варианты *кончеръ* и проч.) обособлено от существительного *ханжаръ* (также *канжаръ*, *хонжаръ*) и *кинжал* (а также *кинджал*, *кинжарецъ* и проч.) не только семантически, но и этимологически.

Древнейший из вариантов термина — *кончер*(ъ, ъ) (вероятно, непосредственно из польск. *kończerz*) — зафиксирован в 1570 году: «Украдено кончеръ побеляный». Польск. д. III, 749⁸⁴. Этот вариант долго преобладал, употребляясь и в документах 80-х годов XVII века: «...палаши, кончеры, шпаги». (Арх. бум. Петра I, 52. 1684 г.)⁸⁵. Постепенно возникли разновидности этого варианта — *канчеръ* (с заменой *о* на *а* в условиях аканья) — и производное *кончерныйш*: «Канчеры с камнем... и полосы кончерные» (Описная книга Оруж. пал. 1687 г., л. 16); «Кончеръ полоса сталная//а по прежнимъ... книгамъ... тот канчеръ шолся». (Та же книга 1687 г., лл. 90—91; здесь же, л. 16 об.: *кончеръ*).

Отсутствующий в Картотеке ДРС и Сл. РЯ XI—XVII вв. вариант *консеръ*, известный нам лишь по одному употреблению, восходит, вероятно, к приведенному выше ст.-польск. *koncerz*: «Королевский дворянин... челом бьет: кубок, двойчат... консер туретцкой» (Приезд в Москву посланников Витовта и Соколинского. 1607—1608 гг.)⁸⁶.

Вариант *гончаръ* — 'то же, что кончеръ' («...княгиня... прислала

⁸⁰ «Большая Советская Энциклопедия». 2-ое изд. Т. 22. М., 1953, стр. 507.

⁸¹ «Московская Оружейная палата». М., 1844, стр. 23—24.

⁸² A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 252; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971, стр. 272—273; М. Фасмер. Указ. словарь. Т. II. М., 1967, стр. 316.

⁸³ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 155.

⁸⁴ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. 7, стр. 286.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Сборник Русского исторического общества». Т. 137. М., 1912, стр. 484.

къ нему... 11 пансырей... да гончаръ, да сулебу». Д. Шакловит. III, 204. 1689 г.)⁸⁷ — близок к варианту *кончаръ*, известному уже в памятнике письменности 1687 года, то есть более раннем, чем данный.

У Н. М. Карамзина при цитировании Повести о Мамаевом побоище, помещенной в Никоновской летописи, фигурирует термин *кончаны* мн. ч. и толкуется историком как «кончары, мечи»: «А доспехи вельми тверды... кончаны (кончары, мечи) Фряжскія и курды Ляцкія и сулицы Немецкія»⁸⁸.

Другие контексты с этим словом неизвестны, кроме пословицы «Кончанъ пригожь стрелами, а обедъ пирогами» (Архив Русского Географического Общества Академии Наук. Пословицы), где *кончанъ* — 'колчан', как, скорее всего, и в примере у Н. М. Карамзина, судя по другому, более исправному, как он сам считал, списку той же Повести⁸⁹, также цитируемому Н. М. Карамзиным в его «Истории...»: «...доспехи тверды... курды Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Немецкія»⁹⁰.

Написание *кончаны*, воспроизведенное Н. М. Карамзиным, могло возникнуть в старорусской скорописи из *колчаны* вследствие неразличения выносных букв *л* и *н* при переписке текста. Цитированная пословица, однако, как будто дает возможность объяснить образование *кончан* из *колчан* фонетически (ассимилятивная замена *л* на *н*).

Вслед за Н. М. Карамзиным, семантически отождествил слова *кончанъ* и *кончаръ* И. П. Сахаров (без опоры на тексты): «*Кончаръ* (*кончеръ, кончанъ*) — острое длинное оружие с клинком 3-х или 4-х-гранным...»⁹¹, а также П. И. Савваитов (со ссылкой на цитату из «Истории...» Н. М. Карамзина)⁹². Выше уже отмечалась произвольная трактовка П. И. Савваитовым термина *кончаръ* (отождествленного по ошибке с существительным *ханжаръ*). Неудивительна поэтому и уязвимость толкования этим автором *кончанъ* = *кончаръ*. Наряду с П. И. Савваитовым приравняли слова *кончанъ* и *кончаръ* В. И. Даль (с пометой *стар.* и без иллюстраций)⁹³ и И. И. Срезневский (впрочем, с осторожной ссылкой на толкование П. И. Савваитова и с цитатой из той же «Истории...» Н. М. Карамзина)⁹⁴.

Попав по недосмотру в авторитетные словари В. И. Даля, И. И. Срезневского, в «Словарь русского языка, издаваемый II отделением Академии наук» (т. IV, вып. 7. СПб., 1913, стб. 1924 — с пометой *устар.* и без цитат, но со ссылкой на В. И. Даля), сущ. *кончанъ* 'кончар' стало приводиться и этимологами (Фасмером, Славским и др.), не объяснявшими его словообразования, что было бы затруднительно сделать на славянской почве; близкое же в звуковом отношении неславянское слово неизвестно. Проблема снимается при изложенном выше объяснении. Все указывает на то, что значения «кончар» слово *кончанъ* не выражает. Рассматриваемый многовариантный термин (*кончаръ, кончеръ* и пр.) дан в форме *кончар(ъ)* в большинстве словарей и справоч-

⁸⁷ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Вып. 4. М., 1977, стр. 76.

⁸⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. V. СПб., 1819, пагинация II, стр. 276 (пр. 428).

⁸⁹ С. К. Шамбинаго. Повесть о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 3—4.

⁹⁰ Н. М. Карамзин. Указ. раб., т. V, стр. 404. В отличие от данной, первая цитата из менее исправного списка приведена Н. М. Карамзиным в примечании исключительно «для любопытного читателя».

⁹¹ И. П. Сахаров. Обзорение русской археологии. — В кн.: «Записки отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества». Т. I. СПб., 1851, стр. 26.

⁹² П. И. Савваитов. Указ. раб., стр. 201.

⁹³ В. И. Даль. Указ. словарь. Изд. I-ое. Т. II. М., 1865, стр. 764; изд. 2-ое. Т. II. М., 1881, стр. 154.

⁹⁴ И. И. Срезневский. Указ. словарь. Т. I, стб. 1270.

ников: Словарь Акад. Российской, ч. III, 1792, стб. 782; Энциклопедия военных и морских наук, т. IV. СПб., 1889, стр. 355; Описи Московской Оружейной палаты (все издания); этимологические словари. Парадоксально, но именно эта форма *кончаръ* до сих пор отсутствует в русской исторической лексикографии. Между тем в указанной Описной книге 1687 года, где *кончаръ* = *кончеръ* и встречается, не раз употребляется не отмечавшаяся до сих пор производная форма *кончарный*: «кончеръ сталной... тотъ кончаръ съ прежними... книгами шолся...» (лл. 93—93 об.); «кончара нетъ... десят полос кончарныхъ» (лл. 94—94 об.).

В эпоху Петра I *кончаръ* (с его вариантами) выходит из употребления, что, по-видимому, объясняется активным вторжением близких ему по семантике западноевропейских терминов *рапира*, *шпага*. Первый из них заимствован из н.-в.-нем. *Rapier* в Петровскую эпоху⁹⁵, хотя один раз в форме мужского рода *рапир* и упоминается в 1621 году⁹⁶. *Шпага* — термин, обозначающий оружие, функционально близкое к кончару (ср.: «...Позднее на смену кончарам пришли шпаги»⁹⁷), и известное с XVII века.

В современном русском языке слово *кончаръ* сохранилось лишь в качестве историзма и музейного термина.

Таким образом, приведенный выше обзор указывает на масштабы тюркского вклада в русскую оружейную терминологию.

⁹⁵ М. Фасмер. Указ. словарь. Т. III. М., 1971, стр. 443.

⁹⁶ S. C. Gardiner. German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford, 1965, стр. 178.

⁹⁷ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 19.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ БАИТОВ

Слово *баит* (*бает*)—арабского происхождения. Оно обозначает двухстрочную строфу поэтического произведения.¹ По мнению фольклориста Г. Тулумбайского, слово это проникло в татарский язык давно и употреблялось в том же значении, что и в языке-источнике. Однако со временем значение его расширилось. Оно стало, по крайней мере с начала XX века, употребляться для обозначения не столько двустихия, сколько законченного стихотворного произведения и целого жанра татарского поэтического народного творчества².

Баиты относятся к лиро-эпическим жанрам фольклора. В них обычно находят отражение важные исторические события (войны, крестьянские волнения, восстания) или необычные происшествия, а герои их имеют прототипов. Но встречаются произведения и не связанные с конкретными событиями. Сюда часто относятся сатирические и юмористические баиты. В целом содержание жанра и его поэтика отличаются большим разнообразием³.

Имеющиеся материалы указывают на то, что начиная со второй половины XV века и до нашего времени баиты представляют собой наиболее распространенный лиро-эпический жанр татарского народно-поэтического творчества.

Однако есть основания предполагать, что баиты возникли и стали самостоятельным жанром значительно раньше. Известный татарский историк Ш. Марджани писал, что в период существования Волжской Булгарии как самостоятельного государства были известны баиты о богатырях Булгарии и баиты науруз, однако, эти баиты до нас не дошли⁴.

И все же многое говорит за то, что баиты как самостоятельный жанр народного творчества начали складываться уже в период Волжской Булгарии.

В литературе, имеющей достаточно развитую древнюю письменную традицию, нередко возникают поэтические или прозаические жанры, стоящие как бы на стыке фольклора и письменной литературы. Для

¹ К. З. Хамзин, М. И. Махмутов, Г. Ш. Сайфуллин. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965, стр. 40.

² Г. Толымбай. Бәетләр (революциягә кадәргеләр). Казан, 1935, стр. 5—6.

³ Подробнее об этом см.: Ф. Урманчиев. Халык авазы. Татар халык бәетләре тарихыннан очерклар. Казан, 1974.

⁴ Гали Рәхим, Г. Газиз. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1925, стр. 144, 289; Х. Ярми. Бәетләр. Казан, 1960, стр. 24.

этого помимо наличия письменности необходимо также ее широкое распространение в народе, как это было в Волжской Булгарии. Арабский писатель X века Ибн-Даста сообщает об этом следующее: «Большая часть их (булгар. — Ф. У.) исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»⁵. Вопрос о высоком для своего времени уровне культуры Булгарии считался решенным уже в первой половине XIX века: «Волжские булгары прежде всех обитателей нынешней России узнали плоды образованности. Уже в X веке по принятию мусульманства, они чеканили собственную монету с куфическими или арабскими надписями, булгарские купцы и старшины знали роскоши. Они вели деятельную торговлю со славянами, арабами и Константинополем»⁶.

Традиции высокой культуры, созданной еще в X—XII веках, развивались в дальнейшем; даже в период гонений на школы — в середине XVIII века — в Казанском крае было 536 мечетей с мэктебами при них. В середине XIX века было уже 430 мэктебов и 50 медресе⁷. Количество школ сократилось в результате преследования царизмом национальных меньшинств. Особенного развития сеть школ и медресе достигла в начале XX века. На это указывал еще В. И. Ленин: «...За последние 10 лет мусульманское население России сильно развилось в культурном отношении: у казанских татар на 150 человек приходится сейчас 1 мечеть и 1 мулла, у русских и инородцев того же района 1 священник приходится только на 1500 душ; у первых одна школа на 100 душ обоего пола; у православных — одна на 1500—3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар относительно еще более высокое»⁸.

Предположение Ш. Марджани о наличии баитов уже в период Волжской Булгарии подтверждается, например, свидетельством Амины Халит: «Помнится, группа старух, идущих из дер. Суык-Су в г. Булгар (развалины г. Булгар), остановилась на ночевку в с. М. Тарханы, и в доме, где они остановились, сказывали баит „Богатыри города Булгар”»⁹. Аналогичные данные приводит и Х. Ярмухаметов¹⁰.

На сравнительно раннее происхождение жанра баитов указывают и некоторые специфические элементы их композиции. Так, одной из характерных особенностей многих баитов является наличие устойчивого зачина с религиозным оттенком или зачина с указанием даты происшедшего события. И в том и в другом случаях зачин символизирует начало обрядового действия. В первом случае это — отзвук начала мусульманской молитвы, некогда сопровождавшей каждый поступок человека. Во втором — увековечение в народной памяти даты исторического события. Остановимся подробнее на зачине-дате. Во многих баитах речь идет о трагических событиях: вторжении врагов, захвате родного города иноземцами, поражении крестьянского восстания и, наконец, гибели людей:

*Тарих мең дә сикез йөз дә,
Жәй узубан һәм көзендә...*¹¹

(«Мәһди бай бәете»)

⁵ Д. А. Хвольсон. Известия о казарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 23.

⁶ «Указатель Казани на 1841 г.», стр. 9.

⁷ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 376, 380, 404.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 28, стр. 514—515.

⁹ Эмина Халит. Бәетләр тикшерү тәҗрибәсенән. — «Совет әдәбияты», 1934, № 6, стр. 56.

¹⁰ Х. Ярми. Бәетләр, стр. 25.

¹¹ Г. Толымбай. Бәетләр, стр. 57 (подстрочные переводы здесь и далее — автора).

‘В тысяча восьмисотый год истории,
Когда прошло лето, осенью...’

(«Баит Магди-бая»)

*Тарих мең дә сикез йөз дә,
Алтмыш өченче ел эчендә...*¹²

(«Солдат бәетләре»).

‘В тысяча восьмисотый год истории,
В году шестьдесят третьем...’

(«Баиты солдат»).

Подобные формулы, раскрывающие даты, встречаются во многих эпиграфических памятниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии или Казанского царства: *Тарих тугыз йөз кырык тугызда, мөхәррәм аеның гүвәлендә ирде...* ‘По летосчислению в девятьсот сорок девятом в месяце мухаррам в начале то было...’ или *Тарих тугыз йөз илле икедә ирде кем Чура улы...* ‘По летосчислению в девятьсот пятьдесят втором то было, что сын Чуры...’¹³.

Почти буквальное совпадение характерных для баитов формул с суфийскими двустихиями эпитафий наводит на мысль о том, что такие выражения оформились в далеком прошлом, вероятно, на основе многовековой практики сочинения стихов для надмогильных камней, и впоследствии, по всей видимости, перешли в баиты. Если надмогильные камни являлись материальными памятниками, то баиты и весьма распространенные в татарском народе *мунаджаты* (духовные стихи) были памятниками поэтическими. Важным обстоятельством, позволяющим сопоставлять надмогильные надписи с типичной формулой зачина баитов, являются не только их форма, но и содержание, эмоциональное звучание, связанное с их основной функцией¹⁴. Эпитафия сообщает о смерти чаще всего конкретной личности. Это характерно и для ряда баитов. Но следует учитывать, что баиты, особенно исторические, повествуя о событиях в жизни народа, имеют гораздо более широкое историко-литературное звучание, нежели надписи на камнях. Эпитафия, если даже она высечена над братской могилой, не может сообщить о важных трагических событиях в народной жизни. Для этого необходимы эпический размах мысли и яркость образов. Здесь уместно привести слова П. А. Гринцера о том, что «сама по себе тема плача над убитым — непреходящий атрибут эпической поэзии в целом»¹⁵. Г. Д. Гачев также называет эпос «гигантским надгробным словом»¹⁶. Данное композиционное сходство баитов и эпитафий подтверждает, как нам кажется, предположение о древнем происхождении баитов.

Как известно, повествование от первого лица не является доминирующим приемом в эпических и лиро-эпических фольклорных произведениях. В баитах же — это существенный элемент их композиции. Возможно, этот прием восходит к каким-то весьма древним традициям, генетически связанным с надгробными надписями поволжских булгаро-татар. Известно, что повествование от первого лица весьма часто встречается и в памятниках енисейской письменности тюрков¹⁷. В надписи на памятнике с Уюк-Тарлака сообщается: «Мое имя Эль Туган тутук. Я

¹² Х. Ярми. Бәетләр, стр. 92.

¹³ Г. В. Юсупов. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства. — «Эпиграфика Востока», XVI, М., 1963, стр. 73, 75.

¹⁴ Ср.: П. Фалев. Как строится кара-киргизская былина. — В кн.: «„Манас“ — героический эпос киргизского народа». Фрунзе, 1968, стр. 49—55.

¹⁵ П. А. Гринцер. Эпос древнего мира. — В кн.: «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира», М., 1971, стр. 151.

¹⁶ Г. Д. Гачев. Содержательность художественных форм. Эпос, лирика, театр. М., 1968, стр. 97.

¹⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

был посланником (*эльчи*) у божественного моего государства. Я был князем (*бег*) шестисоставному народу...»¹⁸. В тексте первого памятника с Барлыка сохраняется такая же форма: «Я отделился (умер) — я сам Йигин-Алп-Туран в тридцать лет от шести родов народа»¹⁹.

Эти примеры наводят на мысль, что, возможно, именно отсюда ведет начало распространенная в татарских народных байтах форма повествования от имени умершего или погибшего. При этом интересно отметить, что дошедшие до нас образцы надгробных надписей волжских болгар, нанесенных арабским шрифтом и относящихся к XIII веку, написаны не от первого лица. Своеобразна и форма надмогильных камней. Таким образом, можно, видимо, предположить, что данные эпиграфические памятники были созданы в Поволжье в период усилившейся миграции на эту территорию тюркоязычных народов. Енисейские и болгарские надгробные надписи отделяют пять-шесть веков. За это время некоторые их особенности, в том числе и форма повествования от первого лица, были утрачены. Процесс этот начался еще на Енисее. Например, в надписи на втором памятнике с Уйбата повествование ведется уже от третьего лица²⁰. Повествование от первого лица, от имени умершего или погибшего, дошло до нас лишь в памяти народа, в его устно-поэтических произведениях. При этом следует особо подчеркнуть, что татарским народным байтам, болгарским надписям и памятникам древнетюркской письменности присуща эпическая форма повествования²¹.

Гипотеза о древнем происхождении байтов, о начале формирования этого жанра в период Волжской Булгарии подтверждается еще двумя обстоятельствами. Во-первых, весьма важно то, что с XVI века до нас дошли наиболее ранние образцы байтов. По своему содержанию и форме, по эмоциональному воздействию эти произведения достаточно полно отражают специфику байтов в целом и являются вполне оформившимися образцами жанра. А такие байты могли возникнуть, конечно, в тот период, когда жанр уже получил определенное развитие. Во-вторых, в дошедших до нас байтах XVI века отражены события эпохи Волжской Булгарии, а не периода Казанского ханства. К таким событиям относятся, например, разрушение города Булгар — столицы государства — одним из тимуридов.

* * *

В поэтическом творчестве болгаро-татар есть немало произведений о борьбе с монгольскими завоевателями²². К ним примыкает один из ранних образцов жанра — «Байт Казани» («Казан бэете») или «История Казани» («Казан тарихы»), опубликованный в 1881 году в календаре К. Насыри, а в русском переводе — в работе Н. Ф. Катанова²³. Татарский текст байта издавался и позже²⁴. В предисловии к своей публикации Н. Ф. Катанов пишет, что, по словам К. Насыри, байт этот возник очень давно и хорошо известен казанским татарам²⁵. Того же мне-

¹⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюркоз, стр. 11.

¹⁹ Там же, стр. 21.

²⁰ Там же, стр. 60—61.

²¹ См.: М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В кн.: «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 53 и сл.; И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965; В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 644—680.

²² Подробнее об этом см. Ф. Урманчеев. Традиции тюркского эпоса в сказании «Джик Мэрген». — «Советская тюркология», 1980, № 4.

²³ Н. Ф. Катанов. Исторические песни казанских татар. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XV, вып. 3. Казань, 1898, стр. 275—292.

²⁴ «Метәржим Язучы. Казан татарларының тарихи жырлары». — Журн. «Шура», 1911, № 17.

²⁵ Н. Ф. Катанов. Указ. раб., стр. 275.

ния придерживались Али Рахим и Г. Газиз, утверждая: «Судя по языку и содержанию, этот байт должен быть довольно древним»²⁶.

Байт включает 116 стихотворных строк, и содержанием его охватывается большой исторический отрезок времени. Это — один из ранних более или менее достоверно датированных образцов эпических произведений фольклора казанских татар. В нем сосредоточены наиболее выразительные специфические особенности байтов как произведений устного народного творчества. Его содержание, так же как и содержание большинства возникших позже байтов, пронизывает глубокий трагизм. Сначала в байте рассказывается о разрушении города Булгар одним из тимуридов:

*Тарих етте йөздә²⁷
Кәлдә Тимер Болгарга,
Габдулла ханның кулындан
Болгар шәһәрэн алдыя.*

‘В семисотом году истории
Пришел Тимур в Булгар,
Из рук хана Абдуллы
Взял город Булгар’.

Как известно, на Булгарию было совершено несколько подобных нападений. «В 70-е годы XIII века народы Булгарии снова поднимаются против монгольских захватчиков. В ответ хан Золотой Орды Менгу-Тимур посылает с большим отрядом темника Ногая, который жестокими репрессиями подавил восстание»²⁸. В XIV веке с Булгарией воевал эмир Золотой Орды Булат-Тимур. В 1361 году он во главе большого войска направился в Булгарию. По данным летописей, он захватил город Булгар и подчинил весь «волжский путь». В 1391 году к границам Булгарии приблизились войска Тамерлана²⁹. Овладел ли он Булгаром или нет, — об этом точных сведений не имеется. В фольклорных произведениях утверждается, что он этот город захватил. В сборнике пословиц Н. Исанбета приводится и притча о взятии Булгара Тамерланом³⁰. Однако трудно установить, о каком из Тимуров идет речь в народных произведениях. Нет ответа на этот вопрос и в самом байте. В его начальных строках говорится о «семисотых годах», то есть о XIV веке. Далее сообщается, что город Казань, построенный сыновьями Абдуллы, в течение 262 лет находился в руках мусульман. Таким образом, вероятно, Булгар разрушил один из Тимуров в конце XIII века и в тот же период был основан город Казань. Если исходить из этого предположения, то можно сказать, что в байте речь идет о войсках Менгу-Тимура, напавших на Булгарию во второй половине XIII века. Однако текст байта не подтверждает такого предположения. Ибо в нем сначала говорится о событиях XIV века, а потом уже — XIII века. Некоторую определенность в датировку байта вносит сообщение о том, что город Булгар был взят «из рук хана Абдуллы». Как сообщается в байте и во многих исторических преданиях, после взятия Булгара Тамерланом у хана Абдуллы оставались сыновья Алимбек и Алтынбек. Они были вынуждены уйти на север и основать там новый город — Казань. По обычаю, главой ханства стал старший сын хана — Алимбек. Эти данные, повторяющиеся во многих легендах и преданиях, в том числе и в рассматриваемом байте, подтверждаются историческими свидетельствами

²⁶ Гали Рәхим, Г. Газиз. Татар әдәбияты тарихы, стр. 140.

²⁷ «В XIV веке» — уточняет в примечании Н. Ф. Катанов (см. указ. раб.).

²⁸ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 65.

²⁹ Там же, стр. 66.

³⁰ Н. Исанбет. Татар халык мәкальләре. 3 том, Казан, 1967, стр. 322.

лишь отчасти: по данным историков, до 1445 года в Казани правил князь или царь Галимбек (по другим источникам — Азиз-хан). В 1445 году он был убит ханом Золотой Орды Улу-Мухаммедом³¹.

Приводимые далее в баите сведения носят полулегендарный-полуисторический характер: смерть хана Едигера; предложение, сделанное его девятилетней дочери — занять место отца; ее отказ и самоубийство; воцарение Шах-Али и т. д.

Значительное место отведено в баите образу отважного человека Чуры. Он представлен в произведении как «божий человек». Известно, что среди казанских вельмож был прогрессивный для своего времени деятель, активный сторонник сближения с Москвой Чура Нарыков. Но за участие в заговоре против крымского хана он был казнен в 1547 году Сафа-Гиреем³². Однако Чура Нарыков не мог быть единственным прототипом изображенного в баите Чуры хотя бы уже потому, что в описываемое время его не было в живых. Это позволяет предположить, что образ Чуры связан и с какими-то еще другими, весьма важными событиями. Как исторический Чура Нарыков, так и одноименный герой баита являются выразителями прогрессивных идей своей эпохи. Для создания этого масштабного образа безвестные авторы баитов обратились к богатейшим народным эпическим традициям. В фольклоре ряда тюркоязычных народов существуют сказания о Чура-батыре. Возможно, в историческом баите использован именно этот популярный образ³³. Так в баите причудливо переплелись, с одной стороны, образ прогрессивного исторического деятеля, а с другой — образ, основанный на эпических традициях народа.

Об отдельных событиях той же эпохи рассказывает и «Песнь хана Шигалея о его визирях» («Шигали ханның везирләре хакында чыгарган йыруы»). Этот баит тоже входит в публикацию Н. Ф. Катанова.

Выразительную характеристику Шах-Али дает путешественник XVII века Адам Олеарий: «С виду это был безобразный мужчина, с длинными отвислыми ушами, большим черным лицом, толстый, с короткими ногами и длинными искривленными ступнями. Вот этому человеку они (казанские татары. — Ф. У.) должны были быть покорны и платить пошлину. Казанским татарам такая вещь была весьма досадна»³⁴. Шах-Али трижды захватывал казанский престол и столько же раз свергался. Ибо был «ненавистен своему народу»³⁵. Этого правителя предавали все его приближенные, о чем повествуется в баите. Как историческая личность, Шах-Али не мог рассчитывать на популярность в народе. По-видимому, это небольшое произведение, не отличающееся большими поэтическими достоинствами, является плодом импровизации либо само-го Шах-Али, либо кого-то из его приближенных.

Еще одним баитом исторического содержания, связанным с событиями того же периода, является «Песнь хана Мухаммед-Амина о Тамерлане» («Мөхәммәт-Әмин ханның Аксак Тимер хакында чыгарган йыруы»). Впервые он был опубликован в работе М. З. Хусайнова «История Булгарии», заимствовавшим его из книги Мухаммед-Амина «Нака-

³¹ «История Татарской АССР», стр. 69.

³² «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 183.

³³ В. М. Жирмунский писал, что многие герои казахского эпоса называются ногайцами: «К ногайцам эпос причисляет даже каракыпчака Қобланды, по своему происхождению, вероятно, восходящего к доногайскому времени, и Шора-батыра Нарыкова, который из русских летописей известен как казанский татарин» (В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 515).

³⁴ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 370.

³⁵ «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 161.

зание» («Тыйкаб») ³⁶. По этому поводу Али Рахим и Г. Газиз пишут, что остается невыясненным, являлся ли Мухаммед-Амин поэтом и им ли написана поэма «Наказание». Видимо, Мухаммед-Амин все же действительно был поэтом. В «Истории Татарской АССР» он приводится в числе известных поэтов конца XV—начала XVI века ³⁷.

Мухаммед-Амин правил в Казани. А баит повествует о нападении Тамерлана на Волжскую Булгарию. Какое имело это отношение к Казанскому ханству, бывшему в период правления Мухаммеда самостоятельным государством?

Историки считают, что в фольклорных произведениях образ Тамерлана смешивается с образом другого завоевателя, Булат-Тимура, разрушившего в 1361 году город Булгар ³⁸. Правление этого бездарного человека привело к резкому ухудшению экономического и политического положения Булгarii ³⁹. Видимо, этим объясняется то, что имя Булат-Тимура позже было заменено именем жестокого завоевателя Тамерлана. Этому могло способствовать и то, что в конце XIV века, как уже отмечалось выше, болгарские земли были захвачены этим правителем. Согласно мнению некоторых историков, Тамерлан захватил и город Булгар. Если исходить из всего сказанного, то прототипом героя баита Аксак Тимера является Тамерлан.

В отличие от «Баита Казани» данный баит посвящен только захвату города Булгар Тамерланом, который гневно осуждается и проклиняется в этом произведении.

К числу первых дошедших до нас баитов относится также один из интереснейших образцов этого жанра — «Баит Ханэкэ-султан» («Ханэкэ-солтан баете») ⁴⁰.

У Али Рахима и Г. Газиза баит опубликован под названием *илаһи йыру* 'божественная песнь'. Слово *илаһи* имеет значение «несравненный», «божественный», «святой». А слово *йыру*, может, правильнее было бы орфографировать *джыру* — именно так в прошлом именовались старинные протяжные песни — (дастаны?).

Героиней этого произведения является девушка по имени Ханэкэ-султан. Любопытна вторая часть имени героини — «султан». Прибавление к женскому имени определений «султан», «хан», иногда даже «ага», которые позже в XVIII—XIX веках употреблялись только с мужскими именами, в свое время означало принадлежность к правящему роду. Жену казанского хана Халила звали Нурсултан. Жену Адик-султана, позже — Касим-хана, звали Султан-Нигар-ханым ⁴¹. Мать касимовского царя XVII века Сеид-Бургана звалась Фатима-султан-бикем ⁴². Подобные имена встречаются не только в баитах, но и в некоторых других жанрах народного творчества. Одна из героинь, например, сказки «Рабцарь» носит имя Гузель-хан, букв. 'прекрасный хан' ⁴³.

Прибавление к именам женщин, принадлежащих к правящему роду, различных титулов было распространено в то время на всем Востоке. На это указал Б. А. Каррыев: «Семейно-брачные связи правителей Южного Азербайджана в рассматриваемый период (XVI—XVII вв. —

³⁶ М. З. Хәсәенов. Тәварихы Болгария. Казан, 1883, стр. 60.

³⁷ «История Татарской АССР», стр. 97.

³⁸ «Материалы по истории Татарии». Казань, 1948, стр. 213.

³⁹ «История Татарской АССР», стр. 66.

⁴⁰ Гали Рахим, Г. Газиз. Татар әдәбияты тарихы, стр. 144—145; «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 353—354.

⁴¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть 2, СПб., 1863, стр. 193.

⁴² Там же, стр. 191—192, 461—502.

⁴³ «Татар халык әкиятләре». 2 китап. Казан, 1956, стр. 89—98.

Ф. У.) были очень сложными. Например, Узун-Хасан был женат на дочери трапезундского императора Карла (Иоанна Комнина) — Катерине (Деспина-хатун). От нее у Узун-Хасана была дочь, имевшая много имен: мусульманское — Халима, христианское — Марта и среди прочих — Баки-ага и Алем-шах-бегум... Приведенный исторический факт свидетельствует о существовании в прошлом традиции присоединять к именам не только мужским, но и женским слово „ага” — „господин”, что практикуется у туркмен и в наши дни»⁴⁴.

Баит рассказывает о знатной девушке-пленнице, захваченной врагами:

*Госман бер хафиз кызы идем,
Ханэкэ-солтан атлы идем;
Ефэк тэ тотмас наз идем,
Тезген тотып барамын*⁴⁵.

‘Была дочерью хафиза Усмана,
Звали меня Ханэкэ-султан;
Была нежной — не брала в руки шелк,
Иду — в руках повод коня’.

Очевидно, баит возник в XV—XVI веках, в период жестоких феодальных междоусобиц, когда увод пленниц из родных мест был обычным явлением. Обычай прибавлять к женскому имени титул, зафиксированный уже в сказаниях об Огуз-кагане (его мать, например, именуется Ай-каган⁴⁶), стал в XV—XVI веках традицией, что указывает на возникновение баита именно в это время.

Внимательное изучение указанного баита позволяет установить прототип образа главной героини баита⁴⁷. В. М. Жирмунский писал: «Персидские исторические источники подтверждают факт захвата Идегеем одной из дочерей Тохтамыша, от которой он имел сына... В казахско-татарском переводе „История монголов” Рашид-ад-дина... сообщается и имя этой дочери Тохтамыша: в издании проф. И. Березина — Джаныкей (вероятно, неправильно прочитано вместо Ханькей). Тем самым имя это должно считать если не историческим, то во всяком случае засвидетельствованным в традиции, близкой к событиям конца XVI в.»⁴⁸.

Однако более широкий подход к данному вопросу показывает, что образ главной героини произведения, так же как и образ Чуры из «Баита Казани», основан не только и не столько на исторических прототипах, сколько на общих и распространенных эпических традициях тюркоязычных народов. Имя Каныкей (в казанско-татарском произношении — Ханэкэ) распространено в эпосе тюркоязычных народов. Жену Манаса, героя одноименного эпического произведения, тоже звали Каныкей. «В казахском эпосе имена Каныкей и Таныкей стали традиционными именами для дочерей вражеского (обычно калмыцкого) хана, которые становятся добычей казахского богатыря, героя сказания. В богатырской песне „Шора-батыр” так называются сестры калмыцкого хана Карамана; победив Карамана, Шора женится на Каныкей, а его друг Исимбай — на Таныкей. В песне „Кобланды-батыр” Каныкей и Таныкей — дочери калмыцкого хана Алшагира, которые попадают в плен Коблан-

⁴⁴ Б. А. Карриев. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968, стр. 14.

⁴⁵ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 353.

⁴⁶ Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 39.

⁴⁷ См. сообщения Ч. Ч. Валиханова о дочери Тохтамыша — Ханекей (Каныкей) или Канке (Ханыкей?). — «Сочинения Ч. Ч. Валиханова», СПб., 1904, стр. 223—273.

⁴⁸ См.: «Библиотека восточных историков», изданная И. Березиным. Т. II, ч. I. — Сборник летописей (татарский текст с русским предисловием). Казань, 1854, стр. 158 (примечание В. М. Жирмунского в его кн. «Тюркский героический эпос», стр. 75, 683).

ды и при дележе добычи достаются его соратнику, богатырю Караману»⁴⁹.

Таким образом, судьба героини «Баита Ханэкэ-султан» сходна с судьбой героинь — жен богатырей многих эпических сказаний тюркоязычных народов. Весьма важно отметить, что такие самостоятельные и ранние произведения, как «Баит Казани» (образ Чуры) и «Баит Ханэкэ-султан», указывают на связь самобытного лиро-эпического жанра татарского народного творчества уже в начальные периоды его развития с общими эпическими традициями фольклора тюркоязычных народов.

Насколько глубоко и многозначно содержание произведения, настолько же выразительна и его поэтическая форма. Из всех известных нам ранних произведений этого жанра данный баит, пожалуй, является наиболее высокохудожественным. Подобно многим другим, этот баит почти полностью построен на монологе героини. Она жалуется на свою трагическую судьбу, прощается с родными и близкими. После мотивированного вступления баит весьма эмоционально повествует о горькой судьбе плененной девушки. В произведении как бы слиты воедино горестные жалобы девушки и печальный рассказ о ее тяжелой участи. Начиная уже с первой строфы, противопоставление прежней жизни и нынешней судьбы ее проходит через весь баит. Выразительные художественные детали раскрывают резкую перемену в ее жизни:

*Госман бер хафиз кызы идем,
Ханэкэ-солтан атлы идем.
Сахтиян кимэс наз идем,
Чабата гапмай барамын*⁵⁰.

‘Была дочерью хафиза Усмана,
Звали меня Ханэкэ-султан,
Была такой нежной, что не носила сафьяновых сапожек,
Иду, не находя лаптей’.

Данное произведение свидетельствует об успешном развитии жанра в художественном отношении. Это — первый известный нам баит ярко выраженного лирического характера. Лирическое начало характерно и для более поздних произведений этого жанра, рассказывающих о тяжелой участи женщины.

«Баит Ханэкэ-султан» в художественном отношении достаточно сложен. В нем воплотились народно-эпические традиции (образ главной героини), острый драматизм, а также лиризм.

К этому же периоду относится еще одно весьма интересное и самобытное произведение. Оно стоит несколько особняком и построено на легендах. Это — широко распространенный и самый популярный баит «Сак—Сок»⁵¹. Предположительно он датируется XV—XVII веками. Чрезвычайно выразительный в поэтическом отношении, баит повествует о том, как двое детей за какую-то шалость в отсутствие отца были прокляты матерью, превратились в мифических птиц Сак и Сок и улетели. Отныне они были вынуждены жить порознь в дремучем лесу, пока над ними тяготеет материнское проклятие.

*Ишек алдында жиктем кара ат,
Энкэй каргагач яралды канат.
Агачка кунгач, язылды канат,
Икәүләп бергә очтык шул сәгатъ.*

⁴⁹ В. М. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 306.

⁵⁰ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 353.

⁵¹ Г. Тукай. Әсәрләр. Дурт томда. Т. 2, Казан, 1975, стр. 290—292; Х. Ярми. Бәетләр, стр. 49—52, 338—339.

'Во дворе запряг я черного коня,
 Как только прокляла мать, появились крылья.
 Когда сели на дерево, расправились крылья,
 Вдвоем вместе улетели в тот же час'.

Установить исторические источники и время создания этого произведения трудно. Можно лишь сделать некоторые предположения. «Сак — Сок» отличают оригинальность сюжета и наличие элементов мифологии. Пока еще не удалось установить, есть ли среди персонажей татарской мифологии птицы Сак и Сок. В байте имеются слова: *Әнкәй каргады Сак—Сок булсын дин* 'Мать прокляла нас, чтобы мы стали Сак и Сок'. Вероятно, существовало поверье, согласно которому проклятые матерью дети должны были превратиться в обреченных на вечное одиночество птиц. Возможно, миф об этом существовал независимо от байта.

Весьма интересным представляется вариант этого байта, опубликованный в разделе «Примечания» сборника Х. Х. Ярмухаметова⁵². Он близок по содержанию к народным сказкам и также повествует о том, как мать прокляла детей и они превратились в птиц. Возможно, в этом байте речь идет не о родной матери, а о мачехе, на что указывает следующая строфа:

*Бардык урманга, жыйдык карлыган,
 Без ятимнәрне әнкәй каргаган.*

'Пошли мы в лес, собирали смородину,
 Нас — сирот прокляла мать'.

Таким образом, содержание и идейная направленность байта близки к международному сказочному сюжету о мачехе и падчерице. Так, в сказке тайского племени шан «Любящая сестра верна клятве» рассказывается о том, как мачеха превратила сыновей короля в диких птиц, которые были вынуждены после этого жить в дремучем лесу⁵³.

Содержание рассматриваемого варианта байта позволяет предположить его большую по сравнению с другими образцами архаичность. На основе данного варианта можно сделать существенный вывод о том, что в период формирования жанра байты основывались на древних народно-поэтических традициях и вобрали в себя сказочно-мифологические мотивы.

Глубокий трагизм и лиризм, исключительно своеобразное, захватывающее слушателя содержание, удивительная выразительность формы, отточенность языка способствовали тому, что байт распространился в народе очень широко. Его и в наше время знают, любят и охотно исполняют народные сказители. Байт «Сак—Сок» с полным основанием может быть назван одним из шедевров татарского фольклора.

* * *

Изложенное выше достаточно убедительно свидетельствует о сравнительно раннем происхождении жанра байта, возникшего, скорее всего, в болгарский период истории татарского народа. Окончательное же формирование байтов как самостоятельного жанра относится, очевидно, к периоду Казанского ханства.

Можно говорить также и об известном развитии художественной формы жанра. Байт «История Казани» тяготеет к народному эпосу. В нем ведущее место занимает эпический стиль повествования. «Песнь хана Мухаммед-Амина» отличается эмоциональностью. Но это еще не лиризм в полном смысле слова. Для байта «Сак—Сок» характерен лиро-

⁵² Х. Ярми. Бәетләр, стр. 338—339.

⁵³ «Сказки народов Бирмы». М., 1976, стр. 534—540.

эпический стиль повествования. В баите «Баит Ханэкэ-султан», наряду с эпичностью, заметно тяготение к народной лирике.

Тематика упомянутых выше произведений отражает различные стороны жизни народа и главное место в них занимает повествование о важных исторических событиях.

Что касается композиции баитов, то она в известной степени традиционна, включает зачин, само повествование и концовку.

Таким образом, происхождение и формирование татарских народных баитов основано на традициях памятников древнетюркской и болгаро-татарской письменности и литературы, народно-героического эпоса, песенной поэзии народа и народных сказок. Последние, однако, играют важную роль лишь в период формирования жанра. Заметное взаимовлияние, взаимопроникновение литературы, народной лирики и баитов отмечается во все периоды развития жанра, начиная с эпохи его формирования и вплоть до середины XX века.

ОНОМАСТИКА

И. В. ДРОН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГАГАУЗСКОЙ ТОПОНИМИИ МОЛДАВСКОЙ ССР

В 32 селах на юге Молдавской ССР проживают представители тюркоязычного народа — гагаузы¹, история формирования которого до сих пор еще изучена недостаточно².

После переселения гагаузов из «узи санджак»³, то есть с территории, ныне принадлежащей Болгарии, в Южную Бессарабию и получения ими прав и привилегий иностранных колонистов⁴, они поселились, в основном, в бывших ногайских селениях в Буджаке — исторической области на юге Молдавии.

Большинство названий населенных пунктов на территории Молдавии, где в настоящее время проживает гагаузское население, по своему происхождению ногайские или молдавские⁵.

Гагаузами в Буджаке в XIX—начале XX века было создано всего лишь несколько топонимов. К ним относятся так называемые выселки (участки), являющиеся наиболее поздней формой поселений у гагаузов⁶: Александровка, Баурчи (Каушанского района), Дерменжи, Карабибер, Конгазчик Верхний, Конгазчик Нижний, Кырланнар (молд. Кырлэнень), Кышла близ с. Кириет-Лунга, хутор Прикошки близ Комрата.

Наиболее обширной является созданная в Буджаке гагаузами микротопонимия⁷, однако по настоящее время собрано и опубликовано всего лишь 136 гагаузских микротопонимов (включая и их варианты), из которых 81 (или 60%) относятся к территории Молдавской ССР⁸.

Гагаузская топонимия или топонимия гагаузского региона Молдавии до сих пор не стала предметом специального исследования.

Фрагментарные данные, затрагивающие (в научной интерпретации) вопросы происхождения отдельных названий гагаузских сел, встречаются лишь в работах Н. А. Баскакова и А. И. Еремия⁹.

Пока еще не выработана единая методика изучения топонимии гагаузов, хотя известно, что на территории Буджака (мы ограничиваемся топонимией и микротопонимией только перечисленных 32 населенных пунктов) с древнейших времен, кроме восточных романцев (молдаван), в разные периоды жили различные племена и народности — носители языков, относящихся к индоевропейским и азиатским.

Исследование микротопонимии указанного региона способствует более глубокому изучению истории гагаузов, а также тюркско-молдавских и восточнороманских языковых взаимосвязей.

В микротопонимии, как отмечает В. А. Никонов¹⁰, отразились многие явления, не оставившие следов в собственно топонимии. Так, только в микротопонимии прослеживаются названия ряда тюркских племен

и родовых групп. Ср. микротопонимы: Алякай маалеси (с. Етулия)¹¹, Базак (с. Кирсово), Бешюз (с. Казаклия), Жапар (п. Чимишлия), Жямбойлык (села Копкуй и Сарата-Ноуз), Йайман кулаа (с. Чишмикёй), Кыргыз маалеси (п. Чадыр-Лунга), Пытырак (п. Вулканешты), Тюркмен (с. Конгаз), Тюркмен мерасы (с. Бешалма), Шюльпень (с. Джолтай, п. Чадыр-Лунга), Шюльпеняска (г. Комрат), не имеющие объяснения в молдавском или гагаузском языках.

Исходными словами для образования приведенных микротопонимов, несомненно, послужили тюркские этнонимы: ногайские — *алакъай*, *бодыракъ*, *бозак*, *жапар*, *жямбойлык*, *йайман*, *туьркмен*; тюркско-буджакско-татарские — *бешюз/бешжуз*, *кыргыз*, *шюльпень*¹².

Изучение микротопонимов юга Молдавии позволит воссоздать миграцию отдельных тюркских племен и родовых групп, не отраженную в письменных источниках (см. *бозак*, *бодырак*, *жямбойлык* и др.), а в лингвистическом плане поможет выяснить, какая именно этническая группа была представлена на данной территории.

В качестве примера можно привести топоним Джолтай (гаг. Жалтай), микротопонимы Жапар и Пытырак, происходящие от ногайских этнонимов *бодыракъ*, *жапар*, *жагылтай*. Учитывая, что для акногайского диалекта ногайского языка специфическим является употребление звука *ж* в начальной позиции слова вместо *й* в караногайском, а для караногайского наличие звонкого *б* вместо *п* в начальной позиции слова¹³, можно заключить, что в п. Вулканешты, в с. Джолтае, в с. Конгаз, с. Бешалма и в п. Чимишлия (или рядом с этими селениями) до 1768—1774 годов, а, возможно, и до 1807 года¹⁴, проживали ногайцы — носители акногайского диалекта (в настоящее время акногайский диалект распространен среди кубанских и, думается, среди добруджских ногайцев), а в с. Чишмикёй (ср. Йайман кулаа) проживали ногайцы — носители караногайского диалекта (распространен среди ногайцев Дагестана и Ставропольского края).

Если этническая принадлежность таких родовых групп и объединений (названия их зарегистрированы в микротопонимии Буджака, а в более узком значении — в гагаузском регионе Молдавии) как: *алакъай*, *бешюз*, *бозак* (*базак*), *жапар*, *жямбойлык*, *йайман*, *пытырак* (*бодыракъ*), *туьркмен* и другие¹⁵, легко устанавливается, то для выяснения этнической принадлежности тюркского этнонима *шюльпень* (ср. и микротопоним Шюльпеняска) и некоторых других требуются усилия не одних только филологов и историков.

Этноним *жямбойлык* отмечен у добруджских ногайцев¹⁶ (судя по начальному *ж*, этот этноним также является акногайским), *бешюз* отмечен у узбеков-юзов, а этноним *кыргыз*, отсутствующий в составе названий у ногайцев, каракалпаков и казахов, известен у киргизов и алтайцев (ойротов)¹⁷.

Эти данные позволяют предположить наличие у (бывших) буджакских ногайцев и татар древних этногенетических связей не только с народами ногайско-кыпчакской (языковой) группы, но и с узбеками, киргизами и алтайцами. Этноним *шюльпень* (пока) не отмечен ни у одного из тюркских народов, однако как собственное имя (в различных фонетических вариантах) Шюльпень в прошлом достаточно часто встречался у кыпчакских и огузских народностей в составе топонимов и антропонимов. Ср. Чолпан, Чолпон-Ата (города на территории Кыргызской ССР), Чолпанова балка, правый приток р. Кальмиус, впадающий в Азовское море (вариант — Чолпанá)¹⁸, Чолпанул (село в уезде Нямц в Румынии, упоминаемое в источнике 1772 г.)¹⁹.

В одной из молдавских господарских грамот, датированной 1429

годом, встречается имя Шолпан, которое носил татарин, подаренный господарем госпоже Марена²⁰. В настоящее время имя Чолпан/Чулпан/Шолпан сохранилось у тюркских народов в качестве женского имени²¹.

Данное имя Шолпан (>Шюльпень) имеет параллели в названии боевого клича каракалпакского племени *муйтен — Акшолпан!* Этот боевой клич восходит к имени легендарной прародительницы муйтенов *Ак-Шолпан*²². Клич родов и племен, как справедливо указал Н. А. Баскаков, служит показателем древних родоплеменных связей между каракалпаками и кыпчаками²³.

Тюркские народности Буджака до 1807 года описываются в исторических источниках в основном под собирательным именем *татары* (буджакские, аккерманские или белгородские)²⁴.

В то же время для названия этих же тюркских народностей Буджака в трудах молдавских летописцев часто, наряду с этнонимом *татары*, используется аллоэтноним *бужежень* (буджакцы), который иногда противопоставляется этнонимам: *нохай* (ногайцы), *крымень* (крымские татары); иначе говоря, в этнографическом отношении турки-буджакцы выделялись современниками (в XVI—XVIII вв.) из остальной массы ногайцев и других тюркских народностей²⁵ [возможно, что *бужежень* (буджакцы) выделялись в самостоятельную ногайскую этническую группу; не исключено, что под этнонимом *бужежень* молдавское население понимало акногайцев, следы пребывания которых в Буджаке подтверждаются большим количеством топонимов, по сравнению с созданными *караногайцами*].

О тюркской этнической пестроте Буджака в прошлом свидетельствуют и следующие топонимы: Калмык Мурза, Карлыку, Китай, Комрат, Мангыт, Минжир, Нойман, Тогуз, Шамайлы, а также названия рьяда селений, в основе которых лежит этноним *кыпчак*, а именно: (Aju-schi) Кипчак, (Gasylu) Купчак²⁶, Купчак-Денизбай, Купчак-Тогуз²⁷, Татар-Баурчи, Татар-Кыпчак.

Изложенное свидетельствует о том, что тюркские народности в Буджаке до начала XIX века были представлены многочисленными этническими группами, отличавшимися одна от другой (в языковом и этнокультурном отношении), причем преобладали представители ногайцев и буджакских татар, языковая и этническая принадлежность которых отразилась и в топонимии края.

Только в микротопонимии гагаузского региона Молдавии сохранились такие названия, как: Күллүк (Кириет-Лунга), Күллүкләрдә үк (Бешалма), Күллүк мерасы (Бешалма), восходящие к единому апеллятиву *күллүк* ('бывшее) пепелище', 'место с золой'.

По местным преданиям на указанных местах в прошлом были «татарские села», здесь находили много золы, обломки глиняных тарелок, курительных трубок.

В микротопонимии гагаузов Молдавии зарегистрировано большое количество диалектных, архаичных лексем и слов, не отмеченных в словарях, таких как: тюркские (гагаузские) — *ашеку/ашишкы* 'нижний' (Карбалия, Конгаз), *бой* 'ряд' (Авдарма), *гөзлүк* 'трясина' (Комрат), *йем* 'курган' (Карбалия), *-лаан/-лйән* (Етулия) вместо *-ларын*, характерного для всех остальных говоров гагаузов, *музгалык* 'место с вязкой глиной' (Баурчи Чадыр-Лунгского района), *пунар* (Карбалия), *чешмә* (Етулия), *чөшмә* (Карбалия, Копчак), *чүшмә* (Чадыр-Лунга), *-шер* — аффикс, при помощи которого образуются разделительные числительные для основ на гласные (Конгазчик Нижний, Конгазчик Верхний; ср. микротопонимы: Икишер, Икишерлык) и др.; молдавско-

го происхождения *-бади* (в составе топонимов) — почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине (Карбалия), *ваалä* 'долина' (Котовское), *лак* 'озеро' (Баурчи Каушанского района, Карабибер), *одая* 'загон для скота за селом' (Баурчи Каушанского района); молдавское *одая*, в свою очередь, является заимствованием из турецкого языка, *рыпа/рупа* 'овраг' (Вулканешты, Комрат) и др.

Представляет интерес микротопоним Урекия Пэдурий²⁸ — курган, расположенный между гагаузскими селами Бешгёз (в этом селе нами записано название *Молдован мааляси* для одной части села, что свидетельствует о проживании молдаван в этом селе: однако данный факт требует более глубокого исследования процессов этнической ассимиляции в регионе), Джолтай, Кириет-Лунга и болгарским селом Твардица. Название Урекия Пэдурий по своему происхождению молдавское (букв. 'ухо леса') и указывает на то, что ранее в этой местности молдавское население было более многочисленным, о чем говорят и микротопонимы романского происхождения: Хыртоп (Бешгёз), Кручалар (<молд. *круче* 'крест'), Лунга (<молд. *лунга* 'длинная'), Подиш (<молд. *подиш* 'ровная возвышенность'), *Сэрэтура* (<молд. *сэрэтурэ* 'солончак'), отмеченные в окрестности с. Кириет-Лунга, в котором в настоящее время молдаване не живут (или были в прошлом ассимилированы гагаузами), о чем свидетельствует и ряд гагаузских антропонимов этого села молдавского происхождения: Бырладян, Влад, Гырли, Дан, Парпала (<молд. *парпалак*), Тодрика и др.²⁹

На территории гагаузского региона сохранились названия: Ялты́ (Бешгёз) — поле на юго-востоке, и Ялы́ (Етулия) — долина, расположенная между селами Етулия и Чишмикёй. Ялы́ восходит к крымско-татарскому или турецкому *ялы* 'берег', 'побережье' (поле и долина расположены вдоль берегов рек Лунга и Кагул), в свою очередь, заимствованному из греческого *ялос* 'берег моря'³⁰, тогда как Ялты́ восходит к гагаузскому *йалты* 'обрыв', исчезнувшему из центрального диалекта данного языка, но известному в вулканештском диалекте³¹.

При этимологизации микротопонимов гагаузского региона Молдавии (как тюркского, так и восточнороманского происхождения) следует обратить внимание и на так называемое внешнее сходство названия с каким-либо апеллятивом гагаузского или молдавского языка.

В «Гагаузско-русско-молдавском словаре»³² для ряда микротопонимов приведены в качестве исходных основ некоторые гагаузские или молдавские апеллятивы. Ср. Йайман кулаа ('Балка болтунов' <гаг. *йайман* 'баловник', 'шутник'), Казан кулаа ('Ведерное ушко' <гаг. *казан* 'ведро'), Каприца ('Козочка' <молд. *каприца* 'козочка'), Кырланнар ('Ягнята' <молд. *кырлан* 'ягненок'), Сатылык ('Предназначенный для продажи' <гаг. *сатылык*, с тем же значением). Однако это, на наш взгляд, не правомерно, так как для вышеуказанных микротопонимов основой послужили тюркско-ногайские этнонимы: *йайман*, *казан*; молдавские антропонимы: Каприца, Кырлан; тюркский антропоним Сатылык/Сатлык, ставший основой и для образования топонима Сатылык-Ажы (совр. Александровка).

Таким образом, при исследовании гагаузской топонимии необходимо использовать методы: сравнительно-исторический, структуральный, лингвогеографический, статистический и др. При этом определенная роль должна быть отведена изучению микротопонимов.

Другими важными вопросами гагаузской топонимии являются написание и транскрипция топонимов (в том числе и микротопонимов).

Гагаузская топонимика, как и вся ономастика, составляет (в общем) особый слой лексики языка — имена собственные. Написание то-

понимов гагаузских сел Молдавии до сих пор не унифицировано.

«Гагаузско-русско-молдавский словарь» (стр. 590—602) предлагает писать гагаузские названия в соответствии с орфографией гагаузского языка. Если название состоит из нескольких компонентов, то с прописной буквы обычно пишется только первое слово-компонент, при этом компоненты не разделяются дефисом (Ажынън пынары 'колодец паломника', Грѧница дереси 'пограничная река' и т. д.).

«Правила орфографии гагаузского языка»³³ предписывают то же самое, но только для некоторых географических названий, закрепленных на письме, например: Ак дениз ('Белое море'), Кара дениз ('Черное море'), Пойраз Полўсу ('Северный полюс'), Пойраз йылдызы ('Полярная звезда'), Саман йолу ('Млечный Путь'), Уўлен полўсу ('Южный полюс'), в то же время эти правила требуют разделять дефисом определяемое слово и следующее за ним однословное приложение, например: Тодур-пеливан, Подиш-Топчу, Москва-дерѧ и т. д.

В молдавской научно-популярной литературе часть гагаузских названий, относящихся к классу микропонимов, пишется с заглавной буквы (как определяемое слово, так и следующее за ним однословное приложение), например: Авдарма Дереси, Деря Пайлары, Ески Даалык, Инжя Кулак, Ташлы Йол и др.³⁴, в то же время все молдавские сложно-составные топонимы пишутся только через дефис³⁵.

Сложности имеются и в написании гагаузских названий типа: Баурчи, Бешгиоз, Гайдары, Казаклия, Копчак, Чишмикиой, которые гагаузами произносятся соответственно Баурчу, Бешгѧз, Гайдар, Казайаклы, Кыпчак, Чѧшмѧкўў, а также в написании молдавских топонимов тюркского происхождения типа Еникиой и Хаджикиой³⁶, произносимых молдаванами и гагаузами как Еникўй и Хажикўй (соответственно: Еникўй и Хажикўй).

Общей ошибкой при транскрибировании приведенных тюркских названий является передача гагаузского звука ѧ и молдавского сочетания *ѧo* (фонетически близкого к гагаузскому ѧ) посредством русского сочетания — *ио*: гаг. *Бешгѧз* (молд. Бешгѧоз), гаг. *Еникўй* (молд. Еникўй), гаг. *Хажикўй* (молд. Хажикўй) и т. д. по-русски транскрибируются как Бешгиоз, Еникиой, Хаджикиой, Чишмикиой и т. д. Таким образом, в русской транскрипции все эти названия искажаются и тем более топорформант *кўй* (<турец. *kўy* 'село', 'деревня'). Бешгѧз (Бешгѧоз) необходимо передавать по-русски согласно соответствующей инструкции³⁷: Бешгѧз. Что касается топонимов Еникиой, Хаджикиой, то их следует по-русски передавать соответственно: Еникўй, Хажикўй, Чишмикўй.

В настоящее время настала необходимость в выработке единой инструкции по передаче тюркских названий Молдавии на картах, в печати и т. д. на гагаузском и молдавском языках, а также единых правил передачи указанных названий на русском языке.

Не менее важным вопросом в изучении топонимии Буджака является определение даты основания гагаузских поселений.

В «Молдавской Советской Энциклопедии»³⁸ указано, что большинство гагаузских поселений было основано в первом — третьем десятилетиях XIX века. Однако изучение ряда исторических документов дает основание полагать, что бѧльшая часть поселений Буджака, где и в настоящее время проживают гагаузы, образовалась намного раньше. Так, например, на месте нынешнего г. Чадыр-Лунга, до переселения гагаузов в Буджак существовало «татарское» селение Аран-Юрдо³⁹, а еще ранее, то есть до 1541 года на месте указанного города было поселение под названием *Tigaspo*⁴⁰. Позднее топоним *Tigaspo* сохранился в названии части г. Чадыр-Лунга — Тирашполь⁴¹.

Город Комрат и с. Баурчи Чадыр-Лунгского района считаются основанными в конце XVIII—начале XIX века⁴², однако данные населенные пункты существовали задолго до 1770 года. Подтверждением этому служат молдавские фамилии — производные от топонима Комрат, и катойконимы *баурчиан*, известные молдаванам еще до 1772 г. (Ср. антропонимы: Василе Коморэцан, Григоре Коморэцан, Ифтиме Коморэцан, Прекоп Коморэцан, зарегистрированные в 1772—1774 годах среди скutelников⁴³ монастыря Молдовица в Кымпулунг-Сучавском уезде Молдавии и Тоадер баурчиан и Ионице баурчиан — жители с. Комэнешть Ковурлуйского уезда Молдавии)⁴⁴.

Для датировки основания поселений, существовавших на месте нынешних гагаузских сел Молдавии (в Буджаке), предстоит провести сложную и трудоемкую исследовательскую работу⁴⁵.

В заключение необходимо отметить, что изучение топонимии гагаузского региона Молдавии дает возможность не только полнее исследовать историю гагаузов (период стабилизации гагаузов в Буджаке), тюркско-молдавские взаимосвязи в данном регионе (как в прошлом, так и в настоящее время), но и позволит выработать ряд норм по орфографированию топонимов Молдавии тюркского происхождения.

¹ По данным Всесоюзной переписи 1979 г. на территории Молдавской ССР проживают 138000 гагаузов («Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года». М., 1980, стр. 25), то есть 80% от общего количества гагаузов СССР (все-го гагаузов в СССР — 173000).

Небольшими группами гагаузы проживают и на территории Болгарии и Румынии. Общее количество гагаузов в этих странах не превышает 5000 чел. (С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, стр. 255).

К числу гагаузских поселений Молдавии относятся: Авдарма, Александровка (молд.: Александрешть, Александрень), Баурчи Чадыр-Лунгского района (вар.: Баурчу, Бабурчу), Баурчи Каушанского района (вар.: Ени Баурчу, Ени Бабурчу), Бешалма, Бешгез (вар.: Купкуй), Буджак, Бурлачены (гагаузы, молдаване, украинцы), Вулканешты, Гайдар (вар.: Айдар, Хайдар), Дезгинжа (вар.: Дизгинжи), Дерменжи, Джолтай (гаг. Жалтай), Етулия (гаг. Түлүкүү, Утүлүкүү), Казаклия (гаг. Казайак, Казайаклы), Карабибер, Карбалия (вар.: Кырбаалы), Кириет-Лунга (вар.: Кырвет), Кирсово (гагаузы, болгары; вар.: Башкүү, Кирсова), Комрат, Конгаз, Конгазчик Верхний (гаг. Иукаркы Конгазчык, Икаркы Конгазчык), Конгазчик Нижний (гаг. Ашаакы Конгазчык, вар.: Кышла), Копчак (вар.: Кыпчак, устар. Татар-Кыпчак), Котовское (вар.: Кырланнар), Николаевка (гагаузы, молдаване; вар.: Кырымжи, Кырымжилар), Питешты (гагаузы, молдаване; вар.: Пителишоя), Томай, Чадыр-Лунга (вар.: Ени-Чадыр, Чадыр), Чалык (гагаузы, молдаване, болгары; вар.: Чалылык), Чишмикей (гаг. Чышмакүү), Чок-Майдан (вар.: Чок-Мейдан, Каарлык, Карлык).

² Современные научные данные позволяют предположить, что гагаузы являются потомками древних огузов и что в этногенезе гагаузов в той или иной степени принимали участие различные этнические группы, преимущественно тюркского происхождения. Историографию вопроса см. в работе: М. Н. Губогло. Этническая принадлежность гагаузов. Историография проблемы. — «Советская этнография», 1967, № 3, стр. 159—167.

³ До переселения в Южную Бессарабию гагаузы жили в северо-восточной части Балканского полуострова в области, называемой еще в XVII веке «узи санджак», то есть область узов (М. Губогло. Гагаузы. — «Наука и жизнь», 1969, № 10, стр. 103).

⁴ 29 декабря 1819 года Указом Правительствующего сената гагаузам были предоставлены права и привилегии иностранных колонистов («История Молдавии. Документы и материалы». Том II. Кишинев, 1957, стр. 542—546). Этим же Указом была утверждена Ведомость округам, учреждаемым в Бессарабской области для поселения болгар и других задунайских переселенцев.

⁵ А. Еремия. Нуме де локалитэць. Кишинэу, 1970, стр. 48—49; М. В. Маруневич. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980, стр. 16 и примечание 41 на стр. 158. Подробнее о происхождении названий современных гагаузских сел Молдавской ССР см.: И. В. Дрон. Названия гагаузских сел Молдавской ССР. — «Советская тюркология», 1982, № 4.

⁶ М. В. Маруневич. Указ. раб., стр. 36—38.

⁷ По определению Э. М. Мурзаева: «Микротопонимия — это совокупность геогра-

фических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами — выгонами, пожнями, угодьями, болотами, балками, урочищами, оврагами, курганами, колодцами, излучинами небольших рек и т. д. Неправильно в одном ряду перечисление: гидронимия, оронимия, микротопонимия. Последняя может включать имена самых разнообразных географических объектов, в том числе зимовье, одинокий охотничий домик, ручей и т. д.» (см.: Э. М. Мурзаев. Очерки топонимии. М., 1974, стр. 7—27).

⁸ Г. Гайдаржи. Топонимические названия гагаузов. — «Гагаузско-русско-молдавский словарь», М., 1973, стр. 590—602.

⁹ Н. А. Баскаков. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимике Южной Молдавии. — В кн.: «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964; А. Еремия. Указ. раб., стр. 47—49; его же. Граюл пэмынтулуй Жишинэу, 1981, стр. 45, 53, 60. М. Чакиром была в свое время предпринята недостаточно аргументированная попытка дать этимологию тюркских по происхождению топонимов Молдавии, в том числе и названий гагаузских сел (см.: Protoiereu M. Ciachir. Explicatia numirilor turco-latare ale oraşelor, cătunelor și fermelor din Moldova dintre Prut și Nistru și unele tradițiuni păstrate în legătură cu aceste numiri. — В журн. «Revista societății istorico-arheologice Bisericești din Chișinău», Chișinău, 1921, vol. XIII, стр. 49—55; 1922, vol. XIV, стр. 62—73; А. Еремия. Нуме де локалитэць, стр. 40—49).

¹⁰ В. А. Никонов. Научное значение микротопонимии. — В кн.: «Микротопонимия», М. 1967, стр. 6.

¹¹ Микротопонимы, собранные нами в 1979—1980 годах, даны в русской транслитерации и публикуются впервые.

¹² О наличии у ногайцев и других тюркских народов указанных этнонимов см.: «Грамматика ногайского языка». Часть I. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973, стр. 7; Enver Mamut. Nogaii dobrogeni și dialectul lor. — «Analele Universității București», seria științe sociale. Anul XIII, 1964, стр. 327; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, табл. 6; И. В. Дрон. Комрат — этнотопоним ногайского происхождения. — «Советская тюркология», 1981, № 1; У. Туйчиев. Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района. — В кн.: «Ономастика Средней Азии», выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 37, 42; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 132—140. Род *туьркмен* Н. А. Баскаковым отмечен у акногайцев. По поводу микротопонима *Кыргыз мааласы* необходимо отметить, что среди гагаузов сохранились предания о том, что в прошлом существовало село под названием *Кыргыз*.

¹³ «Грамматика ногайского языка», стр. 8—9.

¹⁴ Первое выселение татар и ногайцев из Буджака царским правительством было осуществлено в 1768—1774 годах во время русско-турецкой войны, театр действий которой находился на территории Молдавии, второе — окончательное — произошло в 1807 году. Ногайцы и татары были выселены в Крым, Приазовье и Ставрополье («История ГСС Молдовенешть», Кишинэу, 1967, стр. 403). Часть буджакских ногайцев переселилась в румынскую Добруджу.

¹⁵ Этноним *жямбойлык* было бы правильнее читать (на молдавском и гагаузском) со звука *ж* — *жямбойлык*; этот звук графически, но не фонетически соответствует *дж*.

Судя поначальному *й* этноним *йайман* в прошлом бытовал у караногайцев, ср. ногайский этноним *йайпар* и каракалпакский *жапар* [см.: Н. А. Баскаков. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями (на материале этнонимии ногайцев и каракалпаков). — В кн.: «Ономастика Средней Азии», выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 5]. Ногайский этноним *йайман* совпадает (по фонетической и грамматической структуре) с казахским и каракалпакским этнонимами *жаман* (см.: Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 94; Т. А. Жданко. Указ. раб., табл. 6). К ряду этномикротопонимов необходимо отнести: *Бурлак* (название пастбища, расположенного возле с. Чышмикей), *Бурлак чукуру* (название оврага, расположенного в окрестностях г. Чадыр-Лунга). Данные (гагаузские) микротопонимы, по нашему мнению, восходят к ногайскому племенному названию *бурлак*. Ногайское племя *бурлак* еще до 1711 года кочевало в Северном Причерноморье (см.: Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 81).

¹⁶ Enver Mamut. Указ. раб., стр. 327.

¹⁷ У. Туйчиев. Указ. раб., стр. 37, 42; Н. А. Баскаков. Микроэтнонимы и проблемы... стр. 7. Предварительное отнесение этнотопонимов *Бешию* и *Кыргыз* к разряду буджакско-ногайских объясняется и тем, что ногайский и киргизский языки, а также некоторые кыпчакские диалекты алтайского и узбекского языков вместе с каракалпакским, казахским, караимским, крымско-татарским, татарским, башкирским и кумыкским языками составляют так называемый кыпчакский лингвистический ареал (см. Н. А. Баскаков. Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 4).

¹⁸ «Словник гідронімів України». Київ, 1979, стр. 610.

¹⁹ «Молдова ын эпока феодализмулуй». Волумул VII. Партя I. Реченсминтеле популацией Молдовой дин аний 1772—1773 ши 1774. Кишинэу, 1975, стр. 44. В настоящее время среди молдаван также распространен антропоним Чолпан, который, как думается, является куманским заимствованием, вошедшим в молдавский язык в результате ассимиляции куманов (подробнее об этом см.: И. В. Дрон. К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей. — В сб. «Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван», Кишинев. Находится в печати в издательстве «Штинца»).

²⁰ «Documenta Romaniae Historica. A. Moldova». București, volumul I, 1975, стр. 124.

²¹ А. Г. Гафуров. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971, стр. 147.

²² Л. С. Толстова. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа. — В кн.: «Этническая история и фольклор», М., 1977, стр. 145, 163.

²³ Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — В кн.: «Труды Института языкознания АН СССР», I, М., 1952, стр. 7.

²⁴ Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 25; П. Ф. Параска. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981, стр. 25. Восточнороманское население под древним названием *валах*, *улак* было известно тюркам-кыпчакам, начиная примерно с 839 года [O mențiune inedită despre români din secolul al IX-lea în *Oguzname* — cea mai veche cronică turcă de Mehmet Ali Ekrem. — В журн.: «Studii și cercetări de istorie veche și arheologie», București, 1980, № 2 (Tomul 31), стр. 292].

²⁵ Григоре Уреке. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971, стр. 200; Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон Водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972, стр. 174, 246; Ион Некулче. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969, стр. 178, 323; И. В. Дрон. Комрат., стр. 58—59. Взаимоотношения между восточнороманским населением (молдаванами) и тюрками Буджака на определенных этапах развития носили мирный характер. В молдавском фольклоре имеются данные о торговых сношениях между молдаванами и ногайцами Буджака («Фольклор дин перциле кодрилор», Кишинэу, 1973, стр. 164). Благодаря мирным договорам молдавские господа разрешали ногайцам и татарам селиться в молдавских селах Буджака; иногда буджакским ногайцам и татарам позволялось (например, в 1595 г.) только зимовать в молдавских селах Буджака, перечень которых определялся господарской грамотой (Miron Costin. Opere. I. București, 1965, стр. 9, 189).

²⁶ Название (Gasülü) Купчак имеет смысловое значение «настоящий кыпчак», то есть кыпчак, не имеющий других этнических примесей в своем этногенезе. В прошлом, до переселения в Южную Бессарабию, у гагаузов также была известна этническая группа *хасыл-гагауз* «настоящие гагаузы», чистые в этническом отношении (В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Кишинев, 1979, стр. 194—196).

²⁷ Топонимы выписаны с карты Ф. Г. Бауэра: F. G. Bawer. Carte de la Moldavie pour servir à l'histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs. Amsterdam, 1783.

²⁸ Микропоним выписан с топографической карты Молдавии, составленной по материалам съемок 1948, 1957 гг. и обновленной в 1975 г. Карта издана Киевским управлением картографии.

²⁹ Некоторые фамилии или прозвища гагаузов восточнороманского происхождения могли быть заимствованы ими в первые годы XIX века, когда основная масса гагаузов переселилась в Южную Бессарабию на помещичьи земли и некоторое время прожила среди молдавского населения, то есть до перехода на казенные земли в Буджаке (М. В. Маруневич. Указ. раб., стр. 16—17; «История Молдавии. Документы и материалы», том II, стр. 377, 426, 543). Однако вопрос этимологии гагаузских фамилий и прозвищ восточнороманского происхождения ждет еще своего решения.

Некоторые топонимические термины, а также антропонимы могли быть заимствованы гагаузами у восточных романцев еще в пору обитания предков бессарабских гагаузов в районах южнее Бессарабии — Добрудже, Валахии или Северо-Восточной Болгарии. (Подробнее о гагаузско-восточнороманском взаимовлиянии в области лексики см.: Р. Я. Удлер. Современное состояние островных говоров молдавских поселений в СССР. — В кн.: В. Ф. Шишмарев. Научное наследие. Романские поселения на юге России. Л., 1975, стр. 177—178).

³⁰ С. К. Темир. Народное толкование топонимов (южные районы Донецкой области УССР). — В кн.: «Культурно-бытовые процессы на юге Украины», М., 1979, стр. 187.

³¹ Слово *йалгы* 'обрыв', 'обрыв реки' нами записано у гагаузов — старожилов п. Вулканешты и с. Николаевка.

³² «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 599—600.

³³ «Правила орфографии гагаузского языка». Составитель Д. Н. Танасоглу. Кишинев, 1958, стр. 30, 36—37.

³⁴ А. И. Еремия. Граюл пэмынтулуй., стр. 45, 53, 60.

³⁵ «Молдавская ССР. Административно-территориальное деление». Кишинев, 1978.

³⁶ Названия Бешгёз, Еникёй, Қазаякля, Хаджикёй и Чишмикёй в своей основе

являются двухкомпонентными топонимами (или восходят к тюркским этнонимам). Бешгёз (<беш 'пять'+гёз 'глаз', 'источник'), Еникёй (<ени 'новый'+кёй 'село'), Казаякля (ср. ног. этноним *казаяклы*), Хаджикёй (<Хажы — имя собственное+кёй 'село'). Чишимкёй (<чишмә 'источник'+кёй 'село'). Следует заметить также, что не решен вопрос и о слитном или дефисном написании гагаузских топонимов. Ср. Беш-гёз, Кара-аач, Кириет-Лунга, Чадыр-Лунга, Чок-Мейдан, но Башкүү, Беймаалә, Бешалма, Долукүү, Караган, Каракурт, Копкуй, Татарлунар, Ташпунар, Утүлүкүү, Хасанбатыр, Шкирликитай и другие (примеры взяты из «Гагаузско-русско-молдавского словаря», стр. 592—597).

В отношении русской транскрипции названия *Гайдар* > *Гайдары*, следует сказать, что на территории Молдавии вследствие экспансии продуктивной у восточных славян ойконимической модели *pluralia tantum* параллельно с молдавскими, гагаузскими и болгарскими названиями сел: Бурлаку, Гайдар, Кетроаса, Котихана, Троян и другими русскоязычным населением стали употребляться русские (и украинские) формы (в разговорной речи и на некоторых дорожных указателях): Бурлаки, Гайдары, Кетросы, Котиганы, Трояны и другие, однако эти формы для молдавского, гагаузского и болгарского языков являются чуждыми и поэтому развития не получили.

³⁷ «Инструкция по русской передаче географических названий Молдавской ССР». М., 1971, § 10. Данная инструкция, однако, имеет ряд неточных формулировок, во многом устарела и требует дополнительной научной переработки.

³⁸ «Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ». Вольумеле I—VII. Кишинэу, 1970—1977. Далее — ЕСМ (время основания поселений см. по алфавиту).

³⁹ «Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 г.». Аккерман, 1899, стр. 442.

⁴⁰ ЕСМ, вольмул VII, паж. 291. *Tiraspo* впервые указано на одной из карт советника венгерского короля Фердинанда-Георгия Райхерсдорфа, изданной под названием: «*Moldaviae que olim Dacie pars chorographiae*» («Хорография Молдавии и части Дакии») в Вене в 1541 г. (И. А. Крупеников. История географической мысли Молдавии. Кишинев, 1974, стр. 17, 21).

⁴¹ «Молдавская ССР. Административно-территориальное деление», стр. 284.

⁴² ЕСМ, вольмул III, стр. 362.

⁴³ Скutelники — категория людей в феодальной Молдавии, освобожденных от уплаты ряда налогов.

⁴⁴ «Молдова ын эпока феудализмулуй». Вольмул VII. Реченсэминтеле популацией Молдовой дин аний 1772—1773 ши 1774. Кишинэу, 1975. Партя I, стр. 260; Партя II, стр. 96. Комрат и Баурчи отмечены и на упомянутой карте Ф. Г. Бауэра, составленной в 1769—1770 гг.

В молдавском языке словами *коморэцан* и *баурчиан* обозначают жителей населенных пунктов: Баурчи (Каушанского района), Баурчи (Чадыр-Лунгского района), Баурчи-Молдовень (Кагульского района) и Комрат, независимо от их национальной принадлежности.

⁴⁵ Известно, что в центральной и южной части Днестровско-Прутского междуречья еще в X—XII веках существовали поселения, остатки материальной культуры обитателей которых носят следы тюркского влияния. Здесь обнаружены погребения с останками животных в погребальных ямах, различные бляшки-накладки, характерные для поясного набора и одежды, литые луговицы, бронзовые ливровидные или зооморфные пряжки, стремена и пряжки от конской сбруи, глиняные котлы и некоторая другая посуда. (Все это найдено во время археологических раскопок в могильниках близ современных селений: Лукашовка, Ханск, Молешты, Логанешты и Лимбарь).

Недалеко от селения Етулия — VI (могильники датируются VIII—X вв.) найдена глазурованная посуда салтовского типа, встречаемая в нижнем Подунавье в пределах ареала балкано-дунайской культуры и культуры протоболгар — тюрков (20% от общего количества раскопанной керамики).

Молдавский археолог Г. Ф. Чеботаренко связывает некоторые топонимы и гидронимы, а также курганные погребения у с. Топал Чимшилийского района и у с. Балабан Тараклийского района Молд. ССР с господством половцев в Днестровско-Прутском междуречье в X—XII веках и с созданием Западного половецкого союза в 70-х годах XII века (см.: Г. Ф. Чеботаренко. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X—XII вв. Кишинев, 1982, стр. 8, 10, 15, 56).

Гагаузское село Дизгинжи, по сообщениям старожилов, в прошлом называлось еще и Дизлуй/Дизглуй/Дизхлуй — это слово по своей структуре напоминает древние половецкие названия, отмеченные на территории Средневековой Молдавии: Теслуй, Бахлуй, Ковурлуй и т. п., оформленные при помощи древнетюркского аффикса *-лу/-луй*.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, С. С. ХАРЬКОВА

О НЕКОТОРЫХ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РОДСТВА ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Без каких-либо преувеличений можно утверждать, что в настоящее время тюркологи по своему отношению к идее родства тюркских и монгольских языков делятся на две группы: первую из них составляют ревностные сторонники, вторую — скептики.

Сторонники идеи родства тюркских и монгольских языков в основном опираются на труды Г. И. Рамштедта, Н. Н. Поппе, на исследования ностратиков и некоторых современных алтаистов. Скептики же апеллируют к наличию противоречий и неувязок в работах алтаистов. В целом, исследование проблемы родства тюркских и монгольских языков продвигается довольно медленно.

Гипотеза о родстве тюркских и монгольских языков может быть принята или отвергнута лишь на основании соответствующих достоверных данных и разработок.

Остановимся сперва на доводах в пользу монгольских заимствований в тюркских языках.

1. Большая степень сохранности сходнозвучающих тюркских и монгольских слов. Если языки, составляющие группу родственных языков, действительно восходят к одному источнику, то есть праязыку, то материально-родственные слова этих языков не могут находиться на одном и том же уровне сохранности. Эти слова всегда обнаруживают контрастность, порою столь значительную, что сравниваемые слова вообще кажутся неродственными: ср. венг. víz 'вода' и коми-зыр. ва; венг. fog 'зуб' и мар. пүй; манс. tengэг 'мышь', коми-зыр. шыр, фин. hiiri; як. абыс 'восемь', тур. sekiz; венг. fő 'голова', эрзя-морд. ne; як. сый 'сало', азерб. jaf; хант. ieңк 'лед', эрзя-морд. ej; нем. Schatz 'сокровище', русск. скот; русск. зуб, др.-греч. (гом.) ὑρίφος, лит. žambas; фин. setä 'дядя', коми-зыр. чож; тат. аяк 'нога', чув. ура; тур. uzup 'длинный', чув. вярәм и т. д.

Примечательно, что все тюрко-монгольские параллели находятся почти на едином уровне сохранности. Они настолько близки, что носитель тюркского языка без особого труда и не прибегая к специальным этимологическим исследованиям, может сказать, что данное монгольское слово действительно внешне похоже на соответствующее по значению и знакомое ему тюркское, в чем легко можно убедиться при сопоставлении многих тюрко-монгольских созвучий.

Монг. айл 'группа юрт', тат. авыл 'деревня', каз. ауыл 'аул'; монг. алтан 'золото', тат. алтын, каз. алтын;
монг. балт 'топор', тат. балта, башк. балта, каз. балта;
монг. бах 'лягушка', тат. бака, каз. бақа;

- монг. билүү 'брусок', тат. бүләү, хак. пилөө, кум. билёв;
 монг. бог 'сор', 'мусор', тат. боқ, каз. боқ 'кал', 'дерьмо';
 монг. булаг 'родник', тат. болак; ног. болак;
 монг. жил 'год', каз. жыл, кирг. жыл, тат. ел (йыл);
 монг. жимс 'плоды', тат. жимеш 'плод', 'овощ', каз. жемис 'фрукт',
 'плод';
 монг. магта- 'хвалить', тат. макта-, каз. мақта-, кум. макъта-;
 монг. орон 'место', 'страна', тат. урын, башк. урын, каз. орын, кирг.
 орун 'место', 'местность';
 монг. сахи- 'охранять', каз. сақа-, тат. сакла-, кум. сакъла-;
 монг. солгой 'левый (о руке)', чув. сулахай 'левый; левша', тат. сул,
 азерб. сол, каз. сол, кум. сол 'левый';
 монг. сохор 'слепой', каз. соқыр, тат. суқыр, кум. сокъур;
 монг. таяг 'трость', тат. таяк 'палка', каз. таяқ, кум. таякъ;
 монг. темөр 'железо', тат. темир, каз. темир, тур. demir, азерб. дэ-
 мир, кум. темир;
 монг. тэнгэс 'море', тат. диңез, каз. теңиз, тур. deniz, азерб. дэниз,
 кум. денгиз;
 монг. тэх 'дикий горный козел', тат. тэкэ 'козел', каз. теке, кум. теке;
 монг. сал 'плот', калм. сал, тат. сал, каз. сал;
 монг. тал 'поле', 'степь', калм. тала, тат. дала 'степь', кум. тала
 'поляна';
 монг. туг 'знамя', калм. туг, кум. тув;
 монг. мал 'скот', 'животное', калм. мал, тат. мал, каз. мал, кум. мал
 'скот, имущество';
 монг. бал 'мед', калм. бал (балъ), тат. бал, каз. бал, кум. бал;
 монг. тара- 'расходиться', калм. тара- (тарахъ), каз. тара-, тат.
 тарал-;
 монг. хөх 'синий', 'голубой', калм. көк (көке), каз. көк, тат. күк,
 тур. gök и т. д.;
 монг. тах 'подкова', калм. тах (тахъ), каз. таға; тат. даға;
 монг. тогто- 'останавливаться', калм. тогт- (тогтъ-), тат. тукта-,
 калм. токъта-;
 монг. сийрэг 'редкий', тат. сирэк, каз. сирек, кум. сийрек;
 монг. хавх (ан) 'капкан', калм. хавх (хавхъ), кирг., ног. капкан,
 тат. капкын;
 монг. харцгай 'ястреб', калм. харцх (харцъхъ), тат. карчыга, каз.
 каршыга;
 монг. тани- 'узнавать', калм. тань- (таньхъ), каз. тан-, тат. таң-,
 кум. таны-;
 монг. алаг 'пестрый', калм. алъг, тат. ала, каз. ала, кум. ала;
 монг. хавирга(н) 'ребро', тат. кабырга, каз. қабырга, кум. къа-
 бургъа;
 монг. хайч(ин) 'ножницы', тат. кайчы, каз. қайшы, кум. къайчы;
 монг. хар 'черный', тат. қара, башк. кара, каз. қара, тур. кара, азерб.
 гара;
 монг. хара- 'видеть', тат. қара- 'смотреть', каз. қара-;
 монг. хашгара- 'кричать', тат. қычкыр-, кум. къычыр-.

Приведенное выше очень напоминает заимствование русскими слов из западноевропейских языков. Немец легко постигает значения таких слов русского языка, как «бухгалтер», «бруствер», «вальдшнеп», «зуммер», «шницель», «парикмахер» и т. д. То же самое можно сказать о французе в отношении слов «тротуар», «туалет», «абажур», «парашют» и т. д.

Существует определенная зависимость между временем существо-

вания языка и мерой изношенности его слов и форм. Чем меньше это время, тем меньшую степень изношенности обнаруживают слова и формы. Необычайная сохранность и незначительная контрастность слов в тюрко-монгольских лексических параллелях свидетельствует лишь о том, что тюркские слова были просто заимствованы монгольскими языками, причем в относительно не столь уж далекую от нас эпоху, скажем, не более двух тысяч лет назад.

Вместе с тем, тюркские и монгольские языки необычайно контрастны. Для демонстрации этого факта приведем два небольших отрывка из книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» в переводе на узбекский и монгольский языки.

УЗБЕКСКИЙ ПЕРЕВОД

Юлдузлар ҳали чарақлаб турар, кирчиллама совуқ; лекин шарқдан осмон ёришиб келмоқда. Дарахтлар қўронғилидан аста-секин чиқа бошлади. Бирдан совуқ шамол кўзғалиб, дарахтлар бошини силкита кетди. Урмонга дарҳол жон кириб, шовур-шовур ва ғачир-ғучирга тушди.

МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРЕВОД

Одон мичид омгорхог хүйтэн гялалзан байгаа ч огторгуйн дорно хаянд хэдийн гэгээ гараад ой шугуй. Сурт тэр моддын орой дээгүүр цэвэр салхи улээн өнгөрөхөд шөнийн гүй нойроос сэргэсэн ой тайга сүр жавхлантайа шуугиж эхлэв.

РУССКИЙ ТЕКСТ

‘Звезды еще сверкали остро и холодно, но небо на востоке уже стало светлеть. Деревья понемногу выступали из тьмы. Вдруг по вершинам их пронесся сильный и свежий ветер. Лес сразу ожил, зашумел полнозвучно и звонко’.

Если пользоваться материалами алтаистов, то сравнение рефлексов гласных протоалтайского языка в тюркских и монгольских языках указывает на их крайне незначительную изменчивость. Алтайским *a* и *ā* в туркменском и якутском соответствует *a* и *ā*, алтайским *o* и *ō* в туркменском соответствует *o* и *ō*, в якутском *ō* превращается в дифтонг *yo*, алтайским *y* и *ÿ* в туркменском и якутском соответствуют *y* и *ÿ*, алтайскому *e* в азербайджанском, туркменском и якутском соответствует *ä*, алтайским *ē*, *e* соответствует в туркменском *ä*; *u*, в якутском в обоих случаях *uä*, в азербайджанском *ä*, *e*; алтайским *ö* и *ō*: соответствуют в якутском *ō* и *ÿō*, а в туркменском *ō* и *ō*: Алтайские *ÿ*, *ÿ*: отражаются в якутском в виде *ÿ*, *ÿ*:*u*, а в туркменском в виде *ÿ* и *ÿ*:. Не обнаруживают каких-либо особых изменений в тюркских языках также алтайские *y*, *ÿ* и *u*, *ü*. В прамонгольском все алтайские гласные сохранились без особых изменений.

Не обнаруживают какой-либо особой контрастности также рефлексy алтайских согласных в тюркских и монгольских языках. Многое здесь сохраняется без изменения.

Причина всего этого заключается в том, что при установлении первоначального алтайского вокализма и консонантизма ошибочно использовались тюркские лексические заимствования в монгольских языках, не обнаруживающие какой-либо особой контрастности.

2. **Невозможность установления на монгольском материале архетипов слов, которые совпадали бы с тюркскими архетипами.**

Простое сопоставление ряда материально близких слов или форм

само по себе еще ничего не дает, так как нет самого образца для сравнения, или наиболее древней формы. Только сопоставление древней формы с современными позволяет выявить направление развития того или иного слова, или той или иной формы.

Обращение к монгольскому материалу чревато огромными трудностями, ибо он обычно не помогает установлению архетипа. Если скудные монгольские данные все же позволяют выявить такой архетип, то он не бывает аналогичен архетипу, установленному с использованием данных только тюркских языков.

Архетип **təmir* 'железо' невозможно восстановить с помощью далекого от него монгольского *təmer* 'железо' или калмыцкого *təmr* (*təmer*). Необходимо для этого привлечь данные азербайджанского языка — *dəmir* или татарского — *тимер* (*тимэр*). Монгольское слово *эр* и бурятское *эрэ* 'человек' не могут быть использованы для установления архетипа этих слов, тогда как азербайджанское *эр* и татарское *ир* позволяют сделать это.

Монг. *тэн(г)* 'равный', калм. *тең* не позволяют восстановить архетип слова — *тəң*, тогда как тюркских данных (азерб. *тəн*, уйг. *тəң*) оказывается для этого вполне достаточно. Монг. *цөл* 'пустыня', калм. *цөл* далеки от архетипа, звучавшего как *чөл*; монг. *хар* 'черный' и калм. *хар* (*харь*) 'черный' позволяют реконструировать в лучшем случае архетип *харь*, который далек от архетипа *çara*, реконструируемого с помощью данных тюркских языков. Калм. *чичр-* (*чичер-*) и монг. *чичрэ-* 'дрожать' не дают возможности восстановить то, что предшествовало здесь аффрикате *ч*. В тюркских языках обнаруживается *т*, ср. каз. *titiре-* 'дрожать', азерб. *титра-*, тур. *titre-* и т. д. Монг. *цэцэг* 'цветок', калм. *цецг* (*цэцег*) 'цветок' опять-таки не позволяют восстановить даже приблизительно подлинный архетип, звучавший как **çäçäk*. Монг. *худг* 'колодец' и калм. *худг* (*худгг*) позволяют сконструировать архетип **худгг*, но он совершенно не похож на тюркский архетип *quduq*. На основе монг. *зад-развязываться*, 'распускаться' и калм. *зад-р-* (*задъ-ръ-*) 'развязываться', 'раскрываться' восстанавливается архетип корня *зад*, не совпадающий с тюркским архетипом этого же корня *jad-*.

Монгольские архетипы не дают никаких дополнительных данных для уточнения тюркских архетипов, тогда как родственные слова в индоевропейских языках позволяют сделать это. Греческое гомеровское *gompfos* 'колышек' помогает установить архетип русского слова «зуб». Этот архетип звучал как **gombhos*.

Сказанное лишний раз подтверждает, что в данном случае имеют место заимствования, а не слова, ведущие свое происхождение от общего для них древнего алтайского архетипа.

3. Суффиксы, засвидетельствованные в тюрко-монгольских параллелях, не отражают системы суффиксов монгольских языков. Другим примечательным фактом, свидетельствующим в пользу гипотезы о заимствовании монгольскими языками слов из тюркских языков, является невозможность объяснить наличие в этих словах суффиксов тюркских языков.

Многочисленные морфологические параллели, установленные Г. И. Рамstedтом, свидетельствуют не о генетическом родстве рассматриваемых формативов, а скорее об их заимствованном характере, поскольку они обычно отмечаются в словах, имеющих прямые параллели в тюркских языках, и объясняются исключительно на тюркском материале, а также случайными совпадениями.

Морфологический анализ тюрко-монгольских параллелей пока-

зал, что они, единые в фонетическом и семантическом отношениях, с морфологической точки зрения все же неразложимы на исконно монгольской почве и находят удовлетворительное объяснение только при использовании данных тюркских языков. Так, калм. *харш* 'препятствие', 'помеха', 'противоположный', монг. *харш-ла* 'препятствовать', 'противоречить' имеют параллели в тюркских языках — *қарыш* 'вмешиваться', 'мешать', *қаршы* 'против', 'напротив', 'противоположный', 'враждебный'. Морфологическое объяснение монгольская форма находит на тюркском материале. В монгольских языках никогда не было совместного залога на *-ыш*. В тюркских же языках слово *қаршы* 'против' представляет собой не что иное как древнее деепричастие от глагола *қараш* 'смотреть друг на друга'.

На тюркское происхождение калмыцкого слова *зарм* 'просо', 'крупа' указывает тюркский аффикс *-ма*, образующий имена существительные от глагольных основ; ср. тат. *булма* 'комната' от *бул* 'делить', туркм. *сынма* 'поломка' от *сын* 'ломать', азерб. *бәркитмә* 'укрепление' от *бәркит* 'укреплять', каз. *жарма* 'крупа' от *жар* 'раскалывать' и т. д. Первоначально этот аффикс имел форму *-на*, *-нә*, затем изменился в *-ба*, *-бә*, откуда и возник аффикс *-ма*, *-мә*: калм. *зарм* 'просо', 'крупа' < тюрк. *јарма* 'крупа' от *јар* 'рубить', 'раскалывать'.

В тюркском праязыке существовали отглагольные прилагательные с показателем *-ық*, (*-ик*). В реликтовом виде они сохраняются во всех современных тюркских языках в роли прилагательных с причастным значением, или возникших на их базе существительных, ср. тур. *batık* 'погруженный' от *bat* 'погружать', *kirik* 'разбитый' от *kir* 'разбивать', узб. *бузуқ* 'разрушенный' от *буз* 'разрушать', тат. *ачык* 'открытый' от *ач* 'открывать', азерб. *солуг* 'увядший' от *сол* 'увядать' и т. д.

Следует заметить, что многие монгольские лексические параллели содержат данный аффикс; ср. монг. *булэг*, калм. *бөлг* (*бөлег*) 'часть', 'глава', 'раздел книги' < тюрк. *бөлүк* 'часть', 'группа', 'глава', 'раздел книги' < **бөл* 'делить', 'разделять'; калм. *кесг*, монг. *хэсэг* 'часть', 'кусочек' < тюрк. *кэсәк* < *кэс* 'резать'; монг. *билг* 'знание', 'ум', 'мудрость', 'дарование' < тюрк. *билик* 'знание', 'разум', 'ум', 'мудрость' < *бил* 'знать'; калм. *көвг* 'отруби', 'мякина', 'шелуха' < тюрк. *кәбәк* 'шелуха', 'отруби', 'перхоть' > *кәп* 'засыхать, высыхать, сохнуть', калм. *көмрг* 'закром', 'ящик (большого размера)' > тюрк.: тур. *gömrük*, *gümrük* 'таможня', *götü* 'вклад', 'сокровище' < *көм* 'закрывать', 'зарывать в землю', 'вкладывать', 'вставлять', 'погружать во что-либо'; монг. *хижиг* 'эпидемия' < тюрк.: кирг. *кезик*, тат. *кизу* 'продолжительная и неизлечимая болезнь', 'эпидемия' < *кәз* 'бродить', 'странствовать' и т. д.

В монгольских языках имеются слова, содержащие тюркские аффиксы *-қ*, *-қы*, *-ки*, *-әк*, часто встречающиеся в названиях различных орудий, ср. монг. *таяг* 'посох', 'палка' < тюрк. *тайақ*, 'палка', 'посох', 'подпорка', 'опора' < *тайа* 'прислонить', 'ставить опору'; монг. *багла* 'связка', 'узел', *багла* 'связывать' содержит аффикс отыменных глаголов *-ла*, ср. тюрк. *баш-ла* 'начинать' от *баш* 'голова', азерб. *балта-ла* 'рубить топором' от *балта* 'топор', *ташла* 'бросать' от *таш* 'камень' и т. д.

4. Незрелость лексико-семантических гнезд как один из признаков заимствованного слова. Некоторые из тюрко-монгольских лексических параллелей в монгольских языках обнаруживают все признаки заимствованных слов. Значение слова, согласно закону семантических изменений слов при их заимствовании другими языками, как правило, резко сужается и специализируется. Этим собственно и объясняется то, что слово заимствуется без своих семантических связей, поэтому

займствованное слово на новой почве оказывается семантически одиноким, не имеющим внутренних связей с другими словами.

Просмотр лексико-семантических гнезд слов, составляющих ряды тюрко-монгольских параллелей, выявил во многих случаях разность их семантических объемов в пользу тюркских параллелей. В монгольских языках рассматриваемые словоформы менее расчленены.

Монг. *ширэ* 'стегать', 'прошивать' восходит к тюркскому *сыр* 'стегать', 'прошивать'. Как показывают тюркские языки, этот глагол имеет еще и другие значения, например: «облеплять», «окружать», «обступать».

В монгольских языках данный глагол употребляется в более узком, специальном значении. В тюркских языках он входит в определенное гнездо производных, ср. *сырмақ* 'седло для езды', *сырма* 'стеганый матрац', которые отсутствуют в монгольских языках. Монг. *ширдэг*, *сирдег* 'седельная подушка', 'войлок, шитый в два слоя и украшенный орнаментом' также указывает на тюркский источник, поскольку оно включает чисто тюркский аффикс отглагольного прилагательного, некогда довольно распространенный в тюркских языках. В монгольских языках этот аффикс встречается только в словах, заимствованных из тюркских языков.

Монг. *эрт* 'рано', 'прежде', 'в старину' со своими производными *эртэс* 'заранее', 'своевременно', *эртлэ* 'собираться куда-нибудь спозаранку' восходят к тюркским формам *ертэ*, *иртэ* 'рано утром', *ертэлэ* 'приниматься за что-либо спозаранку', которые являются производными от тюркской глагольно-именной оморфы *-эри*, *-эр* 'рано', 'утро'. Помимо названных производных, в тюркских языках встречается еще одно производное — *еркен*, морфосемантически коррелятивное форме *эр*. Таким образом, обнаруживается более полное лексико-семантическое гнездо тюркских форм и более скудное гнездо монгольских форм.

На заимствованный характер калмыцких форм *буург* 'блоха', *кемгэ* 'накидка' указывают тюркские формы *бирге*, *кепенек*, которые в самих тюркских языках являются уменьшительными формами с соответствующими им аффиксами от имен *пирэ* 'блоха' и *кабан* 'накидка' с нейтральным значением. В монгольских языках производные основы не отмечаются, а уменьшительные аффиксы в подобном оформлении вообще отсутствуют.

Калм. *өтл* 'стареть', 'стариться' представляет собой заимствование из тюркских языков. Тюркская глагольная основа *өт* со значениями 'проходить (проходить мимо и т. п.)', 'протекать', 'миновать', 'опережать', 'обгонять', 'оставлять позади себя'. В тюркских языках широко распространены и производные от данной основы, например, причастие на *-ан*: азерб. *өтэн*, туркм. *өтен* со значением 'прошлый', 'прошедший', 'минувший', отглагольное имя существительное с аффиксом *а*: турк. *өте*, каз., ккалп. *өте*, кирг. *өтө*, тат., башк. *үтэ* со значением 'очень', 'слишком', 'весьма'. Тюркские формы имеют более богатое гнездо производных, тогда как в монгольских языках упомянутая выше глагольная форма в своей лексической системе стоит не только обособленно, но и в семантическом аспекте отличается сугубо узким специализированным значением.

Могут встретиться случаи, когда количество производных в монгольских языках не уступает количеству производных в тюркских; ср. калм. *ижл*, монг. *ижил* 'одинаковый', 'похожий', 'парный', 'привыкший'. Ср. монг. *ижилгүй* 'бесподобный', 'беспримечательный', *ижилдэх* 'быть слишком похожим на друга', *ижилсүүлэх* 'делать одинаковым', *ижилсэх* 'походить друг на друга', *ижилших* 'привыкать друг к другу', калм. *ижл*

дүлх 'заставлять привыкать', иждлх 'привыкать', иждлһн 'привыкание' и т. д.

Тюрк. *еш* 'пара', 'один из составляющих пару', 'двойник (подобие чего-либо)', 'подобный', 'одинаковый', 'равный', 'товарищ' < *еш* 'подобие', *еш-ле-* 'спаривать', 'соединять в пару подобные, одинаковые предметы, также людей', *еш-леш-* 'становиться подобным кому или чему-либо', 'становиться одинаковым', 'спариваться', 'соединяться' и т. д.

Однако суффиксы, посредством которых образуются производные слова в тюркских и монгольских языках, генетически не тождественны.

В монгольских языках широкое распространение имеет суффикс *-чи*, обозначающий какую-либо профессию, ср. калм. *малч* 'скотовод', *уйяч* 'портной', *ширдэч* 'красильщик', *шалжгч* 'косарь', *тосхач* 'строитель', *иргулач* 'переводчик'; монг. *тугч* 'знаменосец', *машинч* 'машинист', *монголч* 'монголовец', *нэхэгч* 'ткач' и т. п.

В тюркских языках слова с аффиксом *-чы*, *-чи* обозначают лиц по их деятельности, ср. тур. *авси* 'охотник' от *ав* 'охота', азерб. *дилчи* 'языковед' от *дил* 'язык', алт. *малчы* 'пастух' от *мал* 'скот', кум. *тимирчи* 'кузнец' от *тимир* 'железо', тув. *анчы* 'охотник' от *ан* 'зверь', хак. *палыхчы* 'рыбак' от *палых* 'рыба', тат. *эшче* 'рабочий' от *эш* 'работа', узб. *чорвачи* 'скотовод' от *чорва* 'скот', кирг. *балыкчы* 'рыбак' от *балык* 'рыба', чув. *тимёрçё* 'кузнец' от *тимёр* 'железо' и т. д.

Однако происхождение суффикса *-чи* нельзя установить на основании монгольских языковых данных. Для этой цели нужно привлечь тюркские языки. По всей видимости, значение профессии здесь не было первоначальным. Вероятнее всего тюркский аффикс *-чы*, *-чи* был аффиксом прилагательных, обозначающих привычку, склонность к чему-либо, ср. шор. *урушчы* 'драчливый', *терчи* 'потливый', азерб. *инадчи* 'упрямый' и т. д. Затем из сферы прилагательных этот аффикс был перенесен в сферу существительных, где он был переосмыслен и использован для названия профессии. Монгольские языки этих данных не дают, что свидетельствует о тюркском происхождении аффикса *-чи* в монгольских языках.

5. Ротацизм и ламбдаизм в монгольских языках не имел места. Он проявляется только в тюрко-монгольских параллелях. Для доказательства генетического родства тюркских и монгольских языков часто апеллируют к звуковым корреспонденциям, выражающимся в ротацизме и ламбдаизме. Под ротацизмом, как известно, понимается превращение *z* в *r*, а ламбдаизмом — соответствие *l* и *ʃ*, наблюдаемое в чувашском языке.

Если бы монгольские языки были действительно генетически родственны тюркским, то ротацизм и ламбдаизм должны были бы проявляться и в словах монгольского происхождения.

Специальные разыскания в этой области, производившиеся С. С. Харьковской, не привели к каким-либо положительным результатам. Выяснилось, что все монгольские словоформы, противопоставленные тюркским словоформам с соответствующей оппозицией *z : r* или *ʃ : l* имеют идентичное отражение в чувашском языке; ср. калм. *бүрү* 'теленок', др.-монг. *biragu* = тюрк. *бузагу* = чув. *пӑру* < *бузагу*; калм. *укр* 'корова', монг. *ухэр* 'скот' = тюрк. *өкүз* = чув. *вӑкӑр* < *өкүз*; калм. *уурғ* 'молозиво' = тюрк. *агуз*, *огуз*, *угуз* = чув. *ырры* < *агуз*; калм. *күргн* 'зять', 'жених' = тюрк. *күзәг* 'ү'; калм. *зорх* 'царапать', 'рисовать' = тюрк. *јаз-*, 'писать' = чув. *сыр-* 'писать', 'рисовать' < *јаз-* 'чертить', 'рисовать'; калм. *ут*, монг. *урт* 'длинный' = тюрк. *уз* 'длинный', *уза-* 'удлиниться' = чув. *вӑра-* 'удлиниться', 'продолжаться' < *уза-* 'длиться', 'продолжаться', *уз* 'длинный'; калм. *көөр* 'хвостун', 'хвостливый', 'чванный', 'напыщенный' = тюрк. *көяз*, *күвәз* 'щеголь', 'франт', 'гордый', 'заносчивый' = чув.

капär 'наряд', 'украшение', 'изысканный', 'щегольской', 'хвостун' < *кү-г'өз*; калм. *өр* 'грудь', 'душа', 'внутренняя часть' = тюрк. *өз* 'собственная сущность (человека)'; 'сам', 'суть', 'сердцевина' = чув. *вар, варă* 'середина', 'центр', 'сердцевина', 'желудок', 'живот' < **ө:з* 'тело', 'сердцевина', 'нутро', 'сам'; калм. *икр* 'двойня', 'близнецы' = тюрк. *икиз* = чув. *йёкёр* 'двойной', *йёкёрём* 'близнецы', 'двойня' < *икиз*.

Из данного правила есть и исключения. Мы имеем в виду некоторые монгольские слова, обнаруживающие ротацизм з, но отсутствующие в чувашском языке; ср.: калм. *курн* 'хорек' = тюрк. *күзүн*, калм. *хурһн* 'ягненок' = тюрк. *қузы*. Поскольку приведенные параллели относятся к той части лексики, которая обычно именуется терминологией, то примерно допустить их наличие в древнечувашском, а затем их последующую утрату и замену другими названиями. Отчасти в пользу такого предположения говорит, например, наличие в венгерском языке слова *gögepu* 'хорек', несомненно заимствованного венграми от предков чувашей, но ныне уже утраченного для чувашского языка.

Большинство тюрко-монгольско-чувашских параллелей, за исключением калм. *өр* = тюрк. *өз*, монг. *урт* = тюрк. *уз*, составляют часть лексики, способную легко переходить из одного языка в другой. Интересно в этом отношении соответствие калм. *бор* 'серый' = тюрк. *боз*, имеющему широкий ареал, охватывающий все алтайские языки, за исключением чувашского. Слово *бор*, распространенное во всех монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, отмечается в некоторых сибирских тюркских языках, а также в одном турецком памятнике XV века. В последнем, правда, *бор* выступает в значении «серый» применительно к коню. Однако в данном случае для формы *бор* вполне допустим персидский источник *bōr* / *بور*¹. Поэтому привлечение данной параллели в качестве подтверждения или отрицания генетического родства тюркских и монгольских языков представляется сомнительным.

Некоторые параллели, приводимые в качестве примеров сторонниками генетического родства урало-алтайских языков, весьма спорны. Сопоставление калм. *нарн* (*нарһн*), монг. *нар(ан)* 'солнце' с тюркским *йпз* 'лето', 'весна' было бы возможно, но соответствие монгольского начального *н* тюркскому *н* не имеет доказательств.

Единственная достаточно убедительная параллель с данным фонетическим соответствием наблюдается в сопоставлении калм. *нудрх*, монг. *нудурга* и тюркского *йузрук* 'кулак', но монгольская параллель может быть объяснена из тюркского диалекта, подобного хакасскому, в котором наблюдается переход *й > н*; например, в хакасском языке слову «кулак» соответствует *нузурх*. Переход *й > н* частично наблюдается и в шорском языке².

Примеров, обнаруживающих ламбдаизм, в монгольских языках сравнительно немного, ср. калм. *залу*, монг. *залуу* 'молодой', 'молодой мужчина' = тюрк. *јаш* 'молодой' = чув. *сул* 'год', 'возраст' < тюрк. *ја: - л -* 'молодой', 'год возраста'; калм. *ховл* 'желоб', 'труба' = тюрк. *коғуш* и чув. *хавъл* 'дупло', 'полий', 'пустой' < тюрк. **қоғу - л -* 'желоб'.

В таком сопоставлении, как калм. *чолун* 'камень', монг. *чолун* = тюрк. *таш* и чув. *чул*, чувашскую форму следует скорее всего рассматривать как заимствование из монгольских языков, ибо тюркская и чувашская формы не выводятся из одного источника.

¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978, стр. 172.

² Б. А. Серебрянников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 56.

Сторонники гипотезы о генетическом родстве тюркских и монгольских языков нередко для подтверждения наличия ламбдаизма приводят искусственно подобранные примеры. Талат Текин сопоставляет тюрк. еѣ- 'рыть руками, ногами', 'грести', 'сгребать' с чув. *al-* 'пахать', *alt-* 'копать', монг. *selbi-* 'грести', *selbigüg* 'весло'³. Помимо отдаленности семантической связи данное сопоставление неправомерно и фонетически. В тюркских языках не наблюдается полного исчезновения начального *s*. Исключение составляет только якутский язык, где, как известно, начальное *s* исчезало через промежуточную ступень *h*.

Нет никакого сомнения в том, что слова с признаками ротацизма и ламбдаизма проникли в монгольские языки из тюркского языка типа чувашского.

6. Многие из тюрко-монгольских лексических параллелей представляют собой бродячие культурные термины. Любой исследователь тюрко-монгольских лексических параллелей может убедиться в том, что некоторые из них являются бродячими культурными терминами и поэтому не всегда с достаточной определенностью можно установить, откуда шло заимствование. Анализ тюрко-монгольских лексических параллелей, произведенный С. С. Харьковской, показывает, что около 20% тюрко-монгольских лексических параллелей составляют слова-термины. По своему тематическому охвату они разнообразны и многосторонни, однако не выходят за рамки так называемых культурных слов или бродячих терминов, ибо могут легко переходить из одного языка в другой. К этим словам относятся следующие: монг. *алтан*, тюрк. *алтын* 'золото'; монг. *бал*, тюрк. *бал* 'медь'; монг. *барс*, 'барс', тюрк. *барс*, монг. *бэрэх* 'стерлядь', калм. *бекр*, туркм. *бекрә* 'осетр'; калм. *боз*, монг. *боза*, тюрк. *буза* 'напиток'; монг. *бүргэд* 'орел, беркут', калм. *бүргд* (*бүргед*), тат. *бөркет*; монг. *бух* 'бык-производитель', калм. *бух*, тат. *буга*, *бугай*; калм. *бурһу* 'бурав', 'коловорот', каз. *бурғы*; монг. *үхэр* 'крупный рогатый скот', калм. *үкр* (*үкер*) 'корова', тур. *öküz*, каз. *өгіз*, чув. *вйкяр* 'бык'; калм. *балт* 'топор', монг. *балта*, тюрк. *балта*; монг. *айл* 'группа юрт', тат. *авыл* 'деревня'; калм., монг. *сав*, тат. *савыт* 'посуда'; монг. *жимс* 'плоды', 'фрукты', калм. *темсн*, тат. *жимеи*; калм. *цэрг* (*цэрег*) 'войско', 'армия', монг. *цэрэг*, тур. *çeri* 'армия'; калм. *буур* 'верблюд-производитель', тюрк. *буура* 'верблюд-производитель'; монг. *зес* 'медь', 'латунь', тюрк. *йес*; калм. *көөрг* (*көөрег*) 'кузнечные мехи', тат. *күрек*; калм. *тамһ* 'клеймо', монг. *тамга*, тат. *тамга*; калм. *тасм*, монг. *тасам* 'ленточка', 'тесемка', тат. *тасма* 'лента'; калм. *хатн* (*хатән*) 'царица', 'княгиня', тюрк. *қатын*, 'госпожа', 'жена правителя'; калм. *түмн* (*түмен*) 'десять тысяч', монг. *түмен*, тат. *төмән*; калм. *сал*, монг. *сал*, тат. *сал* 'плот'; калм. *суль* 'овес', тат. *солы* и т. д.

7. Многие слова из рядов тюрко-монгольских параллелей принадлежат тюркскому праязыку. В пользу заимствований из тюркских языков в монгольские свидетельствуют многие слова из рядов тюрко-монгольских лексических параллелей, принадлежащие тюркскому праязыку.

Признаком существования данных слов в тюркском праязыке является прежде всего их наличие во всех тюркских языках, особенно в той части лексики, которая считается наименее проницаемой и одновременно устойчивой. На праязыковую принадлежность данных слов указывает главным образом и то обстоятельство, что монгольские слова, соответ-

³ Т. Tekin. Further evidence for zetacism and sigmatism. — In: «Researches in Altaic languages». Budapest, 1975, стр. 20.

ствующие тюркским, не только не передают древнего состояния, но более того — оказываются выводимыми из тюркских архетипов. Можно привести некоторые из этих слов: монг. *тэн(г)* 'равный', 'одинаковый' < тюрк. *тэң* 'одинаковый', 'равный'; калм. *яр-* 'раздвигать', 'разрезать' < тюрк. *јар-* 'рассекать', 'расщеплять', *јарық* 'разрез', 'трещина', 'щель'; монг. *асра-* 'ухаживать', 'заботиться', калм. *аср-* (*асэр-*) < тюрк. *асыра-* 'питать', 'кормить', 'выращивать', 'растить'; монг. *хүч* 'сила', 'мощь', калм. *күчн* (*күчен*) < тюрк. *күч*; монг. *адаг* 'конец', 'устье', калм. *ядг* (*ядгг*) 'конец' < тюрк. *адақ* 'нога', 'конец'; монг. *хөх* 'синий', калм. *көк* (*көке*) < тюрк. **көк*; монг. *алаг* 'пестрый', калм. *алг* (*алгг*) < тюрк. *ала* < *алақ*; монг., бур. *дэлэн(г)* 'вымя' < тюрк. *јәл ин*; монг. *тохто-* 'останавливаться', калм. *тогт-* (*тогтг-*) < тюрк. *тоқта-*; монг. *сохор* 'слепой' < тюрк. *соқыр*; монг. *магта-* 'хвалить', калм. *магт-* (*магтг-*) 'хвалить' < тюрк. *мақта-*; монг., калм. *жил* 'год' < тюрк. *јыл*; монг. *хүрз(эн)* 'лопата' < тюрк., ср. чув. *кёресе* 'лопата', тюрк. *күрәк* 'лопата' < *күрә-* 'сгребать, грести' и т. д.

О доводах, как будто свидетельствующих в пользу генетического родства тюркских и монгольских языков.

1. **Принадлежность слов, входящих в тюрко-монгольские лексические параллели, к основному словарному фонду, как будто бы свидетельствует о генетическом родстве этих языков.** В пользу данного положения как будто бы свидетельствует широта сфер, охватываемых тюрко-монгольскими параллелями, и совпадение некоторых разрядов основного словарного фонда, а также отсутствие резких нарушений звуковых соответствий.

Действительно, этот факт имеет место. Многие из тюрко-монгольских лексических параллелей принадлежат к основному словарному фонду: ср. монг. *алаг* 'пестрый', калм. *алг*. тат. *ала*; калм. *зах* 'ворот', 'воротник', 'край', монг. *зах*, тат. *јака* (*јақа*), монг. *сахал* 'борода', 'усы', калм. *сахл*, тат. *сакал*, тур. *sakal*; монг. *хэн* 'кто', калм. *кен*, тюрк. *ким* 'кто'; монг. *бах* 'лягушка', тат. *бака*; калм. *хар* 'черный', монг. *хар*, тюрк. *қара*; монг. *хавирга* 'ребро', тат. *кабырга*; монг. *хашгара-* 'кричать', тат. *кычкыр-*; монг. *тал* 'поле', 'степь', тат. *дала*; монг. *тогто-* 'останавливаться', тат. *тукта-*; монг. *хөх* 'синий', каз. *көк*, тат. *күк*; монг. *сийрэг* 'редкий', тат. *сирәк*; монг. *сохор* 'слепой', тат. *суқыр*, каз. *соқыр*; монг. *таяг* 'палка', 'трость', тат. *таяк*, монг. *босх* 'порог', тат. *бусага*; монг. *хүч* 'сила', тат. *күч*; монг. *арүг* 'чистый', 'опрятный', тат. *ару*; монг. *алс* 'далекий', каз. *алыс*; монг. *төлө-* 'платить', калм., тат. *тул-*; калм. *төгрг* (*төгрег*) 'круглый', тат. *түгәрәк-*; калм. *маңна* 'лоб', тат. *маңлай*; монг. *хара-* 'смотреть', тат. *кара-*; калм. *булг* (*булгг*) 'источник', монг. *булаг*, тат. *булак*; монг. *бөхий-* 'сгибаться', калм. *бөки-*, тат. *бөклән-* 'сгибаться' и т. д.

Однако данный довод не может, конечно, считаться подтверждающим родство данных языков. Все приведенные слова основного словарного фонда могли быть заимствованы монгольскими языками из тюркских в результате тесного контактирования. В истории языков подобные случаи встречаются часто. В условиях интенсивного взаимодействия языков основной словарный фонд также нередко подвергается довольно сильным изменениям, ср. венг. *szakál* 'борода' и тур. *sakal*, тат. *сакал*; финск. *parta* 'борода' и нем. *Bart*; алб. *gërpik* 'ресница' и тур. *kirpik*; вепск. *рожа* и кар. *рожа* 'лицо'; ср. русск. *рожа*; мар. *парня* 'палец' и чув. *пүрне* и т. д.

Удмуртский язык, распространенный на смежных с татарским ареалом территориях, заимствовал из последнего немало слов основного сло-

варного фонда; ср. удм. *бабай* 'дед', тат. *бабай*; удм. *казир* 'сейчас', тат. *хазер*; удм. *мотор* 'красивый', тат. *матур*; удм. *тулкым* 'волна', тат. *дулкын*; удм. *яратыны* 'любить', тат. *ярат-* 'любить' и т. д.

2. Отсутствие в тюрко-монгольских лексических параллелях каких-либо значительных искажений фонетических законов тюркских и монгольских языков. В тюрко-монгольских параллелях не наблюдается каких-либо резких нарушений фонетических законов тюркских языков.

Фонетическое оформление слов в этих параллелях может иметь различия; ср. калм. *хар* 'черный', монг. *хара*, тюрк. *қара*; монг. *сахи-* 'охранять', тюрк. *сақ-ла-*, монг. *сохор* 'слепой', тюрк. *соқыр*. В данном случае это различие объясняется переходом некогда существовавшего в монгольских языках задненебного *қ* в *х*. Заимствованные тюркские слова могли претерпеть этот звуковой переход, вследствие чего *қ* в них превратился в *х*.

Монг. *цаг* 'время', калм. *цаг* < тюрк. *чақ*; монг. *цөл* 'пустыня', калм. *цөл* < тюрк. *чөл* 'степь'; монг. *цэцэг* 'цветок', калм. *цецг* (*цэцег*) < тюрк. *чэчэк*. Различие объясняется тем, что в монгольских языках *ч* некогда переходило в *ц*.

Калм. *зэнг* 'весть', 'известие' < тюрк. *јаңы* 'новый'; монг. *зурх(эн)* 'сердце' < тюрк. *јирэк*; калм. *зарм* 'крупа' < тюрк. *јарма* 'крупа' и т. д. Объясняются данные различия тем, что приведенные слова попали в монгольские языки из каких-то джекающих тюркских языков.

Отсутствие нарушений фонетических законов опять-таки ничего не говорит в пользу генетического родства тюркских и монгольских языков. Заимствованные слова могут подчиняться фонетическим законам воспринимавшего языка.

Таким образом, все рассмотренные нами доводы не подтверждают гипотезы о генетическом родстве тюркских и монгольских языков. Сходно звучащие в монгольских языках тюркские слова представляют собой заимствования из тюркских языков, осуществлявшиеся в разные эпохи и из различных тюркских языков. Один из этих тюркских языков был похож на чувашский. Имелись, конечно, заимствования и из монгольских языков, однако это тема специальной статьи.

Нельзя признать, как нам кажется, совершенными и методы исследования проблемы генетического родства тюркских и монгольских языков, применяемые алтаистами, ибо все они основываются только на контингенте заимствованных слов и внешнем созвучии.

Поэтому либо следует отказаться от гипотезы генетического родства тюркских и монгольских языков, либо же для ее доказательства использовать более совершенные и убедительные методы исследования и аргументации.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Р. Г. АЗНАГУЛОВ

РЕЛИКТОВЫЕ ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В грамматических описаниях современных языков, как правило, значительное внимание уделяется наиболее продуктивным словообразовательным формам, без которых невозможно представить полную систему словообразования. Однако это не значит, что могут быть оставлены без внимания непродуктивные аффиксы, круг употребления которых лексически ограничен.

В данной статье предпринимается попытка описать часть непродуктивных или пережиточных деривационных формативов, встречающихся в башкирских говорах и литературном языке, зафиксированных автором в процессе сбора материалов для диалектологического атласа башкирского языка. Подавляющее число таких аффиксов древнетюркского происхождения. Некоторые из них бытуют также в ряде современных монгольских языков.

Аффикс -сар. Данный аффикс в башкирском языке восходит к трем источникам: чувашскому, монгольскому и общетюркскому. Аффикс *-сар* в чувашском языке относится к числу непродуктивных и выражает идею собирательности [13, 13]. Например: *юман* 'дуб', *юман-сар* 'дубняк'; *сака* 'липа', *сака-сар* 'липняк'. Аналогичный аффикс с тем же значением встречается в башкирских топонимах: *Кайынсар* (село Елпачиха Бардымского района Пермской области) и *Карамасар* (село Кугарчино Калтасинского района Башкирской АССР), где *кайын* 'береза', *кайын-сар* 'березняк'; *карама* 'вяз', *карама-сар* 'участок леса, заросший вязами'. Наличие аффикса *-сар* в топонимии башкир Пермской области и Калтасинского района БАССР указывает на то, что некогда этот аффикс употреблялся в языке прикамских башкир, в настоящее же время он может быть расценен лишь как реликтовая форма древнего состояния языка. Форматив *-сар* в топонимах *Кайынсар* и *Карамасар* в известной степени тождествен аффиксу *-сар (-сэр)*, представленному в номенклатуре терминов родства башкирского языка и указывающему на женский род. Ср., например: *йейән* 'внук', *йейән-сэр* 'внучка', *булә* 'правнук', *булә-сэр* 'правнучка'; *тыуа* 'праправнук', *тыуа-сар* 'прапра-внучка' [4, 75].

Аффикс *-сар* в башкирском языке употребляется и в другом фонетическом варианте (соответственно закону гармонии гласных) и выражает значение пренебрежения: *тел-сэр* 'говорун', где *тел* 'язык'. В остальной части лексики современного башкирского языка аффиксальная морфема *-сар* и ее фонетические варианты не отмечены.

Формант *-сар* в составе слова *ау-сар* 'неуравновешенный' отмечается и в казахском языке [14, 197].

Заслуживает внимания наличие данного аффикса в ряде монгольских языков. Ср., например: бур. *-сар* (*-сор*, *-сэр*) — *булөөлинсэр* 'дети двоюродных братьев или сестер по матери' от *булөөлин* 'двоюродные братья или сестры по матери', *зээнсэр* 'правнук, правнучка по дочери' от *зээ* 'внук, внучка по дочери', *басагасар* 'девчонка' от *басаган* 'дочь', 'девушка', *морисор* 'лошаденка' от *морин* 'конь', 'лошадь' [5, 70]; монг. *-цар* (*-цэр*) — *аманцар* 'говорун, красобай, говорливый, многословный' от *ам(ан)* 'рот, уста', *хоолонцор* 'прожорливый' от *хол(он)* 'еда, пища, кушанье, питание, провизия' и др. [2, 196].

Таким образом, аффикс *-сар*, как древнейший форматив, сохранился в ряде тюркских и монгольских языков. Функции этого аффикса явно дифференцированы. Если в чувашском языке он выражает значение собирательности, то в башкирском он еще является показателем женского рода [4, 75], а в соответствующих случаях придает словам оттенок пренебрежительности. В бурятском этот аффикс, помимо оттенков пренебрежительности или презрительности, придает словам значения уменьшительности и отдаленной степени родства [5, 70]. В монголоведении данный форматив рассматривается еще как суффикс со значением ослабленного оттенка выражаемого цвета или показатель неполного качества [2, 195].

Аффикс -мша, -ша¹. Данный аффикс также относится к числу непродуктивных деривационных морфем. В редких случаях, присоединяясь к словам, он образует названия лиц, характеризующие их состояние. Лексически ограниченные новообразования с формативом *-ша* наблюдаются лишь в нижнесакмарском подговоре ик-сакмарского говора южно-диалекта башкирского языка. Естественно, ареал распространения их весьма ограничен; например: *кутырша* 'человек, постоянно страдающий от появления коросты' от *кутыр* 'короста, струп', *катымша* 'скряга, скупец' от *каты* 'жесткий, скупой', *орзомша* 'глупец' от *орзо* 'ударил, бил'.

Данный аффикс, как непродуктивный, отмечается и в татарском языке, где он обозначает лицо или живое существо, характеризующееся признаком, выраженным в основе: *хатынша* «обабившийся» мужчина', *кукшә* 'сойка' [3, 130].

Аффикс *-мша, -ша* имеет этимологическую связь с формативом *-ша*, представленным в бурятском языке, образующим имена существительные, обозначающие, во-первых, результат действия: *гаргаша* 'расход' от *гарга-* 'отчислять' и др., во-вторых, место действия: *булаша* 'могила', 'кладбище' от *була-* 'закапывать', 'хоронить' [5, 63], в-третьих, склонность или пристрастие к чему-либо: *алуурша* 'убийца' от *алуур(и)* 'убийство' [2, 141] и др.

Аффикс -кар (-кэр). Данный формант относится к числу непродуктивных аффиксов, образующих в основном прилагательные, а иногда и существительные с оттенком склонности объекта к чему-либо: *йаукэр* 'военный' (в сочетании *йаукэр заманы* 'военные времена') от *йау* 'восстание, война', *уйкар* 'зловредный, коварный' от *уй* 'дума, мысль, идея, намерение', *кушкар* 'запястье' от *куш* 'парный, двойной, слитный, пара'. Аффикс *-кар* представлен также в составе слова *каскар* 'волк', встречающегося в башкирском эпосе [1, 207] и образованного от глагола *кас-* 'убегать, убежать; спрятаться, скрываться'. По такой же аналогии обра-

¹ Данный аффикс не следует смешивать с элементом *-ша*, образующим ряд антропонимов в некоторых тюркских, в том числе и в башкирском, языках, где он не является аффиксальной морфемой. Первоначальный вариант его происходит от слова *шаһ* 'шах', из которого выпал конечный гортанный спирант *h*. Антропонимов с компонентом *ша(һ)* сравнительно немного; ср., например: *Батырша, Тимерша, Әхмәтша, Йыһанша, Моратша, Дәүләтша* и др.

зована кличка собак *Кашкар*, которая в современном казахском языке переводится как «волк». Кроме того, в говорах башкирского языка бытует слово *кәсипкәр* 'человек, занятый каким-либо ремеслом', в составе которого, вне всякого сомнения, наличествует аффиксальная морфема *-кәр*. Однако этот аффикс имеет этимологическую связь с аналогичным показателем *-кәр* арабо-иранского происхождения, представленным в словах типа *хәйләкәр* 'хитрый', *хезмәткәр* 'служащий; сотрудник'. Поэтому данный аффикс не может рассматриваться как непродуктивный, сугубо диалектальный форматив и, в частности, как чисто тюркское явление.

Аффикс -мал. Присоединяясь к глаголам и именам он образует слова, относящиеся к различным частям речи (прилагательные, существительные и наречия). Этот аффикс привносит ряд семантических оттенков: а) качественную оценку или же повышенную степень качества — *һау-мал* 'парной (о молоке и кумысе)' от *һау-* 'донть', *бауырмал* [10, 166] 'сердобольный' от *бауыр* 'печень'; перен. 'сердце'; б) характеристику, выраженную исходной основой — *корамал* 'инструмент', 'строительный материал' от *кора-* 'составлять, составить', *йурамал* 'нарочно, наугад' от *йура-* 'разгадывать, разгадать; предсказывать, предсказать'; в) потенциальное значение — *дәүмәл* 'величина' от *дәү* 'большой, огромный, громадный'.

Данный аффикс в башкирском языке других новообразований не дает. Из современных тюркских языков форматив *-мал* изредка встречается в казахском языке (*танымал* 'знакомый') [14, 197], а также в тувинском, где он обладает потенциальной продуктивностью и способствовал образованию ряда неологизмов: *чырамал* 'светило', *казымал* 'ископаемое', *кылымал* 'изделие', *бүдүмәл* 'вещество', *төрүмәл* 'рождаемость' [6, 169].

Показатель *-мал* монгольского происхождения. В монгольском языке он отличается большой продуктивностью [2, 199—200; 5, 119].

Аффикс -тай². С помощью этого форматива от нулевой (словарной) формы имен образуются существительные с конкретным значением и в единичных случаях — прилагательные с признаком обладания чем-либо: *башалтай* 'шерстяные носки', *шәкәлтәй* // *бәкәлтәй* 'щиколотки', *сокалтай* 'углубление в печи', *һакалтай* 'бородатый'.

Производные прилагательные на *-тай* в одном из ареалов³ южного диалекта башкирского языка выражают относительный интенсификатор или неполноту качества: *токортой* 'коротковатый' от *токор* 'коротыш', *һарантай* 'скуповатый' от *һаран* 'скряга, скупец', *тәрәнтәй* 'глубоковатый' от *тәрән* 'глубоко', *һасартай* 'слабоватый, плоховатый' от *һасар* 'плохо, слабо', *йумарттай* 'щедроватый' от *йумарт* 'щедрый', *төпәртәй* 'низковатый, коротковатый' от *төпәр* 'коротыш'.

Этот аффикс, в качестве непродуктивного форматива словообразования существительных, имеется и в современном турецком языке [7, 124]. Аффикс *-тай* является формантом монгольского языка. В монгольском языке он служит для образования прилагательных и весьма продуктивен, образуя как относительные, так и качественные прилагательные от именных основ [2, 156].

Аффикс -а. В соранском подговоре ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка данный аффикс, присоединяясь к гла-

² Этот аффикс не следует смешивать с формантом *-тай* и его различными фонетическими вариантами (*-зай-зай*, *-дай-дай*, *-лай-лай*), образующими наречия, которые выражают качество, а также образ действия со значением сравнения и уподобления. Ср., например: *ат-тай* 'словно лошадь', *төймә-ләй* 'величиной с пуговицу' и др.

³ Имеется в виду язык башкир Зилаирского района БАССР.

гольным основам, образует имена, означающие результат действия: *һала* 'кожаный сосуд с узким горлышком, сделанный из шкуры животных (например, лошади) для хранения и перевозки жидкостей' от *һал-* 'класть, положить', *кыҫа* 'жерди, предназначенные для стягивания соломы при покрытии крыши дома соломой' от *кыҫ* 'прижимать; прищемить; стеснить', *һоҫа* 'засыпня (воронка из досок на мельнице для засыпки зерна)' от *һоҫ-* 'черпать'.

Аффикс -мар (-мэр, -мыр, -мер). Посредством этого аффикса в ряде говоров [9, 93] и в самом башкирском языке [4, 109] от глагольных, реже именных основ и образоподражательных слов, образуются существительные, обозначающие результат действия или предметы, значение которых выражено в исходной основе слов, и прилагательные, указывающие на склонность к чему-либо; например: *уймыр* (бурз.) 'долото' от *уй-* 'вырезать, вырезывать', *йаҫмар* (жубалаяк.) 'охапка сена', *йаһмар* (кызыл.) 'плоскость; широта' от *йаһы* < *йаҫы* 'широкий; плоский', *һыкмыр* 'скряга' от *һык-* 'сжимать, сжать', *уҫмер* 'подросток' от *уҫ-* 'расти, вырастать, вырасти', *сукмар* 'дубинка, булава' от *сук-* > *һук-* 'ударить, стукнуть', *телмэр* 'речь' от *тел* 'язык', *бухмар* 'толстый' от древнетюркского *бүк* 'опухоль', *бөтмөр* 'аккуратный в работе; расторопный в работе (особенно в домашней)' от *бөт-* 'кончаться, завершаться', *бытымыр* (нижнесакм.) 'болтливый' от *бытылда-* 'лепетать', *бызмыр* 'неторопливый, медлительный', возможно, от *мызыл-* 'притворяться, притвориться застенчивым, робким', а также ср.: *кытмыр* (тукск.) 'медлительный', *кетмер* (северо-западн.) 'проворный'.

Данный формант прослеживается и в татарском языке. Посредством него образуется название предмета, характеризующегося признаком, выраженным в основе [3, 127]. В современных монгольских литературных языках этот аффикс малопродуктивен и имеет ограниченную и узкую сферу употребления [2, 121].

Аффикс -ас (-эс, -аҫ, -эҫ). Этот аффикс, присоединяясь к существительным, образует именные части речи различного семантического профиля: *көнэс* 'солнцецек' от *көн* 'день; солнце', *йеләҫ* 'слегка прохладный', 'слегка ветренный; прохладно, свежо' от *йел* 'ветер', *бакырас* (нижнесакм.) 'половник' от *бакыр* 'красная медь', *итэс* (инзерск.) 'мясистый' от *ит* 'мясо', *кулас* (бурз.) 'маленькое ведро' от *кула* 'ведро (для варки пищи в поле)'. Данный аффикс встречается в татарском и узбекском языках как непродуктивный форматив.

Аффикс -мта (-ымта, -емтә). Этот реликтовый форматив функционирует ограниченно: присоединяясь к глагольным основам, образует имена, обозначающие результат или объект действия; например: *барымта* 'баранта (самовольный захват скота и другого имущества у обидчика в отместку за нанесенную обиду или причиненный материальный ущерб)' от *бар-* 'идти, пойти, ехать, поехать', *баһымта* 'возмездие; месть' от *баҫ-* 'наступать; давить, захватывать', *карымта* 'кровная месть', видимо, из монгольского слова *харих* 'возвращаться, вернуться' или же от *хариу(н)* 'оплата; возмездие', *коромта* (демск.) 'сбруя' от *кор-* 'строить, сооружать; воздвигать, собирать, собрать', *шырамта* (гайнинск.) 'мочало' от *шыыр-* 'сгрести, чистить', *сырымта* (сакм.) 'пленка (на глазу)' от *сыры-* > *һыры-* 'облеплять, облепить', *боромта* (миясск.) 'извив, изгиб, извилина' от *бор-* 'поворачивать, повернуть, крутить, скрутить', *бүлемтә* 'подотдел' от *бүл-* 'делить, разделять'. Аффикс *-ымта, -емтә* выступает в ряде слов в татарском, а также в составе лексем *барымта* в узбекском, ногайском, киргизском, казахском, каракалпакском языках.

Данный форматив, как малопродуктивный суффикс, представлен в

бурятском языке, где он образует отглагольные имена существительные, например: *баримта* 'основание; доказательство; факт' от *бари-* 'держать, хватать, задерживать', *дарамта* 'тяжесть, обуза, балласт' от *дара-* 'давить' [5, 65].

Исходя из приведенного выше, можно полагать, что аффикс *-мта* и его фонетические варианты возникли на стыке тюркских и монгольских языков. В связи с тем, что этот аффикс может сочетаться только с глаголами, его следует считать древним формативом причастия, утратившим свою прежнюю функцию и превратившимся в показатель прилагательных (например, в якутском языке: *кыыһырымтыа* 'гневливый' от *кыыһыр* 'гневаться' и др.). [15, 137], а далее и существительных. В такой последовательности изменяются функции и некоторых других аффиксов, сочетающихся с глагольными основами.

Аффикс *-дырык (-дерек)*. Посредством этого аффикса в башкирском языке и его диалектах образован ряд слов со значением орудия или средства: *бәүлтерек* (средн.) 'качели' от *бәүел-* 'качаться, раскачиваться', *һағалдырык* (сакм.) 'бородка топора', *һағалдырык* 'подбородник (у конской узды)' от *һағал* < *һакал* 'борода', *сөйөлдөрөк* 'супонь' от *сөйөл-* (страд.) < *сөй-* 'метать; кидать, кинуть; бросать', *томолдорок* (кубалак.) 'намордник' от *томала-* 'закрывать, закрыть; затыкать, заткнуть'. Иногда этот аффикс передает качественную характеристику предмета: *кысылдырык* (ик-сакм.) 'мужчина, выполняющий обязанности женщины по дому' от *кысыл-* 'вмешаться, вмешиваться', *койолторок* (инзерск.) 'неказистый', *койолдорок* 'неопрятный, неряшливый, незадачливый' от *койол-* 'сильно испугаться'.

Аффикс *-дырык* и его фонетические варианты в качестве непродуктивного форматива отмечаются также в азербайджанском, туркменском, турецком, казахском [12, 176—177], узбекском [8, 122] и тувинском [6, 176] языках. Думается, данный форматив мог развиваться от слова *торок*, употребляющегося как самостоятельная лексема в значении «туловище; затхлый, застоялый». Ср., например: *торок* 'звено (часть изгороди от столба до столба), пролет (моста), жердь (для изгороди)'; *озон торок* 'с длинным туловищем (о лошади)'; *торок һауа* 'застоялый воздух'; *тороктороу* 'случать, случить (кобылу)' и др.

Данное предположение в основном совпадает с гипотезой о том, что аффикс *-турук// -дурук* формировался на базе отглагольного имени *турук*, образованного от глагола *тур-* 'стоять, находиться, жить', широко распространенного во всех алтайских языках. Исторически он представляет собой второй компонент сложного слова, образованного по модели «имя + отглагольное имя» [11, 350].

Аффикс *-лау (-ләү, -дау)*. Посредством этого аффикса в башкирских говорах образован ряд производных именных частей речи, минимальную их часть составляют существительные, преимущественно — прилагательные, но ареал их весьма ограничен. Производные существительные на *-лау* приобретают значение орудия труда или части его, а также характеристики какой-либо местности, например: *йәйләу* (оренб.) 'лист для выпечки хлеба', *йандау* (нижнесакм.) 'боковые крепления телеги', ср. со словом *йан-дау-ыр* (сакм., суремск.) 'боковые стойки (у телеги)'; *һыулау* (юрм.) 'болото', *һыртлау* (бурз., сред.) 'возвышенность', *көзләу* (демск., иксск.) 'место осенней стоянки (после летовки)', *йазлау* (демск., ик-сакм.) 'место весенней стоянки (до летовки)'.

Производные прилагательные на *-лау* встречаются в языке башкир Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей и выражают относительный интенсификатор или же склонность к чему-либо; *напри-*

мер: *йүләрләу* 'придурковатый, взбалмошный, глуповатый', *һараннау* 'скуповатый', *сумартлау* 'щедроватый', *йәшелләу* 'зеленоватый'.

Разумеется, приведенным перечнем никоим образом не исчерпываются реликтовые формы словообразования в башкирском языке. Некоторые реликтовые формативы выявляются в составе слова лишь путем этимологического анализа. В этой связи представляют интерес формы на *-ек* — *кул-ек* 'вьючные животные', где корневая морфема *кул-* в ряде тюркских языков выражает значение «запрягать»: *-эй* — *үг-эй* 'без матери, сирота' от *үг* 'мать', корневая морфема *үг* < *ук* сохранена и в слове *үкһез* 'без матери', ср. также сочетание *үкһез йетем* 'круглый сирота'; *кур-эй* 'слепой, незрячий' от *кур-* 'видеть' и др.

Некоторые исследователи полагают, что слово *үгэй* 'сирота, неродной' восходит к монгольскому *угуй* 'отсутствующий, не имеющийся в наличии'. Однако данная точка зрения представляется недостаточно убедительной, так как древнетюркская корневая морфема *üg* 'мать' сочетается лишь со словами, выражающими родственные связи; например: *үгэй атай* 'неродной отец, отчим', *үгэй әсэй* 'неродная мать, мачеха', *үгэй бала* 'неродной ребенок', *үгэй кыз* 'неродная дочь, падчерица', *үгэй ул* 'неродной сын, пасынок'. Ср. также: *үкел атай* 'посаженный отец невесты, выбираемый родителями жениха', *үкел әсэй* 'посаженная мать невесты', где наличие древнетюркской корневой морфемы *üg* 'мать' является бесспорным.

Дальнейшее углубленное изучение непродуктивных форм башкирского словообразования в сравнительно-сопоставительном плане с данными других тюркских и монгольских языков, безусловно, позволило бы установить степень участия словообразовательных компонентов тех или иных языков в системе словообразования башкирского языка, а также выявить очевидные связи языков, с которыми башкирский язык контактировал в процессе своего формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Башкорт халык ижады. Эпос», (беренсе китап). Өфө, 1972.
2. Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
3. Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974.
4. Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование, Уфа, 1959.
5. «Грамматика бурятского языка». М., 1962.
6. Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
7. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
8. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
9. Н. Х. Максютова. Бурзянский говор. — В кн.: «Башкирская диалектология», Уфа, 1963.
10. С. Ф. Миржанова. Кубалаякский говор. — В кн.: «Башкирская диалектология», Уфа, 1963.
11. С. Н. Муратов. О тюркских аффиксах *-таш// -даш* и *-турук// -дурук* в свете данных других алтайских языков. — В сб.: «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 331—350.
12. Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
13. В. И. Сергеев. Способы выражения множественности в чувашском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1973.
14. «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962.
15. Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАИМЕНОВАНИЙ БАШКИРСКИХ ГОВОРОВ
И ПОДГОВОРОВ

а) восточного диалекта:

инзерск. — инзерский подговор, *миясск.* — миясский говор,
кубалак. — кубалакский подговор, *сальют.* — сальютский говор;
кызыл. — кызылский говор,

б) южного диалекта:

бурз. — бурзянский говор, *оренб.* — говор башкир Оренбург-
гайнинск. — гайнинский говор, ской области,
демск. — демский говор, *сакм.* — сакмарский подговор,
ик-сакм. — ик-сакмарский говор, *северо-западн.* — северо-западные говоры,
икск. — икский подговор, *сред.* — средний говор,
нижнесакм. — нижнесакмарский под- *суремск.* — суремский подговор,
говор, *тукск.* — тукский подговор,
юрм. — юрматинский подговор.

Г. К. КАЛИЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСКИХ ГОВОРАХ

Согласно определению Э. В. Севортына, словообразование является активным и постоянным источником развития и пополнения частей речи в тюркских языках.

Начиная со второй половины 50-х годов, в казахском языкознании серьезное внимание уделяется углубленному изучению вопросов словообразования отдельных частей речи. К настоящему времени монографически исследованы производные глаголы синтетического образования¹, аффиксы отглагольных имен², проблемы синтетического способа образования имен существительных и прилагательных в казахском языке³.

Однако словообразование в целом, как особая подсистема казахского языка, остается еще малоизученной областью. Не изучены в полном объеме словообразовательные ресурсы, остается еще не выясненным место словообразования в системе казахского языка. Эти и многие другие вопросы невозможно решить на основе изучения одного только литературного языка. В казахских говорах зафиксирован богатый лингвистический материал, без изучения которого невозможно представить себе словообразовательную систему и словообразовательные возможности казахского языка в целом. Как указывает В. А. Богородицкий: «Изучая любой язык, мы должны стремиться исследовать его не только в литературном употреблении, но и в народных говорах»⁴. Всестороннее изучение словообразовательной системы говоров казахского языка — задача весьма актуальная еще и потому, что в казахском языкознании, за исключением отдельных фактов, приведенных в плане сравнения⁵, диалектные материалы в указанном аспекте до сих пор не исследовались. Изучение диалектных данных позволило бы решить многие теоретические вопросы казахского языкознания, в частности, выяснить системные отношения аффиксации общенародного языка и его говоров, установить виды и варианты аффиксов, словообразовательные типы, роль каждого из последних в словопроизвод-

¹ А. Хасенова (Қалыбаева). Қазақ тіліндегі туынды түбір етістіктер. Алматы, 1959.

² Б. Қажонова. Аффиксы, образующие отглагольные имена в казахском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1963.

³ А. Тулеуов. Проблемы синтетического способа словообразования имен существительных и прилагательных в казахском языке. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1973.

⁴ В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку, М., 1939, стр. 5.

⁵ А. Ысқақов. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1974, стр. 68, 72, 330; А. Хасенова. Указ. раб., стр. 43, 44; А. Тулеуов. Указ. раб., стр. 9, 20, 32, 52; М. Тома-нов. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология. Алматы, 1981, стр. 64—70.

стве, ограничение словопроизводных возможностей аффиксов лексико-семантическими условиями, особенности аналитического словообразования в говорах (парнообразованные и сложнообразованные слова) и т. д.

Изучение словообразовательных процессов в говорах имеет и практическое значение, связанное с формированием диалектно-профессиональной лексики, которая, по общему мнению исследователей, богато представлена в говорах казахского языка. Эта лексика, в свою очередь, является одним из основных источников обогащения казахского литературного языка.

Остановимся на некоторых проблемах диалектного словообразования. Производные слова в казахских говорах можно подразделить на две группы: а) общенародные производные слова; б) диалектные производные слова. Производные диалектизмы составляют абсолютное большинство диалектной лексики казахских говоров. Они образуются как синтетическим, так и аналитическим способами. В диалектном словообразовании, в отличие от литературного языка, особую роль играет синтетический способ, имеющий здесь свои особенности. Производящей основой производных диалектизмов могут быть как диалектные, так и общенародные слова. Наиболее характерные особенности синтетического способа словообразования в говорах могут быть сведены в нижеследующие схемы.

1. Производящая основа: диалектное слово + общенародный словообразующий аффикс; например: *татау-сыз* вместо литературного *қайғысыз* 'беззаботный' от диалектного *татау* 'необдуманный, несуразный', *қамыт-шылық* 'испытать тяготы трудной зимы', от диалектного *қамыт* 'сильный; морозный'. Суффиксы *-сыз*, *-шылық* являются продуктивными в общенародном языке, ср. *су-сыз* 'безводный', *ақыл-сыз* 'неумный', а также *бас-шылық* 'руководство', *егін-шілік* 'земледелие'.

2. Производящая основа: общенародное слово + диалектный словообразующий аффикс; например: *тұрт-пей* 'болезнь рогатого скота' от литературного *тұрт(у)* 'ткнуть, толкнуть'; *жел-қом*: а) в м. лит. *желкен* 'парус'; б) 'седло, приспособленное для заживления потертости на спине лошади' от лит. *жел* 'ветер'. Аффиксы *-пей*, *-қом* в литературном языке не встречаются.

3. Производящая основа: общенародное слово + общенародный словообразующий аффикс; например: *бер-ік* в м. лит. *берешек* 'должник' от лит. *бер* 'давать', *жаяу-шы* от лит. *жаяу* 'пеший', *жол-ай* в м. лит. *жолшыбай* 'по пути' от лит. *жол* 'дорога'. Аффиксы *-ік*, *-шы*, *-ай* являются общенародными, однако в литературном языке от указанных основ слова с такими значениями не образуются⁶.

4. Производящая основа: диалектное слово + диалектный словообразующий аффикс; например: *кей-ку* в м. лит. *айла*, *амал* 'хитрость; способ' от диал. *кей*, который входит в состав слова *Кейкуат* — имя хитрого и ловкого персонажа из эпоса «Алпамыс»; *шәп-шөр*, *шөп-шөр* 'сандалии, тапочки, вид обуви типа галош, сделанной из сыромятной кожи' от диал. *шәп/шөп*; ср. с корнем в составе слова *шөпiк* 'сандалия'. Аффикс *-ку* в литературном языке не встречается.

Ряд проблем связан с изучением системных отношений видов и вариантов аффиксации в литературном языке и говорах, сущности словообразовательных типов, роли каждого из последних в словопроизводстве. Это видно из анализа производных слов в говорах, созданных при

⁶ Первая и третья модели этой схемы отмечены Ш. Ш. Сарыбаевым, см. Ш. Ш. Сарыбаев. Казахская региональная лексикография. Алма-Ата, 1976, стр. 25.

помощи одного из сложных продуктивных аффиксов *-шылық, -шілік*. При помощи этого аффикса в современном казахском литературном языке образуются: а) названия отраслей хозяйства, профессий типа: *мақташылық* 'хлопководство', *диқаншылық* 'земледелие', *оқытушылық* 'учительство'; б) названия состояний, наличия чего-либо типа: *азшылық* 'меньшинство', *мошылық* 'изобилие'; в) названия признаков, качеств, состояний, свойственных человеку типа: *адамшылық* 'человечность', *жоқшылық* 'нужда'⁷.

Кроме указанных типов, в говорах казахского языка имеются производные слова на *-шылық, -шілік*, не встречающиеся в литературном языке. В отличие от указанных выше, данные производные слова имеют ряд особенностей в производящих основах и в обозначаемых понятиях. Производящие основы многих производных слов в литературном языке не принимают аффикса *-шылық, -шілік*. В большинстве случаев функцию этого аффикса здесь выполняет суффикс *-лық, -лік*. В данном случае значения производных слов в говорах и литературном языке с общими производящими основами совпадают, например: *маманышылық* [кгт] от *маман* 'специалист' вм. лит. *мамандық* 'специальность'; *мұғалімішілік* [кгт] от *мұғалім* 'учитель' вм. лит. *мұғалімдік* 'учительство'. Таким образом, в литературном языке и говорах параллельно образуются слова-варианты с одинаковым значением. Однако нетрудно заметить стилистические оттенки таких вариантов, например, в словах *мамандық, мұғалімдік* преобладает значение относительности, а в словах *маманышылық, мұғалімішілік* — собирательности, отвлеченности, хотя последних слов нет в казахском литературном языке. Употребление аффикса *-шылық, -шілік* вместо *-лық, -лік* особенно часто встречается в юго-западных говорах казахского языка, что, по нашему мнению, объясняется двумя причинами: во-первых, влиянием соседних — туркменского, каракалпакского, узбекского языков⁸, во-вторых, — стилистической ненормированностью языка местных жителей, носящего разговорно-диалектный характер (ср. производные слова на *-шылық, -шілік* вместо *-лық, -лік*: *тентекшілік* 'шалость, озорство', *түсінбесшілік* 'недопонимание' и т. д.).

Значение некоторых производных слов в говорах на *-шылық, -шілік* в литературном языке часто передается без каких-либо аффиксов самой основой; например: *шатақшылық* [кгт] в литературном языке *шатақ* 'скандал', *кедергішілік* [аральск.] в литературном языке *кедергі* 'преграда, препятствие'. Имея одинаковые производящие основы, производные слова в говорах и литературном языке выражают разные значения; например: диал. *жаушылық* [Акт.] и лит. *жаулық* образованы от *жау* 'враг', но выражают противоположные значения: *жаушылық* вм. лит. *елшілік* означает «посредничество между враждующими сторона-

⁷ «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962, стр. 148—149.

⁸ А. Н. Кононов указывает на продуктивность данного суффикса в образовании производных существительных от имен в узбекском языке (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 75—76). По мнению А. М. Щербака, аффикс *-шылық, -шілік* был продуктивен также в староузбекском языке (см.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 122). Н. А. Баскаков приводит немало производных слов на *-шылық, -шілік* в каракалпакском языке (см.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. М., 1952, стр. 182). А. Нурмагамбетов приводит примеры прямого заимствования из туркменского языка (см.: Ә. Нурмагамбетов. Түрікменстандағы қазақтардың тілі. Алматы, 1974, стр. 107—108). Есть мнение, что исторически аффикс *-шылық, -шілік* в казахском языке не был продуктивным [см.: Б. Абилхасимов. Язык газеты «Дала уалаяты» (1888—1902). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1964, стр. 7, 13; М. Балақаев, Р. Сыздықова, Е. Жанпейсов. Қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1968, стр. 76].

ми», тогда как *жаулық* означает «вражда». Диал. *өнімшілік* в м. лит. *ендірістік* означает «производственный», а лит. *өнімділік* означает «продуктивность».

Производящие основы многих диалектных слов, как и производные слова от них, в литературном языке не встречаются; например: *ұңғыт-шылық* 'спекуляция, купля-продажа' от диал. *ұңғыт* 'спекулянт' [ман.], *шіркетшілік* 'агентство' от диал. *шіркет* 'агент' [кгт], *кеген-шілік* 'свобода' от диал. *кеген* (?) [Алм., Джамб.], *қыт-шылық* 'малость, недостаточность' от диал. *қыт* 'мало, недостаточно' [кгт], ср.: *қытық* 'недостаточный' [Енб.], *қыту* 'понемногу сузить' [аральск.].

Расширение функции многих аффиксов в говорах способствовало дальнейшему развитию лексико-семантических групп частей речи. Например: в казахском (лит.) языке указывается три значения производных существительных на *-шы, -ші*: а) наименование лица по роду его деятельности, профессии, специальности: *қойшы* 'чабан', *жазушы* 'писатель', *етікші* 'сапожник'; б) наименование лица по характерному для него признаку, свойству (часто отрицательному): *өтірікші* 'лгун', *қанаушы* 'эксплуататор'; в) наименование лица по принадлежности к какой-либо общественной группе, организации, течению: *мичуринші* 'мичуринец', *спортшы* 'спортсмен'⁹. Разумеется, тут указаны самые продуктивные значения аффикса. Безусловно, из двадцати двух значений производных существительных на *-шы, -ші* в татарском литературном языке, указанных Ф. А. Ганиевым, многие имеются и в казахском языке¹⁰. Однако в данном случае речь идет о тех производных существительных на *-шы, -ші* в казахских говорах, которые отсутствуют в общенародном и литературном казахском языке; например, группа производных слов выражает значение лица, связанного с пребыванием в определенной местности: *жолшы* 'путник', *семейші* 'человек, который уехал в Семипалатинск или приехал из него' (но не житель Семипалатинска). Группа производных существительных характеризует социальное положение лица: *қоңылшы* 'бедняк-сосед', *қотанышы* 'бедняк-скотник', *қыстақшы* в м. лит. *жатақ* 'человек, оставшийся на зимовке из-за отсутствия средств передвижения'; производные существительные выражают также значение различных предметов: *жамылшы* 'дождевик', *кірші* 'таз для стирки', *боқыраушы* 'поздний молодняк' и т. д.

К числу аффиксов, у которых расширились функции в говорах, относятся еще *-лық, -лік; -ық, -ік; -қы, -кі; -қыш, -кіш; -ыш, -іш; -ыс, -іс; -ма, -ме; -ым, -ім* и т. д.

Функции некоторых аффиксов в говорах и в литературном языке не различаются. У некоторых аффиксов в говорах наблюдается даже сужение функций. Однако все-таки большинство аффиксов казахского языка в говорах имеет свою специфику, отличающую их от таковых в литературном языке с точки зрения функционирования, образования новых слов, выбора производящей основы, системных отношений со словообразовательными типами и т. д. К этому следует добавить, что в литературном языке полностью отсутствуют некоторые непродуктивные аффиксы говоров, например: *-қос/-қас* (*сырқос/ сырқас* 'болезнь'), *-сымал* (*аразымал* 'быть в ссоре', *көкішлсымал* 'голубоватый'), *-жал*

⁹ А. Ысқақов. Указ. раб., стр. 157.

¹⁰ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 71—74.

(*сұрамжал* 'попрошайка', *барамжал* 'серьезный, выдержанный') и т. д.

Изучение диалектного суффиксального словообразования расширяет наши представления о сущности и функциях многих аффиксов казахского языка. Например, в грамматиках казахского языка отмечается, что при помощи аффикса *-кеш* (заимствованного из иранских языков) образуются наименования лиц по роду их деятельности: *арбакеш* 'извозчик', *кірекеш* 'караванщик', *түйекеш* 'караванщик каравана верблюдов'¹¹. Это соответствует нормам литературного языка. В то же время из диалектологических материалов известно, что в говорах аффикс *-кеш*, присоединяясь к некоторым именам, образует — наименования лиц по их склонности, пристрастию к чему-либо часто отрицательного характера: *шылымкеш* 'курильщик', *арақкеш* 'алкоголик', *жадікеш/жаткеш* 'памятливый'; наименования лиц по их взаимной близости, по дружеским отношениям с кем-либо: *тамыркеш* 'приятель, друг', *эйкеш* 'супруга'; наименования сооружений: *зейкеш* 'арык, по которому спускают соленую воду, непригодную для орошения', *індікеш* 'нора' и т. д.

В казахском литературном языке имена прилагательные с уменьшительным значением на *-кене*, *-гене* образуются только от основ прилагательных: *кішкене* 'маленький, немного', *азғана* 'мало, немного', а в некоторых западных говорах в этом же значении употребляется слово *бітегене*. Однако его производящей основой является существительное *біте*, которое означает в мангышлакском говоре *шыбын-шіркей*, *құрт-құмырсқа* 'насекомое', в аральском говоре *күйе*, *қара күйе* 'моль'. Подобные образования от существительных встречаются в каракалпакском языке: *къас-къана//къас-кене* 'бровки', *кёз-гене* 'глазки'¹².

В казахском языке, как и в других тюркских языках, немало многовариантных аффиксов, однако, в словообразовании в литературном языке участвуют не все из них. Например, из вариантов аффиксов *-қау*, *-кеу*; *-сар*, *-сер*; *-қал*, *-ғал*, *-кел*, *-гел* функционируют только: *-қау* (*аңқау* 'наивный, простак', *жалқау* 'лентяй'); *-сар* (*аусар* 'легкомысленный', *аңсар* 'желание'); *-қал*, *-кел* (*шатқал*, 'узкое ущелье', *өткел* 'брод, переправа'). Остальные варианты этих аффиксов наряду с указанными участвуют в словообразовании в говорах, например: *-кеу* — *селкеу* вм. лит. *селқос/селсоқ* 'пассивный, равнодушный', *еңкеу* вм. *еңіс* 'уклон, спуск'; *-сер* — *кепсер* вм. *тесік ожау* 'шумовка', *күпсер* 'большой халат'; *-ғал*, *-гел* — *жырғал* 'наслаждение', *деңгел* 'доля, порция', *шоңғал* 'вершина горы' и т. д.

Решение ряда проблем казахского языкознания связано с изучением данных диалектного словообразования казахских говоров и их сопоставлением с фактами других тюркских языков. При современном состоянии развития говоров и диалектов тюркских языков многие зафиксированные в них элементы (не только специфические черты) ныне отсутствуют в общенародных и литературных формах этих языков. Однако, как показывают многочисленные факты самих говоров и диалектов, а также наблюдения тюркологов, эти диалектные явления не выходят за рамки внутренних групп тюркских языков или общетюркских соответствий¹³. Факты свидетельствуют о том, что диалектные особенности

¹¹ «Современный казахский язык», стр. 140; А. Ысқақов. Указ. раб., стр. 159.

¹² Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 179.

¹³ Е. И. Убрятова. Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков», Казань, 1960, стр. 38.

каждого тюркского языка, находясь в рамках общетюркских тенденций развития, взаимодействовали с другими тюркскими языками. Немало фактов, когда одни и те же явления в одних тюркских языках встречаются как диалектные, а в других — как общенародные или литературные. Такие диалектные слова как *мама* (*ағаш*) 'коновязь', *аң* 'яма', *шоң/чоң* 'большой', *тайеке* 'дядя по матери', *тайәже* 'сестра матери', *жағылан/жағлан/жақтап* 'войлочный, кожаный чемодан, сундук, который в старое время изготовляли из сыромятной кожи', *мұш* 'кулак', *жуырқан* 'одеяло', *мәмәле* 'согласие' [ДСКЯ], характерные для южных говоров казахского языка, в киргизском языке функционируют как слова литературного языка с учетом фонетических особенностей; например: *мамы, жыргал, аң, чоң, тай аке, тай еже, жагдан, муштум, жууркан, мамиле* [«Русско-киргизский словарь», 1944].

Укажем также формы ногайского языка, которые в казахском языке встречаются только как диалектные — форма направительного падежа личных и указательных местоимений: *мага* 'мне', *сага* 'тебе', *ога* 'ему'; причастная форма желательно-побудительного наклонения *-гай/-гей, -кай/-кей*: *алгай* 'да будет берущим'; послелог *ман/мен, бан/бен, пан/пен*; полная форма спряжения 1-го лица единственного числа *-ман/-мен*: *барганман, барыппан, бараман*; имена действия, образованные при помощи аффикса *-ги, -ки*: *берги* 'давание, желание дать', *ишки* 'питье, желание пить'; образование глаголов от глагольных основ при помощи аффикса *-кар*: *яткар* 'повалить' и т. д.¹⁴ Ср. в южных говорах казахского языка: *Ол қалтасындағы шақасын маға берді* 'Он монету (медную), имеющуюся в кармане, дал мне', *соға барасың* 'пойдешь к нему'; в кзылординском говоре: *баргай* 'чтобы ты пошел', *айтгай* 'чтобы ты сказал', *келгей* 'чтобы ты пришел'; в чуйском и чимкентском говорах послелог *ман/бан/пан* и их полные формы *мынан/манан, бынан/банан, пынан/панан* кроме того являются еще аффиксами инструментального падежа: ср. *ұл ман қыз* 'сын и дочь', *Мен пойыз-бан бардым* 'Я поехал поездом', *Біз арбамынан бардық* 'Мы ездили на арбе'¹⁵. В казахском говоре Каракалпакии *бараман*, 'я пойду', *жатырман* 'я лежу', *барыппан* вм. лит. *бардым* 'я пошел'¹⁶. В казахском говоре Туркмении и мангышлакском говоре при помощи *-қы, -ғы, -кі, -гі* образованы: *бергі* 'то, что должен дать, давание', *алғы* 'то, что должен взять', *жапқы* 'крытый', *бұтқы* 'укрепление'¹⁷. В урдинском говоре: *ішкі* 'спиртные напитки'¹⁸. К глаголам, образованным от глагольных основ, при помощи аффикса *-қар, -кер*, в казахском языке относятся лишь несколько слов: *жеткер* вм. лит. *жеткіз* 'доставляй, донеси; распределить что-нибудь так, чтобы хватило всем', *біткер* вм. лит. *бітір* 'заканчивай, кончай', *жатқар* вм. *жатқызы* 'укладывай', *озғар* вм. *оздыр, өткіз* 'упустить время, прожить', *өткер* вм. *өткіз* 'сдавай, пропусти'. Из них только *өткер* встречается в общенародном разговорном языке, остальные — в западных говорах казахского языка; например: *жеткер, біткер* — в аральском, *жатқар* — в казахском говоре Каракалпакии, *озғар* — в

¹⁴ «Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки». М., 1966, стр. 284—294.

¹⁵ О. Нақысбеков. Қазақ тілінің оңтүстік говорлар тобы. Алматы, 1982, стр. 58, 60, 70.

¹⁶ Н. Жүнісов. Халық тілінің жергілікті ерекшеліктері. Алматы, 1981, стр. 76.

¹⁷ Ә. Нұрмағамбетов. Указ. раб., стр. 111; С. Омарбеков. Қазақтың ауызекі тіліндегі жергілікті ерекшеліктер. Алматы, 1965, стр. 179.

¹⁸ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 425.

центральных говорах и т. д. Что касается остальных глаголов казахского языка с афф. *-қар, -кер*, то все они являются отыменными; например: *суғар* 'орошать, поить; докаливать (железо)', *ескер* 'напомнить, вспомнить', *оңғар* 'быть в удаче', *теңгер* 'делать равным; уравнивать', *аңғар* 'понимать, осматриваться, быть осторожным', *құтқар* 'освободить (от беды)', *атқар* 'исполнять, выполнять'. Имея в виду, что в киргизском языке *атқар* еще означает «сажать или подсаживать на лошадь», «отправлять», «выдавать замуж», Э. В. Севортян основой этого слова считает существительное *ат* 'конь, лошадь'¹⁹.

Слова и формы, ставшие в казахском языке литературными, в некоторых тюркских языках встречаются лишь как диалектными. К ним относятся (с учетом фонетических особенностей каждого языка) следующие производные слова в киргизских говорах — на *-ымсак*: *алымсак* 'покупатель, потребитель', *беримсек* 'долг'; на *-й*: *эней* 'уважительное обращение к свекрови', *эжей* 'бабушка', *жеңей* 'форма обращения к женщине старше себя' (в каз. *жеңгей*); на *-жан*: *акежан* 'папочка'; названия предметов: *айна* 'зеркало', *байчечек* 'подснежник' (в каз. *байшешек*), *жонучка* 'клевер', *көзүлдүрүк* 'очки', *шапалак* 'ладонь', *алжапкыш* 'передник, фартук'; заимствованные монгольские слова: *кедерги* 'препятствие', *кунажин* 'матка по третьему году', *мегежин* 'свиноматка', *дүлей* 'глупый, полоумный' и др.²⁰

Производные слова в айском, аргаяшском говорах башкирского языка на *-ма*: *кыйма* 'толстая кишка' (ср. выражение в казахском языке *қимаң қышып бара ма, тыныш отыр* 'сиди спокойно, обойдется без тебя'), *катырма* 'пресный хлеб'; на *-как*: *кайыскак* 'корка на родничке новорожденного', *йарғак* 'шуба без верха'; на *-сылык*: *барсылык* 'достаток', *йуксылык* 'бедность'; на *-елтерек*: *күзелдерек* 'очки', *һағалдырык* 'подбородник из серебряных монет' (в каз. 'подбородник узды') и др.²¹

Производные слова в восточно-кыпчакских говорах узбекского языка на *-я, -к, -ың, -ик, -як*: *жерик* 'прихоть (у женщин в период беременности)', *жүйрүк* 'быстроногий', *жийяк* 'кант', *борык* 'стебель джугары' [в каз. 'нежная часть стебля (в воде) растений, подобных камышу'], *отрик* 'ложь', *жүйүк* 'перстень' и т. д.²²

Следует отметить, что диалектный характер некоторых форм и слов свойствен не одному языку, а их группе. Например, аффикс *-сыңыз, -сіңіз* характерен не только для юго-западных говоров казахского языка, но и для северо-западного диалекта башкирского языка (*-сығыз/-сегез*), среднего диалекта татарского языка (*-сығыз*), акногайского диалекта ногайского языка (*-сыңыз*)²³. Функционирование двойных аффиксов принадлежности *-ы/-сы, -і/-сі* вм. лит. *-ы/-і* встречается как диалектное явление в казахском и башкирском языках. Ср. в южных говорах казахского языка: *оның үй мүлкісі* (вм. *мүлкі*) 'его домашнее имущество'²⁴. В казахском говоре Туркмении: *Үшісін де өзің алмақсың*—

¹⁹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 260.

²⁰ Б. М. Юнусалиев. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, стр. 182, 183, 218 и др.

²¹ Н. Х. Максүтова. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). М., 1976, стр. 47, 111, 113, 114.

²² Х. Данияров. Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1977, стр. 35.

²³ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975, стр. 97.

²⁴ С. Аманжолов. Указ. раб., стр. 253.

ау (вм. *үшеуін де*) 'Хочешь взять все три'²⁵. В говоре башкир Саратовской и Куйбышевской областей: *Тырақтырлар курс-ы-һы-на бар* (вм. башк. лит. *курс-ы-на*)²⁶ 'Иди на курсы трактористов'. Указанная форма инструментального падежа *-ман, -бан, -пан* некоторых южных говоров казахского языка встречается во всех джекающих говорах узбекского языка: *батырман* 'с богатырем', *палванман* 'с борцом'²⁷.

Имеется немало общих диалектных слов в южных говорах казахского и киргизского языков: *қағылға* (жир. *каалга*) 'дверь юрты', *шырдамал* 'стеганая кошма', *айым* 'красивая, милая' [ДСКЯ], *айуан* 'веранда', *таға* 'родственник по матери', *ақта* 'мерин', *ақжула* 'подаяние зерном нищим, сиротам во время молотьбы (до революции)' и т. д.²⁸ Такие примеры характерны для всех переходных говоров казахского языка.

Небезынтересна проблема новообразований в говорах. Здесь не имеются в виду неологизмы, вошедшие во все говоры из литературного языка в советское время, такие как: *совет, колхоз, совхоз, үндеу* 'обращение', *жарыс* 'соревнование', *еңбеккүн* 'трудодень', *екпінді* 'ударник', *мекеме* 'учреждение', *санақ* 'перепись', *үгіт* 'агитация', *звено, участок, пенсия* и др. Эти слова относятся к тем явлениям, которые отражают сближение литературного языка и диалектов (говоров). «Современная диалектология оперирует таким понятием, как диалектное развитие. Под ним понимается такое явление языка, которое в отдельных говорах выступает в различных вариантах»²⁹. Это можно хорошо проиллюстрировать на примерах образования неологизмов в говорах. В казахском языке после Октябрьской революции появилась масса неологизмов, однако не все они вошли в литературный язык. Ряд неологизмов возник только в говорах, например: *мүшелікке ілесу* вм. *мүше болу* 'быть членом (организации, общества)', *жар газеті* вм. *қабырға газеті* 'стенная газета', *көрсетпе* вм. *нұсқау* 'указание', *ұштық* вм. *қалам ұш* 'перо', *жатыс күн* вм. *демалыс күн* 'день отдыха, воскресенье', *шара көру* вм. *шара қолдану* 'принимать меры' и т. д. Некоторые из них выступают в различных вариантах: *жар газеті* имеет еще варианты *кереге газеті, дуал газеті; жатыс күн — өттік* (от рус. *отдых*), которые употребляются параллельно с литературными формами. Такие неологизмы часто проникают на страницы местной печати: *Биыл сулыя егіске* (вм. лит. *суармалы егіске*) *9 шығыр жұрылды* («Социалистик ауыл», газета Байганинского района Актюбинской области) 'В этом году для орошения полей установлено 9 чигиров (ворот, сооружение для полива полей)'. *Ақты салумен* (вм. *акты жасаумен*) *тынып отыр* («Еңбек», газета Рузаевского района Кокчетавской области) 'Ограничились составлением акта'. *Бұл үшін... жар газеттері ұйымдастырылсын* («Ойыл», газета Уйльского района Актюбинской области) 'Для чего... пусть выпускаются стенные газеты'.

Таким образом, изучение проблем диалектного словообразования выявляет не только специфические особенности образования, функционирования производных слов, характерных для конкретных говоров и диалектов, но и те внутренние взаимоотношения, которые возникают между соседними контактирующими тюркскими языками.

²⁵ Ә. Нұрмағамбетов. Указ. раб., стр. 125.

²⁶ У. Ф. Надергулов. Говор башкир Саратовской и Куйбышевской областей. Автореф. канд. дисс., 1979, стр. 13.

²⁷ Х. Данияров. Указ. раб., стр. 33.

²⁸ Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 214, 218 и см. словарь; О. Нақысбеков. Указ. раб., стр. 77, 78, 88, 91.

²⁹ «Русская диалектология». М., 1972, стр. 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акт.* — Актюбинская область.
Алм. — Алма-Атинская область.
аральск. — аральский говор казахского языка.
Джамб. — Джамбулский район Алма-Атинской области.
ДСКЯ — «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алматы, 1969.
Еяб. — Еябекши-Қазахский район Алма-Атинской области.
кзг. — казахский говор в Туркмении.
ман. — мангышлакский говор казахского языка.
-

Н. И. ПОПОВА

ЗАЛОГИ В ЯКУТСКИХ ПРИЧАСТИЯХ

В области атрибутивного употребления тюркских причастий все еще остается дискуссионным вопрос о категории залога. Специфической особенностью тюркских причастий с нулевым показателем залога является их способность служить определением как при имени, обозначающем субъект действия, так и при имени с объектным значением¹: як. *улэлиир киһи* 'человек, который работает', *иһэр уу* 'вода, которую пьют; питьевая вода'.

На категорию залога в тюркологии существует ряд различных точек зрения. Одни исследователи трактуют залог как форму словообразования, выражающую отношение между объектом и субъектом действия². Другие считают его лексико-семантической категорией, выражающей отношение самого действия к субъекту и объекту³. И, наконец, третьи относят его к лексико-грамматической категории.

В якутском языкознании категории залога в причастиях специальных работ не посвящалось. В монографии Л. Н. Харитонова именные формы глагола анализируются без надлежащего учета специфики грамматической природы залога⁴.

Настоящая статья посвящена исследованию атрибутивной функции якутских причастий в связи с категорией залога⁵.

В якутском языке насчитывается более десяти причастных форм. В качестве предмета исследования нами выделены пять из них. Это так называемые первичные по образованию причастные формы, имеющие соответствия в других тюркских языках и все в равной степени продуктивные и полифункциональные, оканчивающиеся на *-ар*, *-бат*, *-быт*, *-батах*, *-ыах*.

В результате анализа атрибутивных конструкций, образуемых данными причастиями, удалось установить, что причастное определение с нулевым показателем залога может выражать не только субъект и объект, но и место и время действия; например: 1) определяемое — субъект

1. С. Н. Иванов. Категория залога в причастиях узбекского языка. — В кн.: «Исследования по истории культуры народов Востока». Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, стр. 196—201.

2. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 179.

3. Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951, стр. 3.

4. Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М., 1963.

5. Автор пользовался методом изучения тюркских причастий, примененным в работах: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959; его же. Курс турецкой грамматики. Ч. 2, Л., 1977; его же. «Родословное древо тюрков» Абу-л-газихана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969.

ект действия, выраженного причастием: *көрөр харах* 'глаза, которые видят'; *истэр кулгаах* 'уши, которые слышат'; 2) определяемое — прямой объект действия, выраженного причастием, который в позиции управляемого дополнения стоял бы в основном или винительном падеже: *иһэр уута* 'вода, которую он пьет' — *кини уу(ну) иһэр* 'он пьет воду'; *кэтэр соно* 'пальто, которое он носит' — *кини сон(у) кэтэр* 'он носит пальто'; 3) определяемое — косвенный объект действия, выраженного причастием, который в позиции управляемого дополнения стоял бы в:

- а) дательном падеже, б) исходном падеже, в) орудном падеже:
 - а) *кини ымсыырбат олобо* 'жизнь, которой человек не позавидует', *кини бу олоххо ымсыырбат* 'человек, не позавидует этой жизни';
 - б) *кымыс иһэр чороон* 'чорон, из которого пьют кумыс', *кымыһы бу чороонтон иһэлэр* 'кумыс пьют из этого чорона';
 - в) *киирбит халбана* 'дверь, в которую он вошел', *кини бу халбанынан киирбит* 'он вошел в эту дверь';
- 4) определяемое — время действия, выраженного причастием: *өлөр күнэ* 'день, когда он умрет'; *оскуоланы бутэрэр сыла* 'год, когда он заканчивает школу'; 5) определяемое — место действия, выраженного причастием: *барар сирим* 'место, куда я отправляюсь'; *бартыһааннары көмпүт сирдэрэ* 'место, где похоронили партизан'.

Из приведенного выше следует, что связь между значением залога и определяемым атрибутивного словосочетания выходит далеко за пределы субъектно-объектных отношений. И, если, по аналогии с русским языком, видеть значение залога в осуществлении им связи определения и определяемого, то там, где определяемое по отношению к причастному определению обозначает место и время действия, обнаружить такую связь вообще невозможно.

Якутский материал подтверждает факты, выявленные в связи с залоговым употреблением причастий в других тюркских языках. Можно смело утверждать, что залог причастий в якутском языке также мало зависит от значения определяемого по отношению к определению, и связь причастий с определяемым строится на иной основе, нежели категория залога⁶. Между тем, некоторыми исследователями залоговое значение причастий в определительных сочетаниях без специального залогового показателя, на основании объектного (по отношению к причастному определению) значения определяемого⁷, трактуется как страдательное.

В современном якутском языке, как и в других тюркских языках, активно функционирует пять залоговых форм причастий. Наибольший интерес для изучения представляет в силу своей дискуссионности соотношение действительного и страдательного залогов. Попробуем выяснить те реальные условия, при которых употребляется тот или иной залог во всех возможных типах определительных оборотов, образуемых якутскими причастиями.

Установлено, что синтаксические функции действительного и страдательного залогов в причастных формах достаточно четко разграничены. Действительный залог, независимо от значения определяемого, употребляется во всех тех случаях, когда субъект действия, выраженного причастной формой, обозначен: 1) местоимением или именем существительным в основном падеже и аффиксом принадлежности при опреде-

⁶ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 51—90; его же. Курс турецкой грамматики, стр. 35—50; его же. «Родословное древо тюрков» Абу-л-гази-хана, стр. 117—133.

⁷ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика. Морфология, ч. I, М., 1952, стр. 346—349.

ляемом; 2) только аффиксом принадлежности при определяемом; субъект действия в таких случаях не совпадает с подлежащим того предложения, в состав которого входит атрибутивный оборот. При этом определяемыми могут быть слова, различные по своему значению, обозначающие: 1) объект действия; 2) место действия; 3) время действия. Например: 1) *Мин көрөр киһим* 'человек, которого я вижу'; 2) *Мин олоһор дьиэм* 'дом, где я родился'; 3) *Мин төрөөбүт сылым* 'год, когда я родился'. Соответственно вместо местоимений может стоять любое существительное в основном падеже.

Данные условия совершенно неприемлемы для страдательного залога, который обязателен при тех же типах определяемого в том случае, если субъект действия, выраженного причастной формой, в данном предложении отсутствует: 1) определяемое — объект действия, выраженного причастием: *Мин хантан эрэ а алыллан быра ыллыбыт дулунна олордум* 'Я сел на бревно, которое откуда-то принесли и бросили'; 2) определяемое — место действия, выраженного причастием: *Итиннэ балыктаммат сир* [1, 236] 'Это место, где рыбу не ловят'; 3) определяемое — время действия, выраженного причастием: *...немецкэй-фашистскай оккупаннар сэриилэрэ, модун куустээх Советскай держава столицатыттан ыраах собуруу сыбаллыбыт кэмнэрэ буолан...* '...так как наступило время, когда войска немецко-фашистских оккупантов были отнесены далеко на юг от столицы могучей Советской державы...'.

Возможность употребления обоих залоговых вариантов в причастиях при одних и тех же типах определяемого подтверждает еще раз тот факт, что залоговые причастия совершенно независимы от значений определяемого. Противопоставлены же они друг другу как формы с определенно-личным значением, где причастие действительного залога всегда соотносено с субъектом действия и с неопределенно-личным значением действия, без соотношения его с конкретным производителем.

Наряду с этим в якутском языке, как и в других тюркских языках, существует способ грамматикализованного устранения неопределенности лица, связывающий собственно страдательное значение в причастии с показателем страдательного залога. Это — способ описательного выражения действующего лица, образуемый при помощи орудного падежа имени существительного, обозначающего субъект действия: *Сирэйэ бүтүннүү түүнэн буруллубут киһи* 'Человек, лицо которого сплошь покрыто шерстью'; *Илиинэн суруллубут сурунаалбытын таһаардыбыт* 'Мы выпустили журнал, который был написан от руки'.

Данная конструкция употребляется только в тех случаях, когда определяемое обозначает объект действия, выраженного причастной формой. Следовательно, данный способ служит выражению субъекта действия при страдательном залоге причастия, противопоставляя активные и пассивные определительные обороты: а) обороты, у которых определяемое является субъектом действия, выраженного причастием в действительном залоге; б) обороты, у которых определяемое является объектом действия, выраженного причастием в страдательном залоге; например: а) *сири тиэрбит массыына* 'машина, вспахавшая поле', б) *масыынанан тиэриллибит сир* 'земля, вспаханная машиной'.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Действительные и страдательные причастия противопоставляются как атрибутивные формы, соответственно выражающие определенно-личное и неопределенно-личное действия: а) когда субъект действия специально обозначен в определительном обороте — употребляется только действительное причастие; б) когда субъект действия неизвестен — употребляется только страдательное причастие.

2. Данные залоговые варианты причастий противопоставляются друг другу как причастия действительного и страдательного залогов в собственном смысле этих наименований, то есть как глагольные образования, формирующие активные и пассивные обороты.

В первом случае категория залога выражает отношение действия к субъекту — наличному или устраненному (соответственно — действительный и страдательный варианты причастных форм), и к объекту, через отсутствие субъекта.

Во втором противопоставлении залог выражает отношение действия к субъекту (активные обороты) или объекту (пассивные обороты)⁸.

⁸ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 71—72.

М. С. ВОРОНКИН

О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Изучение диалектных особенностей якутского языка началось еще до революции. Тогда и были предприняты первые попытки выделить группы говоров.

Основоположником письменной якутской литературы А. Е. Кулаковским, занимавшимся сбором материалов по диалектной лексике, впервые была предпринята попытка классифицировать говоры якутского языка. Сравнивая между собой последние, он отмечал, что оймяконский говор сходен с баягантайским и сеимчанским, намский — с борогонским и дюпсюнским, олекминский — с вилюйским, колымский — с абыйским и усть-янским, восточно-кангаласский — с западно-кангаласским. Подобная группировка говоров объяснялась автором рядом причин. Так, оймяконцы и сеимчанцы были связаны «общностью происхождения». Намцы, борогонцы и дюпсюнцы когда-то составляли один улус. Вилюйчане «в течение столетия обганивали Якутско-Иркутский тракт, пролегающий через Олекминский округ»¹.

Другой исследователь говоров якутского языка С. А. Новгородов в статье «К вопросу о говорах в якутском языке», опубликованной спустя шестьдесят лет после ее написания, рассматривал говоры в двух аспектах: фонетическом и семасиологическом. С фонетической точки зрения им выделялись два главных говора якутского языка; 1) *ль* (или акающие *a—ы*): «Олекминский округ; по Якутскому: приленские наслеги обоих Кангаласских и Мегинских улусов, Намский, Борогонский, Дюпсюнский и Баягантайский улусы, соседние с последним наслеги Таттинского и Батурусского улусов; по Верхоянскому округу Верхоянский улус»² 2) *ддь* (или окающие *o—y*): «по Якутскому округу: Амгинский улус; Батурусский улус без северо-западных наслегов, примыкающие к этим улусам наслеги Мегинского и Восточно-Кангаласского улусов, Таттинский улус без наслегов, смежных с Баягантайским улусом; по Вилюйскому округу: Хочинский, Сунтарский, Мархинский, Верхне-Вилюйский и Средне-Вилюйский улусы»³. С. А. Новгородовым впервые была определена территория распространения акающих и окающих говоров.

Основные положения данной статьи изложены автором в «Очерке якутской диалектологии» (на якутском языке, Якутск, 1980).

¹ А. Е. Кулаковский. Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946, стр. 76.

² С. А. Новгородов. Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма. М., 1977, стр. 37.

³ Там же.

После Октябрьской революции изучение якутского языка было поставлено на научную основу и обрело систематический характер. С 1950 года Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР стал регулярно проводить диалектологические экспедиции в районах республики и составлять первичные лингвистические описания говоров. К концу 50-х годов фронтальным обследованием были охвачены 25 районов республики⁴. В результате был собран значительный диалектологический материал, позволивший приступить к классификации говоров.

В 1961 году П. П. Барашков предложил классификацию говоров, разделив их «на три основные группы: 1) группу акающих говоров намско-усть-алданского типа, 2) группу окающих говоров кангаласско-вилюйского типа и 3) группу окающих говоров мегино-таттинского типа»⁵.

Классификация говоров была произведена П. П. Барашковым исключительно на основе лингвистических признаков (по два признака на уровнях фонетики и морфологии и восемь контрольных слов по лексике)⁶, что соответствовало тогдашнему уровню изученности диалектов якутского языка. Эта классификация была использована в «Грамматическом очерке якутского языка», написанном Е. И. Убрятовой для «Якутско-русского словаря» (М., 1972, стр. 604—605).

Следует отметить, что П. П. Барашков и в другой своей работе⁷ придерживается предложенной им классификации. Однако в последней работе из ареала намско-алданской группы говоров исключены северо-восточные районы, а из ареала кангаласско-вилюйской группы говоров — северо-западные районы. Названная триада говоров рассматривается автором как исходная, первичная, на основе которой представляется возможным образование других диалектных подразделений⁸. Причем автор рассматривает проблему в диахроническом аспекте.

Со времени опубликования первой статьи П. П. Барашкова изучение говоров якутского языка было успешно продолжено. К середине 60-х годов завершилось фронтальное обследование почти всех якутоязычных районов республики (29 из 32). Была направлена диалектологическая экспедиция и за пределы республики: к есейским якутам и долганам полуострова Таймыр Красноярского края. Собранные материалы легли в основу описаний говоров и нескольких монографий⁹.

Перед якутской диалектологией встали новые задачи: создание работ обобщающего характера, составление словаря по диалектной лексике, углубленное изучение говоров по зонам, внедрение лингвогеографического метода исследования говоров и т. д.

К концу 60-х годов было завершено составление «Диалектологического словаря якутского языка», который в 1976 году был издан в Москве (составители: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев). В этом словаре нашла отражение вся диалектная лексика, зафиксированная с дореволюционных времен до наших дней. Однако экспедицион-

⁴ П. П. Барашков. К вопросу о классификации говоров якутского языка. — В кн.: «Сборник диалектологических материалов якутского языка». Якутск, 1961, стр. 10.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 10—12.

⁷ П. П. Барашков. К вопросу о возникновении говоров и диалектов якутского языка. — В кн.: «Якутский филологический сборник», Якутск, 1976, стр. 105—120.

⁸ Там же, стр. 110.

⁹ Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960; П. С. Афанасьев. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965; М. С. Воронкин. Есейский говор якутского языка. Канд. дисс., 1965; П. П. Барашков. Фонетические особенности говоров якутского языка в сравнительно-историческом освещении. Рукопись, 1965 (Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, ед. хр. 73).

ними поездками последних лет были выявлены новые диалектные слова (и этот процесс продолжается), и в перспективе представляется необходимым составление нового, более полного, уточненного диалектологического словаря якутского языка.

В 70-е годы диалектологи Якутии приступили к лингвогеографическим исследованиям. П. П. Барашков и С. А. Иванов составили лингвистическую карту распространения акающих и окающих говоров якутского языка, а также карты по центральной группе говоров. В настоящее время они работают над картографированием северо-восточных говоров.

Одновременно проводилось и монографическое изучение говоров якутского языка. В результате в 1980 году в Якутске был издан «Очерк якутской диалектологии», где приведена, несколько отличающаяся от предложенной ранее, предварительная классификация говоров якутского языка на основе материалов, собранных по единой анкете во всех якутскоязычных районах республики.

Диалекты якутского языка начали образовываться на «месте первоначального расселения якутов», характеризуясь аканьем и оканьем¹⁰. Этот процесс получил более широкое развитие в связи с распространением якутского языка в иноязычной среде и обособленным его бытованием в отдаленных районах обширной территории¹¹. Таким образом, в образовании диалектных особенностей якутского языка основную роль сыграли факторы иноязычного влияния, а также специфика локального культурно-хозяйственного развития языкового коллектива, связанного с историко-географическими условиями.

Н. А. Баскаков относит диалектную систему якутского языка ко второй подгруппе третьего типа диалектных систем тюркских языков, для которой характерна неоднородность этнического состава. А к третьему типу (В) в целом относятся «диалектные системы конкретных языков тюркских народов, полностью утративших следы родоплеменного членения и родоплеменные названия... Диалекты же этих языков дифференцируются уже только по территориальным признакам»¹². О якутском языке Н. А. Баскаков пишет следующее: «якутский (подвергнувшийся значительному воздействию монгольского и эвенкского языков) с диалектами: 1) центральной группой диалектов (окающим и акающим), 2) вилуйской группой с олекминским говором, 3) верхоянским говором и 4) долганским диалектом (разрядка наша. — М. В.) этнической группы долган, представляющих собой в подавляющем большинстве оякутившихся эвенков»¹³. Принципиально важными представляются здесь два момента: отсутствие следов родоплеменного членения, обусловившее дифференциацию диалектов по территориальным признакам, и иноязычное влияние.

На основе изучения и систематизации материалов, зафиксировавших особенности говоров, нами предлагается следующее диалектное членение:

1) северо-западная группа говоров: долганский диалект и есейский говор якутского языка — за пределами республики; анабарский говор (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с эйикским подговором), булунский и жиганский говоры, из которых два последних переходные;

¹⁰ Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 3—24, 38—49; С. А. Иванов. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980, стр. 83—100.

¹¹ Там же, стр. 12.

¹² Н. А. Баскаков. Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 7.

¹³ Там же, стр. 8. Е. И. Убрятова считает язык долган самостоятельным языком (см.: Е. И. Убрятова. О языке долган. — В кн.: «Языки и фольклор Сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 41—68).

2) вилюйская группа говоров: вилюйский (с заречным подговором), нюрбинский, сунтарский (с садынским подговором) говоры; территории Олекминского, Ленского и Кобяйского периферийных районов, относящиеся по всем признакам к данной языковой группе;

3) центральная группа говоров: территории Намского, Горного, Орджоникидзевого, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского, Алексеевского, Чурапчинского и Усть-Майского районов, которые пока не расчленены на говоры;

4) северо-восточная группа говоров: верхоянский говор; территории современных Оймяконского, Усть-Янского, Момского, Абыйского, Аллаиховского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов, а также якутскоязычных районов Магаданской области.

Подобная группировка говоров якутского языка (подобно говорам и других тюркских языков¹⁴) основана на территориально-лингвистическом принципе. Каждая диалектная зона, охватывающая определенную группу говоров, характеризуется особенностями территориального и лингвистического порядка. В территориально-историческом плане выявляются нижеследующие особенности.

Северо-западная зона отличается от северо-восточной тем, что она в прошлом не имела непосредственной связи с центром, аборигенами здесь были эвенки, что наложило соответствующий отпечаток на все стороны здешней культурно-экономической жизни.

Вилюйская группа локализована на промежуточной территории между северо-западной и центральной зонами, расположенной по течению крупнейшего притока Лены — Вилюю. Природные условия здесь почти такие же, как в центральных районах республики, занятие населения — скотоводство и земледелие. По сравнению с центром, здесь более широко развиты охота и рыболовство. Данная зона экономически развивалась несколько обособленно: не было регулярной связи с центром.

В ином положении находится центральная зона, расположенная по среднему течению Лены. Именно здесь со времен Омогоя и Элляя, легендарных прародителей якутов, зарождалась и развивалась культура якутского народа. Здесь был основан город Якутск русскими землепроходцами. Эта зона отличалась относительно высоким уровнем развития экономической и культурной жизни, и жители северных районов почти-тельно называли ее *Dojdu* 'мир', 'свет', *Зоку:skaj* 'Якутск' (по названию города).

Северо-восточная зона, охватывающая районы, расположенные по рекам Яне, Индигирке и Колыме, была связана с центром, однако на отдаленные ее пределы (районы Колымы) его влияние почти не распространялось. Кроме того, аборигенами здесь являются другие северные народности: эвены, юкагиры и чукчи, культурно-экономическое развитие которых носит своеобразный характер.

Описанные выше особенности, по всей видимости, и послужили предпосылкой для зарождения соответствующих диалектных черт. Ниже приводятся лингвистические признаки, характеризующие указанные зоны.

Северо-западная группа говоров

В области фонетики: 1) нейтральный *i*: *ata:ki* вм. *ata:ky* 'паук', *arigi* вм. *аругу* 'вино'; 2) *y~i*: *syraǰ* вм. *sirej* 'лицо'; *p'yrǰa* вм.

¹⁴ М. Ш. Ширалиев. О проблеме языка и диалекта. — В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 34—40; Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова. О диалектном членении татарского языка. Там же, стр. 60.

n'irej¹⁵ 'теленек, младенец'; 3) *ö:~üö: tögö:-* в м. tögüö- 'рожать'; 4) *g~γ: algas* в м. *alyas* 'ошибка, промах'; 5) *b~m: bu:s* в м. *mu:s* 'лед'; 6) *j~n': an'ax//ajax* 'рот'; 7) *č~t: üčehe* в м. *ütehe* 'рожон'; 8) прогрессивная ассимиляция: *xs>xx: baraxxan* в м. *baraxsan* (частица модальная); *l'ž>l'l': yal'l'yt* в м. *yal'žyt* 'гость'; 9) неподверженность явлениям назализации и деназализации: *baɣana* в м. *taɣana* 'столб', *maɣan* в м. *taɣan* 'белый'; 10) стяжение имен: Ара: (Афанасий), Uju: (Иван), Rogu: (Проконий), Mitik (Дмитрий) и т. д.

В области грамматики: 1) распространен эвенкийский аффикс *-ka:n: uolka:n* 'паренек', *kuaraɣaska:n* 'узенкый'; 2) нередко встречается раздельное употребление сложных слов: *olox mas* в м. *oloppoos* 'табурет', *bu kühün* в м. *bügühün* 'этой осенью'; наблюдаются сложные слова местного образования: *hajdiek* в м. *haja dieki* 'куда, где'; *ilečči* в м. *ile čaxču* 'действительно, на самом деле' и т. д.; 3) в ряде слов форма множественного числа образуется с помощью двойного аффикса (*-t+-lar*): *küöletter* в м. *küöller* 'озера'; слово *kihī* 'человек' принимает форму множественного числа (*kihiler*); 4) отмечается около двадцати имен, притяжательная форма которых необычна: *köxsüte* в м. *köxsö* 'его спина', *tördüte* в м. *tördö* 'его предок'; 5) встречаются случаи двойного склонения имени: *mu:laly:ny* от *mu:la* 'мыло' (*-ly:n* — аффикс совместного падежа *+y* — аффикс винительного падежа); 6) широко употребляется возвратная форма глагола: *ülelen-* — возвратная форма от *ülele-* 'работать'; *bultan-* — возвратная от *bulta-* 'охотиться'.

В области лексики: 1) архаизмы: *abyrat-//abarat-* 'рубить, колоть дрова'; 2) эвенкизмы: *i:redi*: 'белая куропатка', *ata:ki*: 'паук'; 3) русизмы: *be:kke* 'челнок, ветка'; *do:sko* 'дощатый настил на оленьих нартах'; 4) семантические диалектизмы: *atax* 'обувь' (в литературном языке: 'нога'); *byaɣ uaɣu:ta* 'желудочно-кишечные заболевания' (в литературном языке: 'болезнь печени').

Вилюйская группа говоров

В области фонетики: 1) *ö:~üö: törö://törüö; ögö://ögüö* 'отдыхать (один день)'; 2) *b~m: bu:s//mu:s, ubat-//umat-* 'зажигать, разжигать'; 3) *j~n': ajax//an'ax*; 4) *b~g: күрге//kü:rge* в м. *kürbe* 'мост'; *uga* в м. *uba* 'ручка его'; 5) прогрессивная ассимиляция: *xs>xx: baraxsan//baraxxan*; 6) sporadически встречаются явления назализации и деназализации: *baɣana//taɣana, maɣan//taɣan*.

В области грамматики: 1) сложные слова типа *oloppoos* (*olox mas*), *oɣurduk* (*ol kurduk*) 'так, таким образом' употребляются чаще, чем на северо-западе; 2) эпизодически наблюдается употребление форм: *köxsüte* в м. *köxsö*, *tördüte* в м. *tördö*; 3) редки случаи двойного склонения имени: *uolupa:ny* от *uol* 'сын, мальчик' (*-na:n* — аффикс совместного падежа *+y* — аффикс винительного падежа); 4) по сравнению с центральными говорами чаще употребляется возвратная форма глагола: *ülelen-, bultan-*.

В области лексики: 1) эвенкизмы: *kujabyl* 'берестяной сосуд для сбора ягод с кустов'; 2) русизмы: *saraɣ* 'крыша', *хогсиорра* 'рыночная продажа мяса скотины летнего забоя', *n'arɣala:skaɣ* 'гималайский

¹⁵ *n'* (в якутском языке обозначается через *нь*) — «среднеязычный носовой смычный сонант. При артикуляции *нь* средняя часть языка образует смычку с передней частью твердого неба, но не касается передних зубов, иногда и альвеол. Кончик языка находится у нижних передних зубов» (см.: Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка: консонантизм. Якутск, 1977, стр. 21).

ячмень'; исконно якутские: *keye kulga:ya* 'подснежник', *uhugula:-* 'быть зачинщиком, инициатором чего-либо'.

Следует отметить, что описанные зоны имеют некоторые общие черты, проявляющиеся на разных уровнях. Для них, например, характерно: оканье (в фонетике); употребление усилительно-просительного варианта повелительного наклонения: *baɣu:j-*, *baɣa:ɣu:j-* 'иди ты, пожалуйста' (в грамматике); *alaŋa:* 'лук, самострел'; *sojutar* 'заварной чайник', *čeŋkiŋ* 'всегда, исключительно' и т. п. (в лексике).

Центральная группа говоров

В области фонетики: 1) *y~i:* *sirej* в м. су. *ɣaj*, *p'irej*//*p'i:rej* в м. *p'ɣaj*; 2) *y~a:* *upaɣ*//*apaɣ* 'корова'; 3) *ö:~üö:* *törö:-*//*törüö-*, *ögö:-*//*ögüö-*; 4) *b~m:* *mu:s* в м. *bu:s*; 5) *j~n'*: *ajax*; 6) *č~t:* *ütehe* (кроме Алексеевского района) в м. *üčehe*; 7) *l~d:* *dabaɣxaj*//*labaxxaj* 'древесная смола'; 8) выражены явления назализации и деназализации: *taɣapa*//*ħaɣapa*, *taɣap*//*taŋap*.

В области грамматики: 1) употребление сложных слов типа *oloppos*, *oɣurduk* регулярное, первое (*oloppos*) выглядит как норма; 2) с одним *ŋ* и *n* употребляются формы: *kuŋuŋu* в м. *kuŋuŋŋu* 'зимний', *bügüŋü* в м. *bügüŋŋü* 'сегодняшний'; *bardynaɣ* в м. *bardynpaɣ* 'пусть идут', *čieste:tinner* в м. *čieste:tinner* 'пусть чествуют'.

В области лексики: *ieteter*//*iedeter* 'круглая мутовка', *aɣza:x*//*aɣza:na* 'полка перед очагом', *xoɣuol*//*xaɣuol* 'чучело-манок для охоты на уток', *küökeger* 'утка-шилохвостка', *böyö atax* 'филин-пугач', *ehiŋ* 'цапля' и т. д.

Северо-восточная группа говоров

В области фонетики: 1) в ряде слов присутствует звук *š*, не свойственный якутскому языку: *tabyšxa:n* в м. *tabyšxa:n* 'заяц', *saršyn* в м. *sarsyn* 'завтра'; 2) *ö:~üö:* *törüö-* в м. *törö:-*, *örüö-* в м. *örö:-*; 3) *b~m:* *bu:s*//*mu:s*; 4) *j~n'*: *ajax*//*an'ax*; 5) *l~d:* *labarxaj*//*labaxxaj* в м. *da-baɣxaj*; 6) прогрессивная ассимиляция: *l'ž>l'p'*: *yal'yt* в м. *yal'žyt*; 7) явления назализации и деназализации особенно слабо развиты на Колыме.

В области грамматики: 1) употребляются аффиксы *-ka:n*, *-nža:*: *ta:ska:n* 'камешек', *ulaɣanža:* 'огромный'; 2) как и на северо-западе, доминирует раздельное употребление сложных слов: *olox mas* в м. *oloppos*, *ol kurduk* в м. *oɣurduk*; однако получили распространение сложные слова местного образования: *xajɣyl* (из *xaja ky:l*) 'что? какой? как?'; *sorohottor* (из *sirej sottor*) 'полотенце' и т. д.; 3) у некоторых имен наблюдается употребление двойного аффикса множественного числа: *küöletter* в м. *küöllor*, *yalattar* в м. *yallar* 'соседи'; слово *kihj* также принимает форму множественного числа (*kihiler*); 4) встречаются имена с необычной притяжательной формой: *köxsüte* в м. *köxsö*, *mo:nn'uta* в м. *mo:nn'ö* 'его шея'; 5) с двумя *ŋ* употребляются прилагательные типа: *allaga:ŋŋu* в м. *allaga:ŋu* 'находящийся внизу'; *kiehe:ŋŋi* в м. *kiehe:ŋi* 'вечерний'; 6) употребляется возвратная форма глагола: *bultan-*, *ülelen-*, *utaŋ-* (возвр. от *uta:-* 'плакать').

В области лексики: *utuag* 'лестница', *ügbe* 'мочевой пузырь', *xaɣa žabažu* 'тундровая куропатка'; архаизмы: *aɣa:* 'зад, задняя сторона'; *xobu:l* 'ясли для коров и телят'; семантические диалектизмы: *tuɣu-ɣax* 'копыто' (в литературном языке: 'ноготь'); *ügex* 'река' (в литературном языке: 'речка').

Также обнаруживаются общие черты для последних двух зон — восточного ареала якутского языка. Но они неустойчивы и менее последовательны, чем в первых зонах — западном ареале якутского языка. К числу этих черт могут быть отнесены аканье и развитость регрессивной ассимиляции, за некоторыми исключениями, наличие отдельных слов (тохсуо 'городки', устаҕа 'прыжки в длину' и т. д.).

* * *

Диалектное членение якутского языка построено, в основном, на данных первичного фронтального обследования всего ареала распространения якутского языка. Некоторые уточнения и дополнения в виде членения на конкретные говоры в пределах западного ареала сделаны в результате монографического его исследования. Выделение говоров внутри восточного ареала представляется делом ближайшего будущего.

Предлагаемую классификацию говоров считаем предварительной, ибо еще не проведено сплошное картографирование диалектных различий якутского языка, данные которого послужили бы надежной основой для группировки говоров. По этой классификации практически строятся ареальные диалектологические исследования якутского языка.

Э. А. УМАРОВ

О ГЛАСНЫХ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XV ВЕКА

После кончины Алишера Навои (1441—1501) правитель Хорасана Султан Хусейн, воздавая должное его огромным заслугам в развитии литературы, искусства и науки, решил увековечить имя поэта. В частности, он повелел ученым-лексикографам создать словари к произведениям Алишера Навои. Нам известны пока четыре из них — словари Фараги, Насири, Назира Али, Тали Имани Хирави, — особенно ценные тем, что были созданы сразу после смерти поэта и в них зафиксированы факты староузбекского языка XV века. Ими пользовался Махдихан, обращавшийся к рукописным фондам Ирана в XVIII веке при составлении им «Санглаха». Один из этих словарей «Бадаи-ал-лугат» Тали Имани, переписанный в 1705/6 году, хранится ныне в ленинградской библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этому словарю А. К. Боровков посвятил специальную работу, состоящую из трех частей¹. В первой части автором приводятся общие сведения о словаре и сопоставляются принципы подачи слов в «Бадаи-ал-лугат» и в словаре «Абушка». Ученый приходит к заключению, что основу обоих словарей составляет единый источник. Во второй части сопоставляются все слова «Бадаи-ал-лугат» с глоссами «Абушка» и словарями Паве де Куртейла, Фатха Али-хана Каджарского, Шейха Сулеймана Бухари и отмечаются как совпадения значений слов, так и семантические расхождения. Третья часть представляет собой факсимиле рукописи. В целом труд А. К. Боровкова является ценным вкладом в изучение истории узбекского языка.

В словаре Тали Имани зафиксированы важные лингвистические факты, отображающие фонетические особенности староузбекских слов. Этот словарь ценен еще и тем, что его автор, следуя традициям фархангов, подробно описывает структуру каждого староузбекского слова, что делает «Бадаи-ал-лугат» уникальным орфографическим и орфоэпическим справочником по прочтению и правописанию сотен староузбекских слов XV века, а также источником по исторической фонетике староузбекского языка.

Известно, что в современном узбекском языкознании гласные классифицируются по трем признакам: 1) по степени раствора рта — широкие и узкие; 2) по приближению языка к нёбу — передние и задние; 3) по участию губ — губные и негубные. Тали Имани при классификации гласных исходил лишь из степени раствора рта, что объясняется, по-видимому, тем, что, будучи персом, он затруднялся классифицировать

¹ А. К. Боровков. Бадаи-ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961, стр. 8.

гласные по другим признакам. Так, гласный *a* он дифференцирует на три вида: *алифи мамдуда* «долгий *ā*», *алифи мақсура* «краткий *ā*», *алифи мафтуха* «открытый *a*»².

В словаре приводятся около шестидесяти слов с долгим *ā*: *āsiy* (8a) 'польза', 'влияние'; *ātliy* (5a) 1) 'известный'; 2) 'всадник'; *āsiy* (6b) 'горький'; *ādaš* (7b) 'тезка'; *āčun* (8b) 'мир'; *ānt* (5a) 'клятва', *āt* (5b) 1) 'лошадь', 2) 'брось'; *āriy* (8a) 1) 'чистый'; 2) 'река'; *ājiy* (8b) 'медведь'; *ās* (9b) 'вешать'; *āst* (9b) 'низ'; *āygiy* (10a) 'боль'; *āq uј* (10a) 'шатер'; *āngitmaq* (11a) 'знание'; *ālkiš* (11a) 'благословение'; *ālmaq* (11a) 'брат'; *āluq* (12a) 'состояние смущения'; *āyпamaq* (13b) 'валяться'; *āzmaq* (14a) 'заблудиться'. Во всех словах, где встречается долгий *ā*, составитель, желая подчеркнуть его долготу, дополнительно ставит над алифом знак *мадда* (~). Приведем примеры:

آسغ — (8a) *ba alifi mamduda va ʔajni möžama fajda va asarго gōjand* — *āsiy* — алиф долгий, *ʔ* (غ) с точкой, употребляется в значении «польза» и «выгода».

آتليغ (5a) *ba alifi mamduda namdor va suvarго gōjand* — *ātliy* — алиф долгий, употребляется в значении «известный» и «всадник».

Тали Имани отмечает употребление в ряде староузбекских слов краткого *ā* — *алифи мақсура*. Таких слов с кратким *ā* в словаре встречается три: *aga* (5a) 'середина', *arʔadal* (5a) 'труднодоступное место, являющееся пристанищем разбойников', *aja* (13b) 'хозяин', 'владелец'. Примеры:

ارا (5a) *ba alifi maqsura ba manij dar mijan* — *aga* — алиф краткий, употребляется в значении «середина».

ارغادال (5a) *ba alifi maqsura va roi muhmala makan sabki... arʔadal* — алиф краткий, *r* (ر) без точек, употребляется в значении «труднодоступное место, являющееся пристанищем разбойников».

ايا (13b) *ba alifi maqsura malik va sahibro gōjand... aja* — алиф краткий, употребляется в значении «владелец», «хозяин».

Составитель словаря отмечает еще употребление в XV веке в ряде слов открытого *a* — *алифи мафтуха*. По данным Тали Имани, в следующих словах применяется помета *алифи мафтуха* — *a*: *asarqur* (10b) 'спинная кость, которую при угощениях и торжествах у монгольских и чагатайских племен преподносят гостям', *ata* (7b) 'отец', *arʔadamaq* (7b) 'обманывать', *alqamaq* (13b) 'брат', *ajalyu* (14b) 'голос певца'.

اتا (7b) *ba alifi maftuha padarro gōjand* — *ata* — алиф открытый, употребляется в значении «отец».

ارغادماق (7b) *ba alifi maftuha va ʔajni mužama firib dodan* — *arʔadamaq* — алиф открытый, *ʔ* (غ) с точкой, употребляется в значении «обманывать».

Тали Имани приводит интересные сведения об артикуляции гласного *a* в середине слова. Он утверждает, что в слове *šaq* гласный *a* является кратким: *šaq* (63a) *ba alifi maqsura... алиф краткий... В слове ʔapčij* гласный *a* является открытым и кратким: *ʔapčij* (65a) *ba alifi maftuha va maqsura šubon* — алиф открытый и краткий употребляется в значении «пастух».

В слове *ʔaza* 'румяна' алиф открытый: *ʔaza* (65a) *alifi maftuha dar luʔati forsij va čiyataji ištirok dorad* — алиф открытый, общий для персидского и чагатайского языков.

В слове *ajamaq* (14a) 'беречься', отмечает Тали Имани, гласный *a*

² Примеры взяты из факсимиле, приведенного в упомянутой книге А. К. Боровкова. Цифры в скобках означают страницу.

является долгим и открытым: *aĵamaq* (14a) *ba alifi mamduda va maftuha...*

Тали Имани, будучи высококвалифицированным языковедом, подробно описал все гласные звуки, существовавшие в фонетике староузбекского языка XV века. По его утверждению, в узбекском языке в XV веке существовало пять губных гласных. Первый из них он обозначает термином *ба замма*, второй, самый узкий губной гласный, называет *ба замма бал ишбаъ*, третий — узкий губной гласный именуется *бал ишбаъ*, а четвертый — более широкий вариант третьего губного гласного — *била ишбаъ*.

Пометой *ба замма*³ снабжены следующие слова: *ul* (15б) 'тот'; *ut* (16a) 1) 'огонь', 2) 'проходи'; *utun* (16a) 'дрова'; *ujqu* (18a) 'сон'; *uju* (17a) 'разве'; *utru* (17a) 'напротив'; *utuzmaq* (17a) 'проиграть время'; *urtaq* (19a) 'друг'; *utlaš* (19a) 'огненный'; *uluk* (24a) 'мертвый'.

Помета *ба замма бал ишбаъ*, указывающая на самый узкий губной гласный, встречается при следующих словах: *ütqun* (16б) 'проходящий', *üçüq* (15a) 'прыщ на губах', *ükun* (15б) 'другой', *üçqun* (18б) 'искра', *üçavla* (19a) 'третья степень числа', *üçku* (19a) 'козел', *ürtamaq* (20б) 'гореть', *ükun* (22a) 'кроме этого', *üksuk* (23a) 'малый', *ütuk* (24б) 'сапог', *üj* (26a) 'место', 'стоянка'.

Помета *бал ишбаъ*⁴ имеется при следующих словах: *ütü* (16б) 'прошел', *üçgamaq* (17б) 'показаться на глаза', *üşatmaq* (18б) 'ломать', *üşaq* (20a) 'мелкая вещь', *üqun* (20a) 'место', *üngalmaq* (22б) 'заживает (о ранах)', *bülay* (41б) 'родник', *tütmaq* (48б) 'брат', 'держат', *tülku* (48б) 'лиса', *tüzaq* (51a) 'сеть', *tümşuq* (50б) 'клюв'.

Помета *била ишбаъ*⁵ встречается у слов: *üp* (22б) 'десять', *tüng* (51a) 'холод', *qül* (69б) 'рука', *ülüq* (23a) 'большой', *üzluk* (17a) 'сущность вещи'.

Как видно из примеров, данный гласный по произношению близок к звуку *ба замма* — *и*. Поэтому Алишер Навои в своих произведениях часто рифмует *jül* 'дорога' с *ul* 'тот':

Ne göjib böjnungya šojad tutqaj ul
Tapqasen asli kabutar honva jül⁶.

'Пусть изловят тебя — это жребий приметный,
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной⁷.'

Varča surat ahliya ašrafdur ul,
Kim suvardin öltgaj manuva jül⁸.

'Живописца тогда лишь в умельцах мы числим,
Если, глядя на облик, вверяемся мыслям⁹.'

Тали Имани указывает на существование в языке в XV веке пятого губного гласного — полуузкого *ö*. Данный гласный он обозначает термином *ба замма алиф* и относит к следующим словам: *öq* (15a) 1) 'стрела', 2) 'частица'; *ötruk* (17a) 'ложь'; *örgamci* (20a) 'паук'; *ösal* (21a) 'нерадивый'; *ögüt* (22a) 'совет'; *öluš* (25a) 'доля', 'часть'; *öng* (26б) 'правая сторона'; *öšmaq* (17б) 1) 'рай', 2) 'гаснуть'.

³ Данные термины относятся к гласным первого слога.

⁴ Термин *бал ишбаъ* при описании узких губных гласных означает наиболее узкий вариант *и~й*, при описании негубного гласного *i* — узкий вариант *i~ij*.

⁵ Термин *била ишбаъ* при описании узких губных гласных означает широкий вариант гласного *и~й*, при описании негубного гласного — *i~ij*.

⁶ Алишер Навоий. Лисонут-тайр. Ташкент, 1966, стр. 31.

⁷ Алишер Навои. Сочинения. В десяти томах. Т. VIII «Язык птиц», Ташкент, 1970, стр. 61 (перевод С. Иванова).

⁸ Алишер Навоий. Указ. соч., стр. 39.

⁹ Алишер Навои, стр. 70.

Как тонкий исследователь-филолог, Тали Имани отметил, что в XV веке некоторые слова произносились по-разному, и что это давало поэтам возможность прибегать к игре слов. Так, например, он указывает, что слово اولتورماق произносилось двояко: с *бал ишбаъ* и с *била ишбаъ* (то есть как *ulturmaq* и *ülturmaq*) и соответственно имело два значения: 1) 'сидеть'; 2) 'убивать'. Далее Тали Имани показывает, как используя известный поэтический прием *иъхом* Навои в следующем бейте прибегнул к игре слов:

Körmadi šah munosib u/ülturmaq.
Jaqında bujurdi u/ülturmaq.

Если учитывать первое значение слова, то бейт выразит следующее значение:

'Шах не счел возможным разрешить ему сесть,
Приказал его поблизости убить'.

При втором значении слова бейт приобретает иной смысл:

'Шах не счел возможным убить его,
Приказал ему поблизости сесть'.

Тали Имани указывает на существование в XV веке четырех вариантов узкого негубного гласного *i*.

Обыкновенный узкий гласный *i* составитель обозначает пометой *бил каср*. Этот термин в словаре встречается при следующих словах: *idiš* (266) 'посуда', *ilak* (27a) 'сито', *irđi* (276) 'был', *isiğya* (29a) 'серьги', *ismak* (306) 'дуть', *igar* (306) 'седло', *ikilmak* (31a) 'быть посеянным', *isiğ* (32a) 'горячий', *igma* (346) 'согнутый', *illik* (346) 'пятьдесят', *tingri* (526) 'бы', *tilba* (536) 'одержимый', *ting* (546) 'равный', 'схожий', *di* (57a) 'говори', *kingaš* (756) 'совет'.

Самый краткий *i* он называет *бил каср бал ишбаъ*. Этой пометой снабжены следующие слова: *ildam* (32a) 'быстрый', *qisqarmaq* (716) 'сокращаться', *qımač* (716) 'палач', *imgak* (33a) 'труд', *ilik* (34a) 'рука', *siğgak* (63a) 'комар', *mitin* (78a) 'жирка', *išpamaq* (296) 'излучать свет', *irik* (286) 'крупный'.

Отмечая, что в XV веке существовал долгий *i—ij*, Тали Имани при его описании ставит помету *бал ишбаъ*. Этот термин встречается при следующих словах: *ijitmaq* (276) 'точить нож и меч', *ijilqi* (326) 'стадо', 'табун', *bijilgu* (426) 'примета', *qijin* (71a) 'ножны', *jiqi* (85a) 'плач', *tijigamak* (536) 'запрещать', *qijil* (71a) 'волосок'.

Тали Имани утверждает также, что в XV веке существовал еще один вариант *i*. Этот гласный отмечается им пометой *била ишбаъ*. Он встречается при описании слов *ایتدی* (27a) 1) 'сделать', 2) 'потеряться'. и *ایشی* (29a) 'плести'. Судя по значению термина, гласный *i* следует произносить более широко — *iə*. Именно из-за такого произношения данный гласный позже в некоторых словах перешел в полуузкий гласный *e* (э). В частности, вышеприведенные слова в современном узбекском языке пишутся как *эtti* и *эш*.

Составитель словаря приводит интересные примеры на употребление этого гласного. Он отмечает, что слово *قىن* при чтении *бал ишбаъ* означает *qijin* 'трудность', а если произнести его с *била ишбаъ*, то оно означает уже *qieп* 'ножны'. *قىمى* — *бал ишбаъ* — *qijin* 'трудность':

Asib nevcun fiyonga saldi zulfidin köngullarni
Qaroru sabr naqdin alqali gar emas qijinlar.

'Почему, разбросав кудри, заставила плакать сердца,
Нетрудно же завоевать богатство терпения и твердости'.

قىين — *била ишбаъ* — qīʔn ‘ножны’:

Vusma birla qaşin ul mahvaški rangin ajlamiş
Qaşi žallodi qiličqa jaşil qīʔn ajlamiş.

‘Та красавица покрасила брови усьмой,
Брови она сделала зелеными ножнами для меча палача’.

Основной *e* (э) Тали Имани отмечает пометой *ба каср алиф*. Этот термин встречается при следующих словах: erin (26б) ‘губы’, epička (27б) ‘тонкий’, erk (28б) ‘воля’, eskirmak (29а) ‘стареть’, eski (29а) ‘старый’, ešik (30а) ‘дверь’, ešak (30а) ‘осел’, eštan (30б) ‘штаны’, etmiš (35а) ‘сделал’, engak (35а) ‘подбородок’, etar (35б) ‘делает’.

Примечательно, что научные данные словаря почти полностью совпадают с высказыванием самого Алишера Навои в «Мухакамат-ул-лугатайн» («Тяжба двух языков»): «...В тюркских словах и для *вава*, и для *ййя* встречается четыре огласовки...»¹⁰. В действительности же материалы словаря показывают, что в староузбекском языке существовали пять огубленных звуков: *и*, *й* (краткий), *й̄* (самый краткий), *й̇*, *ө* и четыре негубных гласных: *i*, *й̇* (краткий), *ij* (долгий), *iʔ*.

Именно при таком варианте *ййя* становятся понятными следующие примеры Навои в «Тяжбе двух языков», которые долгое время были загадочными из-за того, что первое слово в следующем ниже предложении было транслитерировано как *bez*, тогда как здесь должно было бы быть *biʔz*. У Навои читаем «...*biʔz* это то, что сарты называют словом *kadud* — ‘железо’; *biʔz* — по-персидски *то*, по-арабски *pahnu* — мы; и, наконец, *biʔiz* означает предмет, который сарты называют *darafš* — шило, бурав»¹¹. Как видно из примеров, в первом случае употреблен *iʔ*, во втором обыкновенный *i*, в третьем долгий *i* — *ij*.

Итак, приведенные факты свидетельствуют о том, что в XV веке в староузбекском языке существовали следующие гласные:

- 1) *алифи мамдуда* — долгий *ā*,
- 2) *алифи мафтуха* — открытый *a*,
- 3) *алифи мақсура* — краткий *ă*,
- 4) *ба замма* — *и*,
- 5) *ба замма бал ишбаъ* — самый узкий вариант *ба заммы* — *й̄*,
- 6) *бал ишбаъ* (при описании звука *и*) — узкий вариант *ба заммы* — *й̇*,
- 7) *била ишбаъ* (при описании звука *и*) — широкий вариант *ба заммы* — *й̇*,
- 8) *ба замма алиф* — *ө*,
- 9) *бил каср* — *i*,
- 10) *бил каср бал ишбаъ* — самый узкий вариант *бил каср* — *й̇*,
- 11) *бал ишбаъ* (при описании звука *i*) — узкий вариант *бил каср* — *ij*,
- 12) *била ишбаъ* (при описании звука *i*) — широкий вариант *бил каср* — *iʔ*,
- 13) *ба каср алиф* — *э*.

¹⁰ Алишер Навои. Сочинения. В десяти томах. Т. X., Ташкент, 1970, стр. 117 (перевод А. Малеховой).

¹¹ Там же, стр. 118.

РЕЦЕНЗИИ

М. Ш. ШИРАЛИЕВ. ДИАЛЕКТЫ И ГОВОРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1983, 197 стр.

Рецензируемая книга М. Ш. Ширалиева «Диалекты и говоры азербайджанского языка» представляет собой итог многолетнего изучения ученым диалектной системы азербайджанского языка, одного из основных тюркских языков с его сложным разветвлением на многие диалекты и говоры, распространенные не только в пределах Советского Союза, но и за рубежом.

Автор книги поставил целью проследить языковые процессы, совершающиеся ныне и происходившие ранее во всех существующих азербайджанских диалектах и говорах в нашей стране, на всех уровнях языка — фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

М. Ш. Ширалиев является крупнейшим специалистом по диалектологии тюркских языков. В свое время он организовал и возглавил систематическую работу по изучению диалектов родного азербайджанского языка, а позднее стал вдохновителем и главным руководителем разработки одной из кардинальных проблем советской тюркологии — создания «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза».

В течение более чем тридцати лет М. Ш. Ширалиев собрал богатейший полевой материал по всем основным диалектам и говорам азербайджанского языка и организовал диалектологическую работу в республике, издав помимо многочисленных собственных исследований по конкретным диалектам и говорам также значительное число специальных сборников с описанием особенностей территориальных диалектов, выходящих под его редакцией.

Многолетняя научно-исследовательская работа и преподавание в Азгосуниверситете позволили М. Ш. Ширалиеву создать свою школу азербайджанских диалектологов. Его многочисленные ученики успешно продолжают начатое им дело — изучение азербайджанских диалектов.

Выработанная М. Ш. Ширалиевым на протяжении многих лет теоретическая концепция и большой фактический материал, собранный им лично и его учениками, поз-

волили ему завершить капитальное исследование, синтезирующее многолетнее изучение диалектной структуры азербайджанского языка и охватывающее азербайджанские диалекты и говоры во всем многообразии протекавших и протекающих в нем различных фонетических, грамматических и лексических процессов.

Рецензируемая монография включает краткое предисловие, введение, раздел, посвященный истории изучения диалектов азербайджанского языка, четыре главы: «Фонетика», «Морфологические особенности», «Синтаксис», «Лексика», раздел — «Образцы азербайджанской диалектной речи».

Таким образом, в книге представлены все основные уровни изучения диалектов и говоров и связанные с ними закономерности в синхронном и историческом аспектах.

В главе, посвященной истории изучения диалектов, автор останавливается на значении трудов отечественных и зарубежных тюркологов — К. Фоя, Х. Риттера, Л. Лигети, В. Монтейля, С. Булчу, Н. К. Дмитриева, С. М. Шалшала, А. Ромаскевича, а также азербайджанских и грузинских диалектологов — Р. Рустамова, М. Исламова, В. Т. Джангидзе и других в изучении азербайджанских диалектов как на территории Азербайджана и других союзных республик, так и за рубежом. Отмечается три основных направления в изучении диалектов азербайджанского языка: монографическое — описание всех конкретных диалектов и говоров, лингвогеографическое — создание общего атласа азербайджанских диалектов и лексикографическое — составление диалектологических словарей.

Первая глава «Фонетика» посвящена синтетическому обзору всех основных фонетических явлений и закономерностей, встречающихся как в современном литературном азербайджанском языке, так и в его диалектах.

М. Ш. Ширалиев подробно рассматривает все существующие разновидности гласных и согласных (соответствующим обра-

зом транскрибированных и описанных им), а также различные закономерности, связанные с гласными и их сочетаниями с согласными. Автор приходит к выводу, что долгие гласные в азербайджанских говорах и диалектах по своему происхождению являются вторичными, то есть образовавшимися из сочетаний гласных со слабыми согласными *h, j, w, y* и др.

Закономерности, связанные с гласными, анализируются автором не по отдельным говорам и диалектам, а по их типу и характеру. В этой же главе рассматриваются все основные типы фонетических явлений (кроме характеристики гласных звуков): гармония гласных, их соответствия в отдельных говорах и диалектах, их редукция, связанное с ними ударение; характеризуются особенности согласных: вставка и выпадение их, различные типы ассимиляции, диссимиляция, метатеза и т. д.

Меньше внимания уделено в монографии сочетаниям гласных и согласных, а также согласных между собой и связанным с этим явлением закономерностям.

Вторая глава «Морфологические особенности» содержит описание морфологических расхождений в говорах и диалектах, проявившихся в оформлении аффиксов словообразования (для некоторых частей речи и аффиксов словозменения: для имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения, глагола, наречия, модальных слов, союзов, послелогов, частиц и междометий), а также в оформлении соответствующих каждой части речи грамматических категорий. Так, в именах существительных подробно рассмотрены формы склонения и принадлежности, а в глаголах — категории наклонения, времени и дееспричастия. Особенности диалектного оформления категорий залога и вида, а также неличных форм глагола, масдара и причастия отдельно не выделены, но рассмотрены в разделе словообразования, хотя для общей системы желательно было бы и эти категории проанализировать самостоятельно.

При анализе грамматических категорий, как и при рассмотрении фонетических явлений, в случае расхождения автор дает ссылки на тот или иной диалект.

Третья глава «Синтаксис» посвящена обзору в различных диалектах и говорах особенностей оформления грамматической связи примыкания и согласования в определенных словосочетаниях и предложениях, управления в объектных конструкциях и т. д., а также характеристике особенностей оформления некоторых членов предложения и различных типов простого и сложного предложения. Естественно, что данный раздел значительно меньше по объему и схематичнее предыдущих, ибо дифференциальные признаки диалектов в области синтаксиса в тюркских языках вообще ограничены.

Четвертая и последняя глава «Лексика» содержит некоторые сведения о терминах

родства, о терминах, относящихся к старому быту и общественному укладу, о заимствованных словах, архаизмах, неологизмах и дает самые необходимые сведения о диалектной лексике, поскольку эта задача по существу относится к области диалектной лексикографии — составлению специальных диалектологических словарей. Тем не менее, данный раздел книги достаточно полно характеризует диалектные расхождения между азербайджанскими диалектами и говорами.

В заключение автором приводятся образцы диалектной азербайджанской речи: бакинского, кубинского, шемахинского, казахского, карабахского, гянджинского, шекинського, нахичеванского, ордубадского, табризского диалектов, а также муганского и закато-кахацкого говоров.

К книге приложена карта расположения диалектных ареалов и несколько карт наиболее характерных изоглоссов.

Как уже отмечалось выше, автор ставил целью рассмотреть различные явления и закономерности, встречающиеся в азербайджанских диалектах и говорах на всех основных лингвистических уровнях без характеристики дифференциальных признаков каждого диалекта или говора, ограничиваясь описанием признаков, определяющих только их группы: 1) восточную группу, к которой он относит кубинский, бакинский, шемахинский диалекты, а также муганский и ленкоранский говоры; 2) западную группу, включающую казахский, гянджинский, карабахский диалекты и айрумский говор; 3) северную группу — шекинський диалект и закато-кахацкий говор; 4) южную группу — нахичеванский, ордубадский, табризский диалекты и ереванский говор. К смешанным говорам он относит геокчайский, агдашский и джебраильский, которые в книге специально не характеризуются, но признаки их упоминаются при анализе того или иного явления.

Кроме указанной классификации диалектов и говоров по географическому признаку, в книге учитывается и функциональная классификация, разделяющая территориальные группировки речевых особенностей азербайджанского языка на диалекты и говоры.

Согласно классификации автора, к диалектам относятся: бакинский, кубинский, шемахинский, казахский, гянджинский, карабахский, шекинський, нахичеванский, ордубадский, табризский, а к говорам: муганский, ленкоранский, айрумский, закато-кахацкий, ереванский, геокчайский, агдашский и джебраильский.

В легенде, прилагаемой к диалектной карте, дана историко-этническая классификация, согласно которой все диалекты и говоры подразделены автором на следующие группы:

А. Диалекты и говоры кыпчакского типа: 1) закато-кахацкий го-

вор; 2) шекинский диалект; 3) кубинский диалект.

Б. Диалекты и говоры огузского типа: 1) казахский диалект; 2) гянджинский диалект; 3) айрумский говор; 4) карабахский диалект; 5) нахичеванский диалект; 6) ордубадский диалект.

В. Диалекты и говоры огузско-кыпчакского типа: 1) переходные говоры (имеются в виду: геокчайский, агдашский и джебраильский); 2) шемахинский диалект; 3) бакинский диалект; 4) муганская группа говоров; 5) ленкоранский говор.

При сопоставлении данной классификации с классификацией диалектов и говоров по их географическим ареалам автор отмечает некоторые расхождения в признаках, определяющих географические группы диалектов. Так, к восточной группе, имеющей определенные лингвистические признаки, относятся диалекты и говоры различных историко-этнических групп, а именно: кубинский (кыпчакского типа), бакинский, шемахинский диалекты; муган-

ский и ленкоранский говоры; переходные говоры: геокчайский, агдашский, джебраильский (огузо-кыпчакского типа). К южной группе отнесены: нахичеванский и ордубадский диалекты (огузского типа); ереванский говор и табризский диалект (тип которых, в связи с их распространением за пределами территории Азербайджанской ССР, в легенде и на карте не указан).

Завершая обзор и оценку труда М. Ш. Ширалиева в целом, следует сказать, что автор отлично выполнил свою задачу, проанализировав и обобщив все основные явления и закономерности, характеризующие диалекты и говоры азербайджанского языка в аспекте их синтеза. Многолетние исследования диалектов и говоров родного языка позволили М. Ш. Ширалиеву создать не только теоретически глубокий научный труд, но и универсальное пособие для широкого круга тюркологов, содержащее продуманную и эффективную методику исследования данной проблемы.

Н. А. Баскаков

Ш. К. САТПАЕВА. КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВОСТОК. (ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1982, 200 стр.

Рецензируемая монография посвящена исследованию проблемы межнациональных связей казахской литературы, выявлению их наиболее значительных аспектов, установлению их содержания и значения для развития и обогащения литературы, языка и художественного мышления казахского народа.

В книге рассматривается материал, связанный с такими памятниками, как «Шах-наме» Фирдоуси, «Панчатантра», «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», произведения Саади, Джами, Хафиза, Низами, Навои и др. Автор монографии анализирует творческое восприятие казахами этих памятников, особенности «освоения» их казахской художественной литературой.

В первой главе книги «„Шах-наме“ Фирдоуси на казахской почве» исследуется процесс ознакомления казахов с этим произведением. Ш. К. Сатпаева пишет не только о фактах устного распространения ряда сюжетов и образов «Шах-наме», о поздних переводах его на казахский язык, но и о творческом отношении казахских поэтов к этому произведению, о создании на его основе новых оригинальных произведений. При сличении текстов героической части «Шах-наме» Фирдоуси и «Рустем Дастан» Т. Изтлеуова прослеживается взаимное проникновение различных поэтических tradi-

ций, преломление мотивов ирано-таджикской эпопеи в казахских эпических повествованиях о богатырях — «Батырлар жыры». В этой главе представляют интерес собранные и проанализированные автором стихи и новеллы казахских поэтов о Фирдоуси.

Ш. К. Сатпаева анализирует казахские дастаны на восточные сюжеты, характеризует их идейно-художественные особенности и связь с восточными источниками. Этому вопросу посвящена вторая глава книги. Было известно, что ряд казахских дастанов создан на сюжеты «Тысячи и одной ночи» и других популярных на Востоке памятников литературы. В рецензируемой же работе впервые проведена определенная систематизация таких дастанов, они сопоставлены с соответствующим текстом источников, что позволило выявить особенности их поэтической трансформации в соответствии с лиро-эпической традицией казахской литературы. Эта работа значительно осложнялась отсутствием русских переводов казахских дастанов и автору приходилось при сопоставлении цитировать последние в собственных подстрочных переводах.

Проведенный в книге тщательный анализ дастанов «Бозжигит», «Сейфульмалик», «Жусуп—Зылиха», «Мунлык—Зарлык», «Ташхир—Зухра» и других позволяет провести

сопоставление их с вариантами, существующими в других, например, среднеазиатских литературах. К сожалению, автор касается этих вариантов лишь вскользь, ссылаясь лишь на некоторые отрывки из поэм Дурбека, Кул Али и книгу Н. Ш. Хисамова «Поэма „Кысса-и Йусуф“ Кул Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества», вышедшую в Москве в 1969 году, а также рецензию И. Нуруллина «Новое о древнем памятнике» («Вопросы литературы», 1981, № 1). Хотелось бы надеяться, что Ш. К. Сатпаева вернется к этой проблеме в своих последующих работах.

Казахскими учеными немало сделано в области изучения связей творчества Абая Кунанбаева с русской, а через нее и с западноевропейской культурой и литературой. «Необходимо глубже, критичнее заняться и проблемой отношения творчества Абая к Востоку... Это один из наименее изученных вопросов» — писал М. О. Ауэзов. В свете этого высказывания определенную ценность представляет третья глава книги, где рассматриваются поэмы Абая в системе восточных связей казахской литературы: автором выявляются источники сюжета поэмы «Сказание об Азиме», которые восходят к одной из глав «Тысячи и одной ночи», определяются особенности трансформации их сюжетов и образов в произведениях классика казахской литературы. В книге разбирается поэма Абая «Искандер» об Александре Македонском, где созданы реалистические образы полководца-завоевателя и «мудрейшего из мудрых» Аристея. Убедительно раскрывая соответствие ряда событий поэмы «Искандер» Абая Кунанбаева с фактами, приводимыми историками походов Александра Македонского в

Среднюю Азию и сопредельные с нею территории, автор приходит к выводу, что в отличие от других поэм о легендарном Искандере, казахская воссоздает историческую правду, раскрывает захватнический характер походов знаменитого полководца.

В четвертой главе книги сделана попытка систематизировать казахские переводы произведений восточной классики. Автор подчеркивает необходимость глубокого изучения переводов на казахский язык как образцов восточной классики, так и произведений современных писателей советского и зарубежного Востока, а также актуальность переводов произведений казахской литературы на языки народов мира, в том числе на языки народов зарубежного Востока. Автор останавливается также на идейно-художественных достоинствах произведений казахских поэтов о Фирдоуси, Рудаки, Саади, Омаре Хайяме, Хафизе, Низами, Навои.

В пятой главе рецензируемого издания «Тема зарубежного Востока в казахской прозе» исследуются произведения М. Ауэзова, Т. Мусрепова, С. Шарипова, А. Алимжанова и других авторов.

Как и все советские писатели, литераторы Казахстана активно участвуют в движении солидарности стран Азии и Африки, в борьбе за мир. Эта тема на конкретном материале раскрывается в шестой главе.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемая монография дает достаточно цельное представление о развитии связей казахской литературы с восточными литературами. Именно в этом и заключается ее главное достоинство.

Р. Бердибаев

«ВОПРОСЫ ТУВИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КЫЗЫЛ, 1983, 160 стр.

В рецензируемый сборник вошли новые работы языковедов и литературоведов по актуальным проблемам тувинского языка и литературы, по их связям с языком и литературой соседних народов — хакасов, бурят, тофаларов (тофов).

Сборник открывается статьей Ш. Ч. Сата «Тувинский язык на современном этапе развития» (стр. 3—11). Втором дается краткий обзор становления и развития литературного тувинского языка, позитивных изменений в тувинской языковой практике на каждом этапе функционирования литературного языка, вызванных социально-экономическими и культурными достижениями народа. Статья завершается выдвинутыми важнейшими научно-практическими задачами, которые предстоит решать языковедам в ближайшее время.

Статья З. Б. Чадамба «Тувинские диа-

лекты в их отношении к литературному языку» (стр. 18—23) посвящена взаимосвязям и взаимодействию диалектов и литературного языка. Автор на основе многолетних наблюдений и большого фактического материала предлагает расширить границы центрального диалекта, легшего в основу тувинского литературного языка.

В статье «О фонетических системах тувинского и тофаларского языков» (стр. 24—31) В. И. Рассадин на основе сопоставительного анализа приходит к выводу о самостоятельности тофаларского языка; устанавливает основные отличия и сходства тувинского и тофаларского языков, отмечая, что по звуковому составу наиболее близким к тофаларскому является уйгуро-уряйхайский язык в Монгольской Народной Республике.

На основе данных современного тувин-

ского и древнеуйгурского языков Ч. М. Доржу в статье «Исторические связи современного тувинского и древнеуйгурского языков в области фонетики» (стр. 32—38) делает попытку проследить генетическую и контактную общность фонетических систем тувинского, древнеуйгурского, сарыг-югурского и саларского языков.

Статья Ц. Б. Цыдендамбаева «Тувинские элементы в бурятской этнонимии» (стр. 39—42) представляет собой опыт использования сопоставительного анализа данных ономастики для изучения исторических связей тувинского и бурятского народов. Материалы этнонимии и топонимии Бурятии, по мнению автора, позволяют предположить, что тувинцы, шире — тюрки, сыграли большую роль в этногенезе бурят.

Принципы и особенности составления этимологического словаря тувинского языка нашли освещение в статье Б. И. Татаринцева «О проблемах составления этимологического словаря тувинского языка» (стр. 44—52). В другой статье того же автора «О научном наследии Н. Ф. Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии» (стр. 101—109) отмечается важность углубленного изучения трудов ученого по тувинскому языку и подчеркивается необходимость проведения посвященной ему научной конференции.

Д. А. Монгуш в статье «Некоторые вопросы правописания и произношения русских заимствований в тувинском языке» (стр. 53—60) рассматривает освоение тувинским языком лексических заимствований из русского языка, а также некоторые нормы орфографии и орфоэпии этих заимствований. Обширный фактический материал и интересные наблюдения этого же автора в статье «О языке тувинцев Северо-Западной Монголии» (стр. 123—145) знакомят читателя с особенностями языка тувинцев, проживающих в сомонах Цэнгэл Баян-Улзгейского и Буянт Кобдоского аймаков МНР. На основании работ других авторов и собственных наблюдений Д. А. Монгуш уточняет и конкретизирует данные об этнической принадлежности тувинцев сомонов Цэнгэл и Буянт; ценны наблюдения автора в области фонетики (звукового строя, мелодики речи), лексики и грамматики языка указанных групп тувинцев Монголии.

Статья К. А. Бичелдея «Дистрибуция гласных односложных слов тувинского языка» (стр. 61—76) посвящена частному воп-

росу функциональной фонетики тувинского языка.

Установление семантических групп тувинских гидронимов — тема статьи Б. К. Ондар «Лексико-семантические особенности тувинских гидронимов» (стр. 94—100). Автор предлагает системное описание гидронимов Тувы, привлекает для обоснования своих выводов данные ряда древних и современных языков.

В статье Б. С. Сонома «О лексических особенностях монгольского языка юго-восточных тувинцев» (стр. 119—126) в научный обиход вводятся материалы малоисследованного языка части тувинского населения Эрзинского района Тувинской АССР.

С. Ф. Сегленмей в статье «Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района» (стр. 146—156) выявляет специфические черты говора, входящего в состав центрального диалекта — базы литературного тувинского языка.

А. К. Ойдан-оол в статье «Акутальные вопросы преподавания тувинского языка в средней школе» (стр. 110—118) останавливается на методике обучения тувинскому языку и повышении качества учебников и учебных пособий.

Три статьи сборника посвящены вопросам тувинской литературы и фольклора. В статье К. К. Кудажы «Октябрем рожденная и призванная» (стр. 12—17) кратко изложена история становления и развития тувинской художественной литературы, освещается ее связь с литературами народов СССР.

З. Б. Самдан в статье «О роли этнографизмов в становлении новописемных литератур» (стр. 86—93) разбирает опыт использования этнографизмов и приемов бытоописательства в литературе, наследующих фольклорные традиции.

Статья С. М. Сат «Типические места в разносюжетных тувинских героических сказаниях» (стр. 77—85) посвящена одной из неисследованных проблем поэтики тувинских героических сказаний.

Данный сборник адресован исследователям, работающим в области тюркской и монгольской филологии, и, несомненно, вызовет интерес специалистов, занимающихся сопоставительным и сравнительным изучением языков и литератур народов Южной Сибири.

К. А. Бичелдей

Б. КЕБЕКОВА. КЫРГЫЗ-КАЗАК ФОЛЬКЛОРДУК БАЙЛАНЫШЫ

«ИЛИМ» БАСМАСЫ, ФРУНЗЕ, 1982, 260 стр.

Изучение межэтнических общностей, исследование фольклорных взаимосвязей в пределах определенных регионов позволяют раскрыть сложные процессы духовных контактов народов и народностей, нередко

обусловленные общностью их исторических судеб на протяжении столетий. К таким исторически значимым межнациональным контактам относятся и киргизо-казахские фольклорные связи. Их становлению и раз-

виту посвящена монография Б. Кебековой. Первая часть работы охватывает древние связи в фольклорном творчестве киргизов и казахов, начиная с эпохи Тюркского каганата. Они прослеживаются на территории Южной Сибири, Монголии, Алтая и Средней Азии. Ранний пласт киргизо-казахских контактов автор исследует на материале космогонических мифов, легенд, преданий, встречающихся в устном творчестве обоих народов, и сопоставляет их с алтайским фольклором. Так, в монографии раскрываются сюжетно-тематическая основа и истоки названий звезд Уркер, Джетиген в киргизо-казахских преданиях, арханческие формы которых восходят к алтайским легендам. Автор рассматривает все известные многочисленные варианты этих легенд и отмечает интенсивность давних взаимовлияний в творчестве киргизов, казахов, алтайцев. В таком же плане рассматривается культ животных и птиц у киргизов, казахов, алтайцев, тувинцев, монголов. Генетическая однотипность сюжетов в фольклоре этих народов объясняется не только общностью территории, но и их этнической близостью. Известно, что у киргизов, казахов, алтайцев, тувинцев и отчасти монголов в родовом составе имеются родственные племена — конгурат, найман, доолес, уйсун. Вливаясь в состав того или иного народа, представители этих этносов привносили в его фольклор и свои мотивы, которые в сочетании с исконными и традиционными, образовывали новые варианты. В работе Б. Кебековой рассматриваются все этнические варианты фольклорных жанров, что позволило автору выявить первооснову того или иного мотива и сюжета и проследить пути их трансформации как в пределах одной национальной традиции, так и вне ее. Говоря о древних тотемах, бытующих на огромной территории от Сибири до Средней Азии (тотемы волка, барса, собаки, быка, лебеда, оленя), автор исследования обращается к материалам не только киргизо-казахского фольклора, но и к целому ряду фольклорных мотивов других народов — хакасов, монголов, бурят, алтайцев. Таким образом, автору удалось раскрыть формирование и бытование фольклорных циклов межэтнического характера; все они, будучи самобытными, восходят к общему арханческому ядру, составляющему основу многочисленных национальных вариантов.

В рецензируемой работе автором раскрывается процесс проникновения отдельных мифов о земле, воде, солнце, звездах в легенды, предания, исследуются пути взаимообогащения различных жанров фольклора. Б. Кебекова показывает, как образы мифических покровителей животных — Зенги-Баба (покровитель овец), Камбар-Ата (покровитель коней) постепенно в процессе эволюции жанра утрачивают первоначальные мифологические черты, обретая новые, связанные уже с исламской религией. В книге прослеживается и эволюция культа божества Умай-эне — покрови-

тельница новорожденных детей, бытовавшего в фольклоре киргизов до самого недавнего времени; этот культ нашел отражение и в эпосе «Манас». Автор отмечает, что даже культ мусульманских святых, близких по своему значению к Умай-эне, — Фатимы, Бюбю, Зууры, полностью не вытеснил культа языческого божества. Это, по мнению Б. Кебековой, доказывает устойчивость арханческих мотивов в устном народном творчестве.

Автор обращается и к огузским преданиям, возникшим на древней родине огузов — в Центральной Азии, отмечает первичность этих мотивов в киргизском фольклоре и оспаривает мнение А. Маргулана о том, что огузская тема была освоена киргизами через посредство ногайцев и казахов. Это положение автор подкрепляет материалами киргизского фольклора, сохранившегося в более древней, арханческой форме, нежели казахский. Так, существует киргизское предание о том, что Огуз был одним из предков киргизов. Известно, что и в родословной главного героя эпоса «Манас» Огуз именуется предком богатыря. Поэтому нельзя не согласиться с автором, что основа мотива об Огуз-хане в киргизском фольклоре явление первичное, при всем сходстве его с отдельными элементами сюжета казахского эпоса. Выявляя повторяющиеся сюжеты и мотивы в культовых преданиях (предание «Карымбай»), автор показывает вторичность некоторых фольклорных компонентов на киргизо-казахской почве, объясняющуюся распространением ислама.

В монографии подчеркивается, что в фольклоре находит своеобразное отражение история народа. Однако фольклор включает в свою орбиту не все исторические события; история отражается в фольклоре как бы избирательно, обретая в нем новые краски, подчиняясь традициям и законам жанра. Таковы предания об Александре Македонском (который в фольклоре киргизов и казахов именуется Искендер Зулкарнай), Джаныбек-хане, в собирательном образе которого обобщены черты, присущие героям различных исторических эпох. В книге показана сложная эволюция в киргизском фольклоре легенды о «Кобек-хане», варианты которой распространены у казахов, ногайцев, хакасов. Автор отмечает, что киргизский вариант этой легенды в процессе бытования оброс множеством сюжетных деталей, нехарактерных для сибирского варианта и является поэтому вполне самобытным произведением. Б. Кебекова, однако, признает, что истоки легенды, сказки и айтыша о Кобек-хане возникли в сибирском ареале. Она высказывает предположение, что, возможно, мотив правления Кобек-ханом сорока тюркскими племенами является отголоском легенды о происхождении киргизов от объединения сорока племен, возникшего в VI—VIII веках, во времена существования древнего государства киргизов на Енисее.

Заключая первую главу, автор приходит к выводу, что древние истоки киргизского фольклора берут начало на территории Южной Сибири, Монголии и Алтая и представляют собою результат разносторонних этнических, языковых, этнографических и фольклорных контактов населения этого региона.

Вторая глава книги посвящена отражению в киргизском и казахском фольклоре событий средних веков, начиная с эпохи домонгольских завоеваний. Анализируя тексты преданий о том, как возвестил акын Кет Бука о смерти Джучи, сына Чингизхана (привлекаются варианты киргизский, казахский, ногайский), автор показывает, что фольклор трансформирует реальные исторические события согласно собственным закономерностям, художественно преобразуя их. Говоря о закономерностях развития различных жанров фольклора, автор останавливается и на отражении в них участия киргизов в тех или иных крупных исторических событиях. Так, проследившая пути возникновения и формирования в киргизском фольклоре преданий об Асане Кайгы, Жэзренче-чечене, Джаныбек-хане, Б. Кебекова приходит к заключению, что киргизы активно участвовали в событиях, развернувшихся в степях Дешти-Кыпчака в ногайлинское время. В результате интенсивных культурно-исторических контактов между киргизами, казахами, ногайцами и каракалпаками в XIV—XVI веках, эти предания, несомненно, имели много общего. В последующем же они, развиваясь на сугубо национальной почве, естественно, отдалились друг от друга. Называя пункты, упоминающиеся в киргизском предании об Асане Кайгы, Б. Кебекова прослеживает путь, пройденный этим героем фольклора: Сырдарья, Едил, Иртыш, где когда-то кочевали киргизы. На основе фольклорного материала автор устанавливает и другое направление киргизских кочевий: Иле, Каркыра, Кёгён, Кашгар, Текес, Кара-Тегин, Каракорум, Кэрулен. Эта часть киргизов, по предположению Б. Кебековой, по-видимому, откололась в IX веке от приходившего в упадок древнего Киргизского государ-

ства и откочевала вначале в Монголию и Алтай, а позже — в Среднюю Азию. В монографии выдвигается предположение, что прообразом Асана Кайгы (предания об этом герое имеются в каракалпакском, ногайском и казахском фольклорах) был реальный человек, живший, вероятно, в конце XIV—начале XV века. На наш взгляд, автор прав, не соглашаясь с казахским исследователем Х. Суюншалиевым, связывающим истоки формирования преданий об Асане Кайгы только с казахской действительностью.

Б. Кебекова рассматривает распространенные фольклорные сюжеты и мотивы в их многочисленных национальных вариантах, что позволяет ей исследовать проблему в широком аспекте и исключает возможность односторонних выводов.

В рецензируемой книге отмечается, что в XIII—XVI веках устное творчество киргизов развивалось наряду с фольклором казахов, ногайцев, каракалпачков, входивших в состав Ногайской Орды, что и привело к сюжетно-тематической общности многих фольклорных памятников. Этим определяются и временные границы контактов киргизов с другими родственными племенами и народностями.

Работа Б. Кебековой подтверждает большую продуктивность изучения фольклорных связей. Хотелось бы высказать и пожелание автору. Было бы весьма полезным и интересным полнее охарактеризовать и общность изобразительных средств (стиля, композиции, поэтических форм), показать многообразие традиций тюркского фольклора, закономерности их проявления. Это помогло бы еще глубже и убедительней раскрыть взаимосвязи и специфику фольклора исследуемого в книге региона.

По нашему мнению, Б. Кебекова своей монографией наметила перспективы дальнейшего развития киргизской фольклористики, конкретные пути решения целого ряда проблем, связанных с взаимодействием и взаимовлиянием фольклора тюркоязычных народов.

Р. З. Кыдырбаева

«HUNGARIAN TURCOLOGY, 1945—1974. BIBLIOGRAPHY»

EDITED BY ZSUZSA KAKUK. BUDAPEST, 1981, 187 стр.

Данная заметка о библиографии венгерской тюркологии за тридцать лет не носит характера рецензии, написание ее преследует чисто реферативные цели: назвать главнейшие тематические направления исследований наших венгерских коллег и привлечь к ним внимание советских тюркологов.

В библиографии насчитывается около двух тысяч наименований: это моногра-

фии, статьи и рецензии венгерских авторов, изданные в Венгрии и за ее пределами, рецензии на их работы, а также статьи, опубликованные в Венгрии тюркологами из других стран. Вначале приводятся работы, посвященные исторической тематике и общим вопросам тюркологии, затем — имеющие отношение к древним и современным тюркским народам, их языкам и литературе. При этом внутри раз-

делов строго соблюдается хронологический порядок. Наименования публикаций даются на языке оригинала. В тех случаях, когда язык их венгерский, параллельно приводится перевод наименования на английский язык. Таким образом, делается все возможное для того, чтобы содержание книги стало доступно максимально широкому кругу специалистов.

В библиографии восемь разделов: I. Общeturкологические работы; II. О тюркских народах и языках; III. Древние тюркские народы и языки; IV. Современные тюркские народы и языки; V. Тюрко-венгерские отношения в период до X в.; VI. Тюрко-венгерские отношения в средние века; VII. Период османского завоевания; VIII. Поздние тюрко-монгольские отношения. Заключительная часть — именной индекс и список сокращений.

Венгерская тюркология занимает одно из ведущих мест в мировой тюркологии как по широте охвата научной тематики, так и по глубине ее разработки, и именно это обстоятельство придает реферируемой книге особую ценность. В центре внимания венгерских тюркологов вопросы ближнего и отдаленного родства тюркских языков, алтайская гипотеза, тюрко-венгерские языковые связи в различные периоды времени, сравнительная грамматика и лексикология, тюркская ономастика, миграции и расселение гунов, авар, печенегов, хазар, булгар, куманов, кыргызов, огузов, уйгуров, карлук, кыпчаков и т. д. Большой инте-

рес проявлен к проблеме атрибуции рунических и рунообразных надписей юго-восточной Европы, в частности, надписей из Надь-Сен-Миклоша, к истории появления «Codex Sumanicus», к изучению мамлюкских, армяно-кыпчакских, караханидских, золотоордынских и староузбекских («чагатайских») текстов. Естественно, что из современных тюркских языков, в силу известных исторических обстоятельств, в особом положении оказались чувашский и турецкий языки. Им посвящено наибольшее количество работ, хотя в различной степени изучались и другие тюркские языки: азербайджанский, башкирский, казахский, кыргизский, татарский, узбекский. Примерно так же обстоит дело с изучением литературы и фольклора современных тюркских народов.

Говоря о послевоенном вкладе венгерских тюркологов в мировую тюркологию (1945—1974), нельзя не отметить заслуги таких выдающихся ученых старшего поколения, как Ю. Немец, Л. Фекете, Ю. Моравчик, Л. Лигети, К. Цегледи и их учеников и последователей: В. Диосеги, Л. Рашиони, М. Палло, А. Рона-Таша, Г. Хазан, Э. Шютца, Ж. Какук, И. Вашари и др.

Книга, подготовленная Ж. Какук, заслуживает высокой оценки и может быть рекомендована советским тюркологам как превосходное справочное издание.

А. М. Щербак

محمود كاشغرى. ديوان لغات الترك. جلد ۱ اورومچى ۱۶۵۵
مہموت قەشقەرى. توركى تېللار دىۋانى. ديوانو لوغات تورک. برنجى توم. شىنجاڭ
خەلق نەشرىياتى. ئورومچى

(МӘХМУТ ҚӘШҚӘРИЙ. ТҮРКИЙ ТИЛЛАР ДИВАНИ.

БИРИНЧИ ТОМ. ШИНЖАҢ ХӘЛИҚ НӘШРИЯТИ. УРҮМЧИ, 1981, 754 стр.).

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, по определению академика А. Н. Кононова, «представляет собой в полном смысле слова золотые россыпи любопытнейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой ряда тюркских языков, единственное в своем роде сочинение, донесшее до нашего времени бесценные лингвистические, этнографические, фольклорные, географические, исторические сведения о хаканских (караханидских) тюрках, туркменах, огузах, ягма,

чигилях, кыркызах»¹. Поэтому вполне естествен огромный интерес, проявляемый тюркологами всего мира к изучению этого памятника.

Ученым до сих пор были известны немецкий, турецкий и узбекский переводы «Дивана». Теперь появился перевод этого сочинения на современный уйгурский язык.

¹ А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат-ит-түрк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 16—17.

Он осуществлен группой ученых в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Первый его том был издан десяти тысячным тиражом в 1981 году, второй том планируется выпустить в 1983 году, третий том и индекс также готовятся к печати.

Первый том издан в городе Урумчи — административном центре автономного района издательством «Шинжаң хәлиқ нәшрияти» («Синьцзянским народным издательством»).

Первый том подготовлен к печати коллективом, в который входят: Абдусалам Аббас, Абдурахим Откур, Абдурахим Хабибулла, Дамолла Абдулхамит Юсуфи, Халим Салих, Хаджи Нур Хаджи, Осман Мухаммеднияз, Сабит Рози, Ибрахим Мутъи (ответственный редактор), Имин Турсун (редактор), Мирсултан Османов. В томе переводчик не указан.

К переводу «Дивана» с арабского языка на уйгурский впервые в Восточном Туркестане приступил кашгарец Исмаил-Дамолла еще в 1946 году. Он успел перевести лишь первый том. Работу ученого прервала смерть². Спустя десятилетия этот труд завершили братья Мухаммат Файзи и Ахмат Зияи. В 1963—1966 годах был осуществлен Уйгуром Сайрани другой перевод «Дивана». Однако в период так называемой «культурной революции» рукописи этих переводов были уничтожены³. Данный перевод «Дивана» на уйгурский язык — четвертый по счету.

Рецензируемый том состоит из обширной вступительной статьи «Знаменитый уйгурский ученый Махмуд Кашгари и его сочинение „Словарь тюркских языков“» (стр. 1—49), затем следуют комментарии и примечания к уйгурскому переводу «Дивана» (стр. 51—62), четыре страницы занимают фотокопии текста рукописи «Дивана», далее приводится текст перевода (стр. 1—688).

Вступительная статья знакомит читателя с эпохой Махмуда Кашгари, исторической обстановкой, в которой создавался «Диван». Несомненный интерес представляют приведенные здесь новые данные из китайских источников, проливающие свет на некоторые страницы истории Караханидского государства и входивших в его состав племен и народностей.

Второй раздел посвящен жизни и трудам Махмуда Кашгари. На основе анализа данных самого «Дивана» авторы высказывают предположение, что Махмуд Кашгари родился в Кашгаре, в селе Азак или Опал. Интересно сообщение, что «жители Янгисара, которые считаются потомками ягма, каждую весну совершают паломничество к

мазарам Хазрати Султан Сутук буграхана в Артуше, Орда Ханум и Хазрати Бегим в Янгисаре, Хазрати Моллам в Опале (предполагается, что последний является могилой самого Махмуда Кашгари)⁴.

В третьем разделе статьи подчеркивается, что, работая над созданием своего «Дивана», Махмуд Кашгари глубоко изучал опыт своих предшественников и современников по составлению словарей, но сам применил совершенно новую, оригинальную систему.

Четвертый раздел вступительной статьи знакомит читателей с общим содержанием «Дивану лугат-ит-тюрк», семантическими разрядами слов, вошедших в словарь. Как пишут авторы, достоверность сведений Махмуда Кашгари о тюркских племенах и народностях той эпохи подтверждается данными арабо-персидских и китайских источников.

Заслуживают внимания рассуждения авторов в пятом разделе относительно государственной письменности Караханидов и их государственного языка, именуемого «хаканским». Особенно подробно разбираются особенности этого языка на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Основой для составления «Дивану лугат-ит-тюрк», по мнению авторов, явился язык хаканских тюрков.

В заключительном шестом разделе ста-

⁴ Там же, стр. 13 (сноска 1). В связи с этим приведем также небезынтересное официальное сообщение агентства Синьхуа (Урумчи, 29 марта 1983 г., корреспондент Ван Юфу) следующего содержания: «Недавно в Кашгарском вилайете найдена могила Махмуда Кашгари... автора „Дивана тюркских языков“. Могила Махмуда Кашгари обнаружена на одной из возвышенностей селения Азак Опалкой гуниши (коммуны) уезда Кона шахар (Старый город) исследовательской группой под руководством заместителя директора Института языка Академии общественных наук Синьцзяна Ибрахима Мутъи... О месте рождения и погребения Махмуда Кашгари до сих пор не было известно ничего, кроме некоторых сведений, приведенных в его словаре. В прошлом году в декабре месяце была организована изыскательная группа из местной интеллигенции и известных духовных лиц под руководством Ибрахима Мутъи, которая провела повторные исследовательские работы; основываясь на высказываниях самого Махмуда Кашгари в двух местах „Словаря“ о том, что Опал и Азак — названия наших родных селений», а также сравнивая эти сведения с распространенными в народе легендами и историческими памятниками, эта группа установила, что „Мазар Хазрати Моллам“, находящийся под этим названием выше села Азак, и к которому испокон веков уйгуры совершают паломничество, является ничем иным, как могилой Махмуда Кашгари».

² Ю. Мухлисов. Об уйгурском переводе «Дивану лугат-ит-тюрк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 150.

³ См. вступительную статью, предпосланную уйгурскому переводу «Дивана», стр. 49.

тьи говорится об изданиях и издателях «Дивана». Отмечаются достоинства турецкого и узбекского переводов этого сочинения. В частности говорится, что в процессе перевода на современный уйгурский язык «Дивану лугат-ит-тюрк», «...мы (авторы. — Г. С.) с благодарностью и с пользой для себя обращались к переводам... Бесима Аталая, а также Салиха Муталибова» (стр. 47). Вместе с тем, отдавая должное познаниям Аталая в старотюркских, новотюркских и арабском языках и его успешному переводу «Дивана» на турецкий язык, авторы отмечают и отдельные недостатки этого перевода. Одним из существенных недостатков последнего, по мнению авторов статьи, является то, что присущий карахандско-уйгурскому языку звук *ə* передается всюду через *e* (по-видимому, это должно было свидетельствовать о близости языка «Дивана» к современному турецкому); далее отмечается, что переводчик (то есть Бесим Аталай) непоследователен в передаче и объяснении некоторых незнакомых ему фонетических явлений, вследствие чего он допустил ряд ошибок и неточностей в транскрипции.

Авторы вступительной статьи утверждают, что Махмуд Кашгари является уйгуром из Кашгари. Вместе с тем они подчеркивают то обстоятельство, что при составлении «Дивана» Махмуд Кашгари, опираясь на литературный язык, называемый «хаканским», широко использовал материалы языков всех известных ему тюркских племен, и именно поэтому назвал свой труд «Словарем тюркских языков». Поэтому, утверждают авторы, «Диван» является общим достоянием всех тюркоязычных народов.

Немало интересного содержат приведенные в книге примечания к переводу. Так, составители указывают, что при переводе «Дивана» на современный уйгурский язык за основу была взята факсимильная копия рукописи Махмуда Кашгари, изданная Бесимом Аталая в 1941 году в Анкаре. Полностью сохранена арабская орфография слов и иллюстративных примеров «Дивана».

В печатном варианте рукописи «Дивана» в арабской графике и в переводах его на ряд языков выведены в реестры как отдельные заглавные слова, так и некоторые иллюстративные примеры, что не соответствует избранному Махмудом Кашгари принципу. Поэтому такие неточности

издателями исправлены, то есть указанные примеры выведены из реестров и приведены в одном ряду с иллюстративным материалом.

Расхождения в написании оговариваются в сносках.

Сохранено в основном написание слов и примеров, орфография которых неясна, однако, явные ошибки исправлены, как это было сделано и в переводах на другие языки, что также отмечается в примечаниях специальной сноской.

Реестровые слова и примеры в «Диване» даются параллельно также и в уйгурской транскрипции на основе вновь принятой в Сибирязине латинской графики, что показано в специальной таблице (в скобках представлены их эквиваленты в международной транскрипции).

Все пояснения Махмуда Кашгари к тюркским словам издатель старались передать, не отходя от авторского текста, а именно:

если то или иное слово в тексте «Дивана» употребляется в том же значении, что и в современном уйгурском языке, то оно не заменяется синонимами;

если то или иное слово «Дивана» претерпело с течением времени семантическое изменение и употребляется в современном уйгурском языке уже в несколько ином значении, то в переводе оно дается наряду с синонимом, например, *эт—эт, ғөш* ['мясо']; если то или иное слово «Дивана» не употребляется в современном уйгурском литературном языке, но сохранилось в диалектах, то оно переводится вначале этим диалектным словом, а потом приводится его эквивалент в литературном языке, например, *улуқ—улақ ~ увлақ, кейиқ, қолвақ* ['лодка'].

В примечаниях подробно объясняются также способы перевода и технического оформления пословиц и поговорок, стихотворных текстов, бейтов, графическое изображение некоторых звуков, применение арабских грамматических терминов, принятые условные и иные знаки и т. д.

В целом издание уйгурского перевода бесценного труда Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» является, несомненно, значительным событием в тюркологии. Следует думать, что и последующие тома этого уникального памятника будут изданы сибириянскими тюркологами на столь же высоком научном уровне.

Г. Садвакасов

PERSONALIA

БОЛОТ МУРАТАЛИЕВИЧ ЮНУСАЛИЕВ

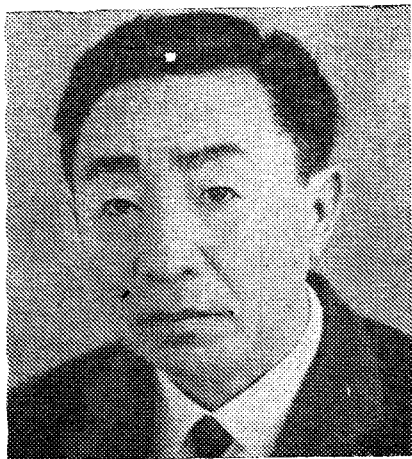
(К семидесятилетию со дня рождения)

Б. М. Юнусалиев — видный исследователь киргизского языка и литературы, академик Академии наук Киргизской ССР, доктор филологических наук, профессор, родился 6 октября 1913 года в селе Уч-урук Кеминского района Киргизской ССР.

После окончания Московского педагогического института, с 1933 по 1935 г. Б. М. Юнусалиев работал инспектором Народного Комиссариата просвещения Киргизской ССР; с 1935 по 1938 год обучался на высших курсах при ЦК ВКП(б); с 1938 по 1941 годы был редактором журнала «Ведомости Верховного Совета СССР» на киргизском языке и одновременно аспирантом Института языкознания Академии наук СССР.

С 1941 по 1945 годы Б. М. Юнусалиев — военный корреспондент и заместитель редактора газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», издававшейся на казахском языке. С 1945 по 1951 годы Б. М. Юнусалиев — министр народного образования Киргизской ССР. В 1949 году он защищает кандидатскую диссертацию «Вспомогательные глаголы в киргизском языке». Окончив докторантуру при Институте языкознания Академии наук СССР, в 1954 г. он защищает докторскую диссертацию «Развитие корневых слов в киргизском языке». В этом же году Б. М. Юнусалиев избирается действительным членом Академии наук Киргизской ССР и по 1960 год работает ректором Киргизского государственного университета.

Б. М. Юнусалиев был ученым широкого научного диапазона: его труды отличались масштабностью охвата и постановки проблем языкознания, глубоким анализом фактов. В этом отношении особенно показательна его капитальная работа «Киргизская лексикология» (Фрунзе, 1959). Н. К. Дмитриев в своем отзыве на эту работу писал, что «она может стать основ-

ной при составлении исторической грамматики не только киргизского, но и других тюркских языков». Высокую оценку исследованию ученого дали также профессоры Т. А. Бертагаев, А. К. Боровков и др.

Б. М. Юнусалиев первым исследовал историю киргизского языка в тесной связи с историей народа, на основе сравнительно-исторических материалов тюркских и монгольских языков¹. Подробнее об этих вопросах говорится в его посмертно изданной работе «Киргизская диалектология» (Фрунзе, 1971). Б. М. Юнусалиевым был написан и первый очерк на русском языке — «Киргизский язык», посвященный фонетике, грамматике, лексике, диалектологии и истории киргизского языка. («Языки народов СССР», том 2, М., 1965). На основе

¹ См.: Б. М. Юнусалиев. Проблема формирования общенародных черт киргизского языка. — «Вопросы языкознания», 1955. № 2.

собранного и проанализированного им богатейшего диалектологического материала Б. М. Юнусалиев написал монографию «Киргизская диалектология».

Несомненный научный интерес представляет работа Б. М. Юнусалиева по выявлению общих элементов киргизского и алтайского языков.

Многое было сделано Б. М. Юнусалиевым и для изучения великого киргизского эпоса «Манас». Ему принадлежат разработки многих проблемных вопросов этого памятника.

Свои оригинальные и глубоко научные суждения относительно возникновения и развития эпоса Б. М. Юнусалиев изложил в предисловии к сводному варианту четырехтомника эпоса «Манас» (Фрунзе, 1956—1961)². Много времени уделял ученый исследованию и изданию этого эпоса в последние годы своей жизни.

Б. М. Юнусалиев был крайне добросовестным и требовательным редактором. Под

² См. также статью Б. М. Юнусалиева в сборнике «Киргизский героический эпос „Манас“» (М., 1961, стр. 282—297) и предисловие к книге «Эпос „Манас“» (Ташкент, 1969).

его редакцией были изданы многочисленные коллективные капитальные издания и монографии.

Заведая кафедрой киргизского языка и литературы Ордена Трудового Красного Знамени Киргизского государственного университета имени 50-летия СССР, Б. М. Юнусалиев внес большой вклад в организацию учебной и научной работы. Он был одним из основных авторов вузовских программ и учебной литературы по киргизскому языку и киргизской диалектологии. Много сил и энергии отдал ученый подготовке и воспитанию научно-педагогических и учительских кадров республики.

Б. М. Юнусалиев избирался членом ЦК КП Киргизии, депутатом Верховного Совета Киргизской ССР второго и пятого созывов. За большие заслуги перед Родиной он был награжден орденами Красная Звезда, «Знак Почета» и медалями СССР. Умер Б. М. Юнусалиев в 1970 году.

Память о Б. М. Юнусалиеве — замечательном ученом, простом, доступном и очень скромном человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег и благодарных учеников.

Б. О. Орузбаева, Ш. Ж. Жапаров

КАМАЛ АБДУЛЛА ШАИК ОГЛЫ ТАЛЫБЗАДЕ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Видному азербайджанскому литературоведу, заслуженному деятелю науки Азербайджанской ССР, члену-корреспонденту Академии наук Азербайджанской ССР, доктору филологических наук, профессору Талыбзаде Камалу Абдулла Шаик оглы исполнилось шестьдесят лет.

К. А. Талыбзаде родился 14 августа 1923 года в Баку в семье известного азербайджанского писателя и педагога Абдуллы Шаика.

Научную деятельность К. А. Талыбзаде начал в аспирантуре Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, куда он поступил в 1945 году по окончании филологического факультета Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. После защиты кандидатской диссертации «Жизнь и творчество А. Сиххата» (1949) и нескольких лет работы научным сотрудником института, К. А. Талыбзаде в 1952 году был назначен заведующим отделом литературы XIX—XX веков, а с 1960 года — заместителем директора Института литературы и языка им. Низами, в должности которого он проработал двадцать лет. В 1964 году за диссертационную работу «Азербай-

джанская литературная критика XX века» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

К. А. Талыбзаде является представителем послевоенного поколения азербайджанских ученых-филологов, внесшего значительный вклад в развитие азербайджанско-

го литературоведения. Перу К. А. Талыбзаде принадлежит большое число научных работ, посвященных актуальным проблемам литературоведения и критики. Наиболее значительными из них являются монографии «Аббас Сиххат» (1955), «Горький и Азербайджан» (1959), «Азербайджанская критика XX века» (1966), книги «Заметки о нашей критике» (1967), «Литературное наследие и наследники» (1974), «Личность художника» (1978), которые были высоко оценены в научной периодике республики. Для исследований К. А. Талыбзаде характерно глубокое раскрытие идейно-эстетических особенностей национального историко-литературного процесса с позиций ведущих тенденций и проблем советского литературоведения, постоянное внимание к таким актуальным вопросам, как литературное наследие и современность, личность писателя и художественное творчество, межнациональные литературные связи, народность и партийность литературы, новаторство и эпигонство в литературном творчестве и т. д.

Особое место в трудах К. А. Талыбзаде занимают вопросы истории и современного состояния литературной критики. Наиболее капитальным исследованием, посвященным этой проблеме, является его монография «Азербайджанская критика XX века», в которой автору удалось на конкретном и до него малоисследованном материале убедительно показать роль прогрессивных азербайджанских писателей и публицистов в становлении и развитии национальной литературно-критической мысли, определить место различных литературных жанров и течений в историко-литературном процессе.

К. А. Талыбзаде принадлежат значительные заслуги и в создании обобщающих многотомных изданий по истории азербайджанской литературы: он один из авторов и редакторов трехтомной (1967), а также

подготавливаемой ныне к изданию семитомной «Истории азербайджанской литературы».

Важное место в научной деятельности К. А. Талыбзаде занимает составление и подготовка к изданию собраний сочинений классиков азербайджанской литературы — А. Шанка, А. Сиххата, С. С. Ахундова, Ф. Ючарли (в соавторстве), С. Вургуня (в соавторстве). Сопровождаемые вступительными статьями и комментариями составителя, эти издания отличаются высокой текстологической культурой.

К. А. Талыбзаде — член правления Союза писателей Азербайджана, долгие годы руководил секцией критики и литературоведения этого Союза, является также членом Советского комитета тюркологов. Он в течение более чем двадцати лет (с 1957 года) был заместителем председателя Координационного совета по проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху».

Многое сделано К. А. Талыбзаде и в области подготовки научных кадров. Под его руководством написано и защищено восемнадцать кандидатских и две докторские диссертации. Занимая в настоящее время должность заведующего отделом истории и литературной критики Института литературы им. Низами, он продолжает вести активную научную работу и одновременно готовит кадры молодых исследователей.

За заслуги в области научной и научно-организационной деятельности К. А. Талыбзаде присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР.

Коллеги, друзья и ученики К. А. Талыбзаде сердечно поздравляют его со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых успехов в научной деятельности.

С. Ю. Османлы

ХРОНИКА

ВТОРОЕ РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ЭТИМОЛОГОВ

7—8 июня 1983 года в Чебоксарах состоялось второе рабочее совещание этимологов, организованное по инициативе Советского комитета тюркологов, Института языкознания Академии наук СССР, ордена «Знак Почета» Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, проведенное при участии сотрудников научных учреждений и вузов Алма-Аты, Баку, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Кызыла, Москвы, Нукуса, Уфы, Чебоксар.

Открывая совещание, *В. Д. Дмитриев* (Чебоксары) отметил успешное развитие за последние годы этимологических исследований в тюркском языкознании. Важным этапом историко-этимологических разработок в тюркологии явилось издание «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна. Чувашское языкознание, располагающее трудами Н. И. Золотницкого, Н. И. Ашмарина, В. Г. Егорова, З. Гомбоца, У. Вихмана, М. Рясянена, Г. Дж. Рамстедта, Л. С. Левитской, М. Р. Федотова имеет надежную базу для создания нового этимологического словаря чувашского языка. В последнее время чувашскими лингвистами изданы четыре тематических сборника по этимологии, а также «Инструкция и пробные статьи „Этимологического словаря чувашского языка“» (Чебоксары, 1980).

В докладе *Л. С. Левитской* (Москва) «Этимология и тюркская лексикография», посвященном связи практики лексикографии и этимологических исследований, были рассмотрены конкретные случаи омонимии в современных переводных словарях тюркских языков (например: *käs* — I 'резать' и *käs* — II 'обходить'), случаи различного представления значений основ типа *jağa* — 'быть годным'; было показано, что анализ лексики по лексико-семантическим группам и углубленное исследование вопросов синонимии способствует выяснению семантических связей между отдельными лексемами; практика употребления лексикографических

помет *араб., перс., греч.* и т. п. порой не подкрепляется соответствующим этимологическим анализом, то есть не обосновывается. В то же время отмечалось, что значительно продвинулось изучение тюркизмов в финно-угорских и славянских языках и определение языковой принадлежности соответствующего этимона стало более убедительным. Докладчик отметила и следующие недостатки словарей: 1) субъективная трактовка значений слова без учета специфики места, занимаемого им в лексике того или иного тюркского языка; 2) отсутствие иллюстративных примеров и вследствие этого нечеткая рубрикация значений; 3) недостаточное обращение к реалиям при трактовке значения слова. В докладе говорилось также о слабом развитии диалектной лексикографии и об отсутствии словарей языка отдельных этнических групп (урумов, мордвы-каратаев и др.).

М. И. Скворцов (Чебоксары) в докладе «Методические и организационно-технические вопросы работы над этимологическим словарем» остановился на практических задачах, стоящих перед составителями нового этимологического словаря чувашского языка. Комплексный и многоцелевой характер словаря требует того, чтобы в словарной статье были сгруппированы диалектные варианты, производились исторические фиксации лексем в памятниках письменности XVIII—XIX веков, приводились словообразовательные модели, определялись статусы слов, особенно тех, которые по существующим источникам подаются с пометами: «темное», «неизвестное», «неясное».

В этимологическом словаре, по мнению докладчика, должны находить отражение и основы, выпавшие в ходе исторического развития из чувашского языка (но имеющиеся в общетюркской лексике), а также в приложениях к основному корпусу словаря — болгаризмы как рефлексы древнечувашского в славянских и других языках. Для графической передачи иллюстративного материала из разных языков и источников следует использовать один из вариан-

тов фонетической транскрипции (или же транслитерации), предложенных в последнее время для тюркских языков.

Н. И. Егоров (Чебоксары) в докладе «Цели и задачи „Историко-этимологического словаря чувашского языка“», отметил, что его составители исходят из периодизации истории чувашского языка, предложенной *А. Рона-Ташем*¹. Словник включает всю апеллятивную лексику с пояснением отношений между исконной и неисконной лексикой и параллельным восстановлением праформ. Составителям предстоит решение ряда важных задач, таких как реконструкция первичной семантики праформ, определение этимонов при анализе заимствованной лексики, прослеживание реальных путей заимствования через языки-посредники, адаптация заимствований на почве чувашского языка.

Перед чувашскими этимологами стоят следующие насущные задачи: 1) продолжение сбора чувашской диалектной лексики и архаической терминологии ремесел; изучение словарного состава диалектов и говоров чувашского языка лингвогеографическим методом (диалектная картотека должна составить часть генеральной картотеки историко-этимологического словаря чувашского языка); 2) составление исторической картотеки лексики чувашского языка, охватывающей период от булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV веков до памятников XVIII—XIX веков; 3) составление картотеки родственных основ близкородственных и неблизкородственных языков. При этимологическом анализе, считает докладчик, должны быть учтены все существующие этимологии с соответствующей критической оценкой. Составители словаря будут исходить из общих принципов фонетической и семантической реконструкции с учетом хронологии фонетических соответствий между чувашским и другими тюркскими языками; необходимо выработать единую рабочую точку зрения на алтайскую теорию (булгароидные -г-, -л- формы в монгольском языке предлагается считать прото-булгарскими заимствованиями, что позволяет углубить реконструкцию до середины первого тысячелетия до н. э.). Хронологически и по языкам-источникам должны быть дифференцированы тюркские элементы чувашского словаря (например, общетюркское *jāp отражается в чувашском в виде s'um 'рядом', jun-ažar *id.*, jep 'сторона', jan: rus'jan-ě 'высок').

Нетюркские элементы чувашского словаря (начиная с индо-арийских, семито-хамитских, кавказских заимствований до позднейших заимствований из русского языка) при этимологическом анализе дают картину этнолингвистических контактов на

протяжении тысячелетий. История булгарского периода может быть прослежена в диатопическом и диахроническом аспектах по булгарским заимствованиям в других языках. Для среднебулгарского периода особое значение имеют заимствования в пермских, мордовских, марийском языках, так как с их помощью вычленяется зона распространения среднебулгарского языка. Решение этих задач в процессе создания «Историко-этимологического словаря чувашского языка» должно способствовать прояснению сложных проблем этно- и глоттогенеза народов Среднего Поволжья и Урала.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Исторические словари Л. Будагова и Паве де Куртейля как источник этимологического словаря»² подчеркнула значение этих уникальных исторических словарей, в которых тюркская лексика дана в арабской графике, для этимологических исследований. Докладчик остановилась на источниках, их составе, объеме, структуре, методе оформления словарных статей, способах раскрытия значения слов. Оба словаря опираются на традиции восточной лексикографии и широко используют старописьменные источники, однако имеют существенные различия как в расположении словарного материала (корнесловный — у Л. Будагова и алфавитный — у Паве де Куртейля), так и в составе и объеме. Словарь Л. Будагова носит сравнительный характер и поэтому включает общетюркскую и межтюркскую лексику, диалектизмы, онимы и заимствования. Словарь Паве де Куртейля включает только лексику чагатайского языка. Не совпадают в этих словарях также принципы толкования слов и подачи их значений.

Л. Г. Офросимова-Серова (Москва) поделилась опытом организации работы над «Этимологическим словарем тюркских языков» и коротко охарактеризовала основные источники этимологических словарей тюркских языков и направления, по которым должны проводиться накопление и сбор материала: 1) тюркская лексика, используемая при разработке самой словарной статьи, а именно — материалы диалектов, литературных языков, памятников; 2) справочная лингвистическая литература; 3) библиография этимологий.

В. А. Меркулова (Москва), один из авторов-составителей «Этимологического словаря славянских языков», поделилась опытом работы над созданием этого словаря, которая ведется с 1961 года под руководством *О. Н. Трубачева*.

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе

¹ См.: *А. Рона-Таш*. The periodisation and sources of Chuvash linguistic history. — В сб.: «Chuvash Studies». Akadémiai kiadó, Budapest, 1982, стр. 113—169.

² *Л. Будагов*. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий (СПб., т. I, 1863; т. II, 1871); *Паве де Куртейль*. Восточно-тюркский словарь, Париж, 1870.

«Роль болгаризмов славянских языков в реконструкции чувашской лексики» на конкретных примерах этимологического анализа болгаризмов в славянских языках [*шаран* 'карп' из болгарского, в отличие от общетюркского *сазан*, старорусское *ватаман* > *атаман*, *шурка* (Смоленск. обл.) 'овца' < чув. *суғăх* ~ тат. *сагук*] показал сложность путей их заимствования.

Доклад А. В. Дыбо (Москва) «Опыт ареального изучения номинационных систем при этимологическом исследовании» посвящался проблеме возможностей заимствования в основной словарный фонд тюркских языков.

Составитель «Этимологического словаря марийского языка»³ Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола) остановился на проблеме словаря этимологического словаря конкретного языка. Этимологический словарь должен охватывать весь словарный состав языка, включая как древние, так и новые образования. Корпус ономов, имеющих хождение в данном языке, также является объектом этимологизирования в словаре.

Ряд сообщений на совещании посвящался проблеме структуры тюркского корня и перспективам корневой этимологии.

Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), основываясь на моносиллабности тюркского корня, предложил классификацию коррелятов с лексико-грамматическим значением.

Структурно-семантическое развитие корня *zā-//sa-* 'говорить', 'считать' проследил Г. К. Кулиев (Баку), начиная с языка памятников древнетюркской письменности и до современных тюркских языков.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары), опираясь на положения разрабатываемой им теории имитативов, критически рассмотрел некоторые этимологии в существующих этимологических словарях. В сравнительно-историческом языкознании вопрос о статусе корня не ставится, или же решается в плане дальнейшего членения на новый корень и аффикс. С точки же зрения имитативки, например, некоторые параллели из финно-угорских, картвельских и славянских языков в результате семантической реконструкции возводятся докладчиком к имитативам (см. *kät* 'мелкая, движущаяся масса чего-либо').

К. Ш. Хусаинов (Алма-Ата) подверг фоносемантическому анализу тюркскую лексическую основу *вог*, связывая реконструкцию ее первичной семантики с идефонами *вог-вог*, *вогq-вогq* 'звуки, издаваемые при резком падении предмета в рыхлую массу', зафиксированными в казахском и киргизском языках.

В докладе А. К. Шагирова (Москва) «О некоторых вспомогательных приемах верификации этимологических решений» были рассмотрены такие приемы этимологиче-

ских исследований, как использование экстралингвистических факторов, привлечение типологических параллелей из других языков (родственных и неродственных), системный подход к анализу лексического материала (групповая этимология).

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «О языках-посредниках при этимологии заимствованных слов» проанализировал ряд тюркизмов русского языка и классифицировал их в зависимости от источника заимствования: 1) из современных тюркских языков (*кутерьма*, *алтын*, *пирог*); 2) из древних тюркских языков — болгарского, хазарского, печенежского [*акациры* (этноним) < болгаро-хазарское, восстанавливаемое на основе чувашского **akašér* < *ака* 'пашня' + *šè* (аффикс действующего лица) + *г* (показатель множественного числа) = 'люди пашни']; 3) слова иноязычного происхождения (индоевропейские, монгольские, китайские, арабские), заимствованные через различные тюркские языки: *фисташка*, *майдан*, *муза*, *казна*, *панталык* («сбить с панталыку»). Полная этимология должна учитывать все языки-посредники, через которые проходит заимствованное слово (заимствования подразделяются на заимствования 1-ой, 2-ой и 3-й степени: *штаны* < тюрк.; *хозяин* < тюрк. < перс.; *изумруд* < тюрк. < перс. < греч.).

М. Р. Федотов (Чебоксары) в докладе «Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух так называемых тохарских заимствований ('тох. В *piš* 'пять', др.-тох. *yeš* 'металл')» оспаривал точку зрения А. Рона-Таша относительно того, что чувашское *piš* + *èk* ~ пратюрк. **bes* < тох. В *piš* в результате заимствования в первых веках н. э.⁴ Сопоставив различные противоречивые суждения, касающиеся проблемы чувашско-монгольского ламбдаизма и ротацизма, М. Р. Федотов противопоставил им собственные контраргументы, доказывая, что пратюрк. **beš* не может быть заимствованием и что ротацизм и ламбдаизм хронологически относятся к периоду алтайской общности.

На явлении дериватологической контаминации остановился в своем выступлении И. П. Павлов (Чебоксары). Возникновение омонимичных деривационных аффиксов и наличие или отсутствие между ними этимологической связи имеет важное значение при выборе того или иного этимологического решения. В этом плане прежде всего необходим анализ конверсии в чувашском языке, которая ведет к омонимии производных основ (типа *kapăš-* 'успокаиваться' и *kapăš* 'покой'). В результате дериватологической контаминации возникают новые аффиксы и усложняется структура слова. Деривационные формативы, имеющие разный фонемный состав, следует рассматривать как алломорфы.

³ Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. I, Йошкар-Ола, 1979.

⁴ См.: А. Рона-Таш. Указ. раб.

В. И. Сергеев (Чебоксары) обосновал выдвигаемый им метод синхронной реконструкции. Если исходить из динамического представления синхронной системы языка, то морфологическая членность основы предполагает иногда отождествление этимологического и морфологического анализа.

Значительное место в программе совещания заняли сообщения об этимологии отдельных лексико-семантических групп тюркской лексики и конкретных этимологических разработках.

О ложных следах в этимологии говорил **Р. Г. Ахметьянов** (Казань). Он предложил новые этимологии тат. *itläk* 'склад', *bäğänge* 'картофель'; русск. *косуля* (<тюрк. *qozulaj* 'косуля'); тат. *çiçka* ~ чув. *syspa* 'свинья'; русск. *баштан* (кыпч. *baştan* ~ *bastan* <перс. *baştan* 'огород', 'сад') и некоторых других слов.

По мнению **А. Г. Шайхулова** (Уфа), в семантической микросистеме названий растений в тюркских языках мотивирующие признаки номинации могут быть дифференцированы по четырем рубрикам — 1) природа, 2) человек, 3) общество, 4) познание, что представляет собой видоизмененный вариант известной семантической «сетки» Халлига—Вартбурга. Применение такой рубрикации к языкам волжско-камского языкового союза позволяет выявить типологию моделей названий растений.

Б. И. Татаринцев (Кызыл) в докладе «Вопросы этимологии названий частей тела в тюркских языках» отметил, что при этимологическом анализе названий частей человеческого тела в тюркских языках отсутствует общий ономастиологический подход. Первичной признается семантика части тела, духовная же или экспрессивная семантика считается, как правило, производной, переносной. Однако конкретный этимологический анализ показывает порой обратное. Общетюркское *baş* ~ *paş* 'голова' <'верх, верхняя часть' можно сравнить с алтайским диалектным рак- 'лезть вверх' <*ра-//*ба- (к — аффикс пассива). Отсюда *paş* ~ *baş* — отглагольное существительное со значением местоположения (š — аффикс имени). Названия частей тела в тюркских языках при семантической реконструкции часто имеют мотивации: 1) по положению, 2) по форме, 3) по функции. Развитие значений слов данной лексикосемантической группы шло разными и порой весьма необычными путями.

А. П. Хузангай (Чебоксары) на примере арабских заимствований в чувашском языке подчеркнул значение анализа бинарных семантических оппозиций, которые организуют мифологическое онимическое пространство. Докладчиком были рассмотрены типология семантических изменений, которые претерпели арабские заимствования на чувашской почве, а также процессы их онимизации.

А. А. Жаримбетов (Нукус), отметив, что тюркизмы названий растений в русском языке подвергаются народному переосмыс-

лению и значительно варьируются в диалектной речи, предложил этимологии таких названий, как *сибирек*, *кумарчик*, *чилига*, *таволга* и т. п.

О некоторых принципах этимологизации чувашских орнитонимов доложил **Л. П. Петров** (Чебоксары). Среди чувашских названий птиц общетюркские составляют около 40% общего их числа. Широко представлены также финно-угорские, кыпчакские, арабские и русские названия. Некоторые тюркские заимствования в ходе исторического развития вытеснили старые болгарские формы в чувашском языке. Например, чувашское *tärna* 'журавль' восходит к общетюркскому **turpa id.* <др.-тюрк. *tur* 'худеть'. В болгарском его развитие на разных этапах шло от протобулг. **turuq* > прабулг. **turaq* 'журавль'. В существующих лексикографических изданиях орнитонимы чувашского языка не нашли еще полного отражения.

Р. Ш. Насибуллин (Ижевск) предложил этимологию удмуртского слова *ikuitem* 'озорник', 'поступающий неразумно', заимствованного из среднеболгарского **uquf*, восходящего, в свою очередь, к арабскому 'aqil 'умный', где *tem* — аффикс отрицания качества, выраженного основой. В чувашском языке эта основа не сохранилась, однако известно позднее заимствование из старотатарского *hakäl* в сочетании *äs-hakäl* 'ум-разум', которое восходит к тому же арабскому этиму.

Доклады и сообщения, прослушанные на совещании, вызвали оживленный обмен мнениями. Многие из выступавших касались программы работы над «Историко-этимологическим словарем чувашского языка». Обсуждались также пробные статьи этого словаря, с которыми участники ознакомились в процессе совещания.

Участниками совещания были приняты рекомендации, в которых, в частности, предлагается:

просить Советский комитет тюркологов проводить подобные совещания систематически (один раз в два года) в различных тюркологических центрах, ведущих этимологические исследования;

просить соответствующие научные учреждения вести в практику взаимный обмен научными сотрудниками, стажерами-исследователями, аспирантами и др.; усилить координационные и творческие связи с коллективами, имеющими сложившиеся традиции работы и создающими этимологические словари языков инносистемных семей;

практиковать обмен опытом практической работы в проведении этимологических разработок, а также их совместное проведение по подгруппам тюркских языков или регионам с применением методов ареальной лингвистики;

унифицировать оформление научного аппарата и систему транслитерации и транскрипции фактического материала;

просить Советский комитет тюркологов

возбудить ходатайство о переиздании ценных для историко-этимологических исследований трудов, ставших в настоящее время библиографической редкостью (Н. И. Ашмарин, Л. Будагов и др.);

признать перспективным опыт работы по подготовке полного этимологического словаря чувашского языка;

просить дирекцию НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР опубликовать материалы настоящего совещания в виде тематического сборника.

А. П. Хузангай

КРАТКАЯ СХЕМА ОПИСАНИЯ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ*

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1) Монографическое исследование может быть посвящено описанию диалекта, группы говоров, говора или подговора. Указывается точный ареал описываемого диалекта (говора).

2) Диалект (говор, подговор) описывается как система, приводятся все формы, бытующие в диалекте (говоре, подговоре).

3) Описание ведется в сравнении с литературным языком с привлечением в необходимых случаях материалов древнетюркских и современных родственных языков, а также языков, оказавших влияние на изучаемый объект.

4) Формы, совпадающие с литературными или являющиеся их фонетическими вариантами (при полном совпадении объема значений и отсутствии каких-либо особенностей в употреблении), приводятся без подробного анализа, но с непременным указанием «как и в литературном языке» и обязательным определением их места в системе диалекта.

5) При рассмотрении того или иного (в первую очередь фонетического) явления, необходимо установить и отметить в описании, носит ли оно закономерный характер или же встречается лишь спорадически (сохранилось только как реликтовая форма). В последнем случае необходимо привести все зафиксированные на это явление примеры.

6) При рассмотрении словообразовательных и словоизменительных аффиксов следует приводить все их варианты и указывать, в какой позиции тот или иной вариант употребляется.

7) На каждое явление необходимо приводить иллюстративный материал, извлеченный из полевых записей. Диалектизмы, приведенные в художественной литературе, газетах и других печатных источниках, не могут быть использованы в качестве иллюстративного материала, так как они не всегда правильно отражают фонетический облик слова, не могут быть точно паспортизованы и т. д.

В разделе «Грамматика» примеры на употребление той или иной формы приводятся в контексте.

Если работа выполнена на русском языке, то иллюстративный материал (отдельные слова, фразы, словосочетания) должен быть переведен на русский язык. В необходимых случаях приводится и буквальный перевод с пометой *бука*.

8) В работе должна быть использована унифицированная транскрипция. Все случаи отклонения от принятой транскрипции, дополнения и т. п. необходимо оговорить.

9) При описании следует четко придерживаться общепринятой терминологии (диалект, группа говоров, говор, подговор; соответствие, чередование, переход и т. д.). Случаи отклонений необходимо специально оговорить, объяснив при этом их причину (несоответствие, неточное отражение сущности явления и т. д.).

10) Желательно по возможности придерживаться предложенной здесь схемы изложения.

11) Если явление, указанное в данной схеме, отсутствует в исследуемом диалекте (говоре, подговоре), то необходимо это особо оговорить.

12) В говорах того или иного языка могут быть обнаружены явления, не получившие отражения в данной схеме. Их следует специально рассмотреть при описании конкретного диалекта (говора, подговора).

* «Краткая схема» подготовлена Л. Т. Махмутовой по предложению Советского комитета тюркологов и обсуждена на заседании сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР. Публикуется в помощь начинающим диалектологам.

ВВЕДЕНИЕ

- 1) Язык, к которому относится исследуемый диалект (говор, подговор).
- 2) Диалектная система данного языка (перечень диалектов и территория их распространения). Классификация говоров исследуемого диалекта (перечень и территория распространения). Группы говоров. Говоры. Подговоры.
- 3) Территория распространения исследуемого диалекта (говора, подговора) с указанием населенных пунктов, их географической долготы и широты. Компактность расселения носителей его. Обособление их (этническое, территориальное, религиозное и т. п.) от основной массы данного народа. Языковое окружение: а) диалект, говор и т. д. того же языка, б) иноязычное окружение.
- 4) Краткая история расселения носителей изучаемого диалекта (говора, подговора) на основе архивных, исторических данных, с использованием легенд, сохранившихся в памяти населения.
- 5) История изучения данного диалекта (говора, подговора).
- 6) Библиография работ, посвященных исследованию данного диалекта (говора, подговора).

ФОНЕТИКА

Система гласных

Состав гласных фонем. Классификация гласных. Таблица гласных. Употребление гласных в различных позициях в слове. Варианты гласных фонем. Дифтонгоидный характер гласных. Типы губных гласных (кыпчакский, огузский типы). Й-отированное или не й-отированное начало слова. Долгие гласные (долгота этимологическая и заместительная). Носовые гласные. Фарингализованные гласные.

Редукция гласных. Выпадение и вставка гласных.

Соответствия гласных: а) закономерные, б) спорадические, встречающиеся лишь в отдельных словах (перечень примеров по возможности должен быть исчерпывающим). Соответствие широких гласных узким, и наоборот (перечень примеров также по возможности должен быть исчерпывающим).

Дифтонги. Истинные. Ложные. Дифтонгоиды.

Система согласных

Состав согласных. Классификация согласных. Таблица согласных. Палатализованные согласные и их фонематичность. Характеристика согласных (при этом обратить особое внимание на наличие и характеристику аффрикат и увулярных согласных). Долгие согласные. Придыхательные согласные. Употребление согласных в различных позициях в слове (начале, середине, конце). Соответствия согласных: а) закономерные, б) спорадические, встречающиеся лишь в небольшом числе слов (перечень примеров по возможности должен быть исчерпывающим). Выпадение и вставка согласных (в сравнении с данными «Древнетюркского словаря»).

Сингармонизм. Гармония гласных (небная, губная). Нарушение гармонии гласных, являющееся закономерным для данного диалекта (говора, подговора) или встречающееся лишь в отдельных случаях (перечень примеров должен быть по возможности исчерпывающим). Анализ причин нарушения гармонии гласных. Гармония согласных (по звонкости и глухости, по мягкости и твердости).

Гармония гласных и согласных. Случаи нарушения гармонии (например, употребление палатализованных согласных в соседстве с гласными заднего ряда) и их причины.

Ассимиляция (прогрессивная и регрессивная) согласных в корне (основе) слова, на стыке корня (основы) и аффикса, а также на стыке двух слов.

Диссимиляция согласных.

Лабнализация гласных под влиянием согласных.

Ударение.

ГРАММАТИКА

Именные категории

1. Категория числа. Аффикс множественного числа *-lar/-lär/-ler* и его значения. Другие способы выражения множественного числа.

2. Категория принадлежности. Способы выражения. Двойное оформление 3-го лица единственного числа, отсутствие аффикса принадлежности 1-го лица множественного числа и др.

3. Категория склонения. Парадигма именного склонения с приведением всех вариантов аффиксов падежей. Пережиточные формы падежей: инструментального, аблативного, направительного. Притяжательное склонение имен с аффиксами принадлежности всех трех лиц обоих чисел. Особенности употребления падежей.

4. Способы выражения субъективной оценки имен существительных.

Имена прилагательные

Словообразовательные аффиксы, носящие узлокальный, реликтовый характер; формы, редко встречающиеся в современных тюркских языках, а также формы с иной семантической характеристикой в диалекте или говоре.

Способы образования степеней сравнения. Фонетические варианты и значения аффикса *-raq/-gäk/-tek...*

Местоимения

Разряды местоимений и лексический состав каждого из этих разрядов. Склонение личных и лично-указательных местоимений с описанием имеющихся особенностей.

Числительные

Количественные числительные. Названия единиц, десятков; специфические особенности в образовании сложных числительных. Форма счета по типу, например, узб. диал. *уч кам қәх* — 37. Образование порядковых, разделительных, собирательных числительных.

Глагол

Словообразовательные аффиксы, носящие узлокальный, реликтовый характер.

Формы передачи протекания действия.

Категория лица и числа.

Аффиксы сказуемости.

Аспекты глагола (обратить внимание на способы образования форм возможности и невозможности, ср.: *jaza al-/jaza bol-/jaza bel...*).

Залоги. Употребление залоговых форм.

Наклонения. Изъявительное наклонение. Формы времен и их значения. Парадигмы спряжения.

Повелительное наклонение. Образование. Форма на *-yıl/-gıl, -yın/-gın...*

Желательное наклонение. Образование (например, в татарских диалектах формы на *-гау* и *-гау иде* и др.).

Модальные конструкции со значением желания типа тат. *-гы келә-, -ма келә-, -ыrsa келә-/телә-, -асы кил-/кел-, -мақы(бул-)* и т. п.

Условное наклонение.

Сослагательное наклонение.

Неличные формы глагола.

Причастие. Формы причастий, их значения и функции.

Деепричастие. Формы деепричастий, их значения и функции.

Формы инфинитива. Оттенки значений. Употребление основных форм инфинитива в значении имени действия.

Формы имени действия. Оттенки значений.

Наречие

Непроизводные наречия, их лексический состав. Производные наречия; отметить все реликтовые морфологические формы в составе наречий. Способы образования наречий.

Послелого

Классификация послелогов. Лексический состав послелогов. Отметить случаи недостаточной грамматикализации послелогов. Характеристика послелогов, составляющих специфику данного диалекта (говора, подговора).

Послелого — служебные слова

Лексический состав. Характеристика служебных слов, составляющих специфику данного диалекта (говора, подговора).

Союзы

Сочинительные и подчинительные (включая заимствованные).

Частицы

1) Частицы, выражающие различные смысловые оттенки: указательные, определительные, усилительные и ограничительно-усилительные.

2) Модальные частицы: модально-побудительные, частицы, выражающие отношение к действительности, утвердительные, отрицательные (*tügül/tügel/tigel...*, *emes/imäs/ebes...*), вопросительные (*-та/-mä/-те/-му/-mü...*).

3) Частицы, выражающие субъективную передачу чужой речи.

- 4) Сравнительно-уподобительные частицы.
- 5) Формообразующие частицы.
- 6) Неопределенные частицы.

Модальные слова

baḡ, joq/juq/juk..., kerek/käräk/kiräk...

Сведения по синтаксису

Наиболее активно употребляемый тип изафетной конструкции.

Способы выражения вопроса в предложении. Интонация как один из способов выражения вопроса.

Порядок слов в простом предложении.

Л Е К С И К А

Характеристика следующих лексико-семантических групп слов:

- а) терминов родства и свойства,
- б) названий частей тела человека и животных,
- в) названий животных (включая птиц, насекомых),
- г) названий овощей, фруктов, злаков и технических культур, названий деревьев и их частей,
- д) терминов, относящихся к рельефу, водным поверхностям, почве, некоторым явлениям природы,
- е) названий пищи, способов ее приготовления,
- ж) названий одежды, ее деталей, элементов украшений,
- з) названий жилища, хозяйственных построек, домашней утвари,
- и) названий упряжи, сбруи,
- к) названий дней недели.

Краткие выводы.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- М. И. Трофимов* (Ош). Ударение в глаголах и постоянно безударные аффиксы в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Г. Ф. Одинцов* (Москва). Из истории тюркизмов в русской оружейной терминологии 14

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчиев* (Елабуга). О происхождении и формировании баитов 26

ОНОМАСТИКА

- И. В. Дрон* (Якутск). Некоторые вопросы гагаузской топонимии Молдавской ССР 37

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Б. А. Серебренников* (Москва), *С. С. Харькова* (Элиста). О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков 46

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Р. Г. Азнагулов* (Уфа). Реликтовые формы словообразования башкирского языка 57
Г. К. Калиев (Алма-Ата). Проблемы изучения диалектного словообразования в казахских говорах 64
Н. И. Попова (Ленинград). Залоги в якутских причастиях 73
М. С. Воронкин (Якутск). О диалектном членении якутского языка 77
Э. А. Умаров (Ташкент). О гласных староузбекского языка XV века 84

РЕЦЕНЗИИ

- Н. А. Баскаков* (Москва). *М. Ш. Ширалиев*. Диалекты и говоры азербайджанского языка 89
Р. Бердибаев (Алма-Ата). *Ш. Қ. Сатпаева*. Казахская литература и Восток 91
К. А. Бичелдей (Кызыл). «Вопросы тувинской филологии» 92
Р. З. Кыдырбаева (Фрунзе). *Б. Кебекова*. Кыргыз-казак фольклордук байланышы 93
А. М. Щербак (Ленинград). «Hungarian Turcology. 1945—1974. Bibliography» 95
Г. Садвакасов (Алма-Ата). *Мәһмүт Қашқәрий*. Түркий тиллар дивани 96

PERSONALIA

- Б. О. Орузбаева*, *Ш. Ж. Жапаров* (Фрунзе). Болот Мураталиевич Юнусалиев 99
С. Ю. Османлы (Баку). Камал Абдулла Шаик оглы Талыбзаде 100

ХРОНИКА

- А. П. Хузангай* (Чебоксары). Второе рабочее совещание этимологов 102
 Краткая схема описания тюркских диалектов 106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- M. I. Trofimov* (Osh). Verbal accent and invariable unstressed affixes in the Turkic languages 3

LANGUAGES IN CONTACT

- G. F. Odintsov* (Moscow). Some notes from history of Turkisms in Russian armoury terminology 14

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- F. Urmancheev* (Yelabuga). On the origin and the formation of bayts 26

ONOMASTICS

- I. V. Dron* (Yakutsk). Some questions of Gagauz toponymy of Moldavian SSR 37

DISCUSSIONS

- B. A. Serebrennikov* (Moscow), *S. S. Kharkova* (Elista). On some effective research methods of relationship problems in the Turkic and the Mongolian languages 46

REPORTS, SURVEYS

- R. G. Aznagulov* (Ufa). Relict forms of word-formation in the Bashkirian language 57
G. K. Kaliyev (Alma-Ata). Problems of study of dialectical word-formation in the Kazakh subdialects 64
N. I. Popova (Leningrad). Voices in the Yakut participles 73
M. S. Voronkin (Yakutsk). On dialectal articulation of the Yakut language 77
E. A. Umarov (Tashkent). Vowels of the Old Uzbek language of the XV century 84

REVIEWS

- N. A. Baskakov* (Moscow). М. Ш. Ширалиев. Диалекты и говоры азербайджанского языка 89
R. Berdibayev (Alma-Ata). Ш. К. Сатпаева. Казахская литература и Восток 91
K. A. Bicheldey (Kyzyl). «Вопросы тувинской филологии» 92
R. Z. Kydyrbayeva (Frunze). Б. Кебекова. Кыргыз-казак фольклордук байланышы 93
A. M. Sherbak (Leningrad). «Hungarian Turcology. 1945—1974. Bibliography» 95
G. Sadvakasov (Alma-Ata). Мəһмүт Қəшқəрий. Түркий тиллар дивани 96

PERSONALIA

- B. O. Oruzbayeva, Sh. Zh. Zkaparov* (Frunze). Bolot Murataliyevich Yunusaliyev 99
S. Yu. Osmanly (Baku). Kamal Abdulla Shaik ogly Talybzade 100

CHRONICLE

- A. P. Khuzangai* (Cheboksari). The second practical conference of etymologists 102
Short diagram of the Turkic dialects description 106

© «Советская тюркология» 1983 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.*

Сдано в набор 15.8.83 г. Подписано к печати 24.10.83 г. ФГ 29154. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 5984. Тираж 3300. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.